

В. Ф. КАХОВСКИЙ

Археология Среднего Поволжья

Чебоксары—1977

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. И. Н. УЛЬЯНОВА

Кафедра всеобщей истории

В. Ф. КАХОВСКИЙ

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Учебное пособие

ЧЕБОКСАРЫ — 1977

Учебное пособие написано в соответствии с программой по основам археологии для университетов. Включает разделы: палеолит, мезолит, неолит, энеолит, бронзовый век, железный век и Волжская Булгария. Автор широко освещает новые археологические открытия в Среднем Поволжье. Книга иллюстрирована и снабжена рекомендательной библиографией.

Пособие предназначено для студентов и учителей истории, а также тех, которые интересуются историей народов Среднего Поволжья.

Ответственный редактор: докт. ист. наук профессор **Н. В. Денисов**

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении многовековой истории трудом и талантом народных масс созданы материальные и духовные богатства, которые в совокупности составляют человеческую культуру. «Народ, — указывает великий пролетарский писатель М. Горький, — не только сила, создающая все материальные ценности, он единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры» (Соч., т. 24. М., 1953, с. 26).

Каждая историческая эпоха оставляет свои памятники, в которых отражается материальная и духовная жизнь прошлых поколений, многовековая история народов. «В СССР памятники служат целям развития науки, народного образования и культуры, формирования высокого чувства советского патриотизма, идейно-нравственного, интернационального и эстетического воспитания трудящихся» («Закон Союза Советских Социалистических Республик об охране и использовании памятников истории и культуры»).

Составной частью памятников истории и культуры являются археологические памятники: городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов. Вещественные остатки прошлого — орудия труда, жилые и производственные сооружения, разнообразные предметы быта и другие хорошо датированные археологические материалы служат ценным историческим источником для изучения развития производительных сил и общественных отношений в прошлом. Значение археологического материала как исто-

рического источника по древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья возрастает в связи с тем, что письменные свидетельства об этих народах появились сравнительно поздно, ранние известия сохранились фрагментарно и не всегда точны. Только в XVIII, XIX вв. накапливаются этнографические материалы о поволжских народах, собранные участниками научных экспедиций Российской академии наук.

Периодизация. Археологические памятники средневожского региона группируются по культурам, периодизация которых в основном совпадает с общепринятой для данной полосы классификацией и датировкой:

- I. Ранний палеолит представлен памятниками мустьерской эпохи (100—40 тыс. л. до н. э.);
- II. Верхний палеолит (40—8 тыс. л. до н. э.);
- III. Мезолит (8—5 тыс. л. до н. э.);
- IV. Неолит (4—3 тыс. л. до н. э.);
- V. Бронзовый век (конец 3—2 тыс. л. до н. э.);
- VI. Железный век (1 тыс. л. до н. э.—начало 1 тыс. л. н. э.);
- VII. Раннее средневековье (VII—X вв.);
- VIII. Эпоха Волжской Булгарии (X—XIII вв.);
- IX. Эпоха Золотой Орды (XIV—XV вв.);
- X. Эпоха Казанского ханства (XV—XVI вв.);
- XI. Памятники позднего средневековья (XVI—XVII вв.).

Среднее Поволжье входит в лесную и лесостепную полосу Восточной Европы, занимает территорию бассейна реки Волги от устья р. Оки на западе до устья р. Белой—притока Камы на востоке, до Самарской Луки на юге, на севере включает бассейны рек Ветлуги и Вятки. Следовательно, рассматриваемый регион охватывает восточную часть современной Горьковской области, всю территорию Чувашской, Марийской и Татарской АССР, Ульяновской области и северную часть Куйбышевской области.

В Среднем Поволжье формировались различные археологические культуры. Многие из них занимали более обширную территорию. Так, памятники абашевской культуры распространены от Верхней Волги до Южного Приуралья. Городецкая культура охватывает обширную область, западная граница которой проходит западнее р. Цны, захватывая рязанское и муромское течения Оки; поселения с рогожной керамикой встречаются в северной части Саратовской области. Следовательно, границы этой культуры выходят далеко за пределы Среднего Поволжья. При исследовании археологических памятников той или иной культуры, естественно, не ограничиваются пределами современного административного деления.

Археология Среднего Поволжья является составной частью археологии нашей страны. Научное исследование памятников старины края неразрывно связано с успехами советской археологии. В истории археологии Средневолжского края отчетливо выделяются два основных периода: дооктябрьский и советский, в каждом из которых прослеживается несколько этапов.

Первые сведения об археологических памятниках, главным образом о болгарских городах, сообщает В. Н. Татищев, который делит волжских болгар на верхних и нижних. Известный исследователь Поволжья и Приуралья П. И. Рычков по материалам русских летописей составил список болгарских городов золотоордынского времени. Ученый-натуралист П. С. Паллас и академик И. И. Лепехин в своих записках о путешествии по России описывают развалины Болгарского города и упоминают ряд городищ по Волге. П. С. Паллас сообщает, что оборонительная линия — Симбирская засечная черта от Волги до Суры — находилась тогда еще «в хорошем состоянии», но уже почти лишилась деревянных крепостей.

Сведения об археологических памятниках появлялись в губернских справочниках. В 1819 г. Казанский учебный округ начал сбор материала о древностях края. Некоторые отрывочные сведения о памятниках древности публиковались в «Казанских губернских ведомостях». По данным волостных управлений, Казанский статистический комитет в 1874 г. составил и опубликовал брошюру «Заметки о городищах, курганных и других древних земляных насыпях в Казанской губернии». Этот же комитет составил список городищ, опубликованный в книге «Древности Казанской губернии», изданной в 1877 г.

Первым сводным трудом по археологии Среднего Поволжья является книга С. М. Шпилевского «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии» (Казань, 1877), посвященная IV археологическому съезду. В первых двух разделах этой монографии дается обзор мусульманских источников и русских летописных данных о булгарах и их городах. В ее третьем обширном разделе подробно описаны городища, курганы, могильники и места находок древних вещей с привлечением материалов прежних малодоступных изданий. Все памятники левобережья Волги С. М. Шпилевский группирует по речным бассейнам, в правобережной части они описаны в рамках существовавших тогда административных единиц — Чебоксарского, Цивильского, Ядринского и Козьмодемьянского уездов.

Материал книги имеет по современным масштабам незначительный объем и почти не датирован, зафиксированы

непроверенные сведения, порою за курганы принимались естественные холмы. Несмотря на имеющиеся недостатки, объясняемые тогдашним уровнем археологических исследований, книга С. М. Шпилевского не потеряла своего значения прежде всего как справочный материал.

Изучение археологических памятников Волго-Камского края значительно оживилось после IV археологического съезда, состоявшегося в 1877 г. в Казани. В 1878 г. при Казанском университете было основано Общество археологии, истории и этнографии. На страницах «Известий Общества археологии, истории и этнографии» (ИОАИЭ) печатались материалы о новых археологических памятниках. В частности, со статьями о памятниках Чувашского Поволжья в «Известиях» выступали Н. И. Золотницкий, В. К. Магницкий и другие краеведы.

Внимание многих археологов привлекали памятники Волжской Булгарии. В 80—90-х гг. прошлого столетия в «Записках Русского археологического общества», основанного в 1864 г., «Материалах по археологии России», в «Известиях» и «Отчетах» археологической комиссии периодически появлялись материалы о поволжских памятниках. В эти годы началась активная научная деятельность выдающихся русских археологов А. А. Спицына (1858—1931) и В. А. Городцова (1860—1945), занимавшихся также изучением памятников Поволжья. А. А. Спицын составил и опубликовал систематизированные археологические обзоры губерний, включая и средневожские, в которых он описывал известные в то время памятники и важнейшие находки. В серии «Материалов по археологии России» (вып. 25) он издал «Древности бассейнов Оки и Камы». В 1898 г. Спицын обследовал окрестности д. Балымеры на Волге и произвел раскопки на Шоломе.

В конце 80-х гг. XIX в. появились обобщающие работы В. А. Городцова по археологии России. Он впервые дал научное обоснование характерных черт фатьяновской культуры, в исследовании памятников которой сам принимал непосредственное участие. В. А. Городцов при обследовании рязанского течения Оки выделил особенности памятников раннего железного века типа городища близ с. Городца Спасского уезда Рязанской губернии. Он отмечал близость городищ городецкой культуры с памятниками фатьяновской культуры.

А. И. Савельев в книге о городищах древнего Болгарского царства описал все известные памятники (всего 156 городищ), включая бассейн р. Цивиль. При этом он опирался на топонимические названия и сведения о чувашских селениях, собранные Н. И. Золотницким.

Большую научную ценность представляют археологические коллекции казанских археологов А. Ф. Лихачева и В. И. Заусайлова, содержащие также вещи с Болгарского, Билярского и Иски-Казанского городищ. Богатая коллекция Заусайлова впоследствии попала в Национальный музей Финляндии в Хельсинки и была опубликована в 1916 г. финским археологом А. М. Тальгреном в двух выпусках (А. М. Tallgren. Collection Zaoussailow. Helsingfors).

Таким образом, в дооктябрьский период шел процесс накопления сведений об археологических памятниках, проводилась их классификация, определялись некоторые археологические культуры с выделением их характерных признаков. Однако научная интерпретация памятников находилась не на должном уровне, методика исследований вещевого материала в научном отношении была несовершенной.

Становление советской археологии происходило под благодатным влиянием марксистско-ленинской методологии. В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции памятники истории и культуры, включая и археологические, стали достоянием трудящихся. Ленинский декрет о памятниках культуры, объявивший их общенародной собственностью, положил начало подлинно научному изучению и использованию материальных и духовных богатств в деле образования и коммунистического воспитания трудящихся.

В 20-х г. научные учреждения молодой Советской России приступили к исследованиям памятников истории и культуры. В числе первых в Поволжье проводила работу экспедиция Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания под руководством В. В. Гольмстен. В течение десяти лет экспедиция вела разведочные работы в Самарской (ныне Куйбышевской), Симбирской (Ульяновской), частично в Саратовской и Оренбургской губерниях. В нижнем течении р. Б. Черемшан и по р. Кондурча и в других местах экспедицией обнаружено большое количество памятников, в том числе болгарского времени.

В 1921 г. Чувашская экспедиция под руководством профессора Казанского университета В. Ф. Смолина обследовала курганы бронзового века в северо-восточных районах области. В 1925 г. экспедиция Краеведческого музея Чувашской АССР под руководством того же В. Ф. Смолина провела раскопки трех курганов Абашевского могильника в Чебоксарском районе. Материалы раскопок были опубликованы Смолиным в книге «Абашевский могильник в Чувашской республике» (Чебоксары, 1928). В книге описаны основные черты новой культуры бронзовой эпохи, названной по первому исследованному могильнику абашевской.

В 1926—1927 гг. комплексная Средневожская экспедиция Государственной Академии истории материальной культуры под руководством П. П. Ефименко проводила археологические исследования в широких масштабах. Участники экспедиции Т. С. Пассек, Б. А. Латынин, П. Н. Третьяков обследовали неолитические стоянки, курганы и городища. Курганы, аналогичные абашевским, были зафиксированы во многих местах северной Чувашии (близ селений Тюрлема, Катергино, Таушкасы, Досаево, Олгаши и др.). Материалы Средневожской экспедиции опубликованы в совместной работе П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова в сборнике «Абашевская культура в Среднем Поволжье» (М., 1961).

В это же время В. Ф. Смолин проводил археологические раскопки в Татарской республике.

В 30-х г. на территории Чувашии велись исследования могильников, отнесенных к фатьяновской культуре. В 1930 г. П. Н. Третьяков провел раскопки Атликасинского кургана (в Ядринском районе), давшего своеобразную керамику и кремнёвый материал.

Весьма значительными оказались результаты первых лет исследования могильника, расположенного в урочище Карабай близ д. Баланово (Козловский район), в северо-восточной части современной Чувашии, под руководством О. Н. Бадера. Раскопки могильника проводились им в 1934, 1936, 1937, затем в 1957 г. В 1940 г. исследования Балановского могильника вела М. С. Акимова, в 1977 г. — В. Ф. Каховский.

С 1933 по 1937 г. экспедиция ГАИМК совместно с Государственным историческим музеем под руководством А. П. Смирнова проводила раскопки городища Сувар, расположенного на р. Утке—левом притоке Волги. Экспедиция А. П. Смирнова в те годы вела разведочные работы в Куйбышевской и Ульяновской областях.

Современный этап истории археологии Среднего Поволжья, начавшийся в послевоенные годы, ознаменовался крупными открытиями и стационарными исследованиями памятников разных исторических эпох. Большой вклад в археологию Поволжья внес казанский ученый Н. Ф. Калинин, руководивший экспедицией Казанского филиала Академии наук СССР (КФАН) с 1945 г. Он возглавлял полевые работы в бассейнах рек Камы, Свияги, Казанки, Ахтоя, Бездны, в 1956 г. проводил работы на территории Марийской АССР, картографировал памятники в центральных областях Волжской Булгарии, изучал памятники письменности. Перу неутомимого исследователя принадлежат обобщающие работы по истории Волжской Булгарии, Казанского ханства, истории г. Казани и другие.

В 1950 г. была организована Куйбышевская экспедиция Института археологии АН СССР, проводившая исследования памятников в зоне затопления. Экспедицию возглавил А. П. Смирнов, с именем которого связан новый этап болгароведения. Многолетние раскопки г. Булгара и других болгарских памятников обобщены А. П. Смирновым в монографии «Волжские болгары» (М., 1951), в которой на основе письменных источников и богатом археологическом материале прослеживаются основные этапы истории Булгарского государства и его культуры. В составе Куйбышевской экспедиции работали ученые Москвы (Н. Я. Мерперт, Г. А. Федоров-Давыдов, Н. В. Трубникова), местные археологи (Т. А. Хлебникова, А. Е. Алихова). П. Д. Степановым был собран материал для археологической карты Среднего Поволжья.

В 50-х гг. открыт ряд новых болгарских памятников, в том числе могильники Больше-Тарханский, Кайбельский, Тетюшский и Танкеевский. В Б. Тарханском могильнике при раскопках в 1957 и 1960 гг. под руководством В. Ф. Генинга получен богатый материал, проливающий свет на раннюю историю болгар. Наиболее ценный вещевой материал дали раскопки Танкеевского могильника, проведенные в 1961—1966 гг. экспедицией КФАН. Результаты исследований могильника опубликованы в монографии В. Ф. Генинга и А. Х. Халикова «Ранние болгары на Волге» (М., 1964).

Материалы археологических исследований в зоне строительства Куйбышевской ГЭС опубликованы в четырех томах Куйбышевской экспедиции, завершившей свою деятельность в 1955 г. После нее археологические работы проводила Поволжская экспедиция Института археологии АН СССР, которой руководил профессор А. П. Смирнов. В ее составе работали татарский, ульяновский и чувашские отряды.

В 50-х гг. развернулись археологические работы на территории Чувашии. В 1956—1959 гг. Г. А. Федоров-Давыдов исследовал Тигашевское и Б. Таябинское городища, отряд Н. В. Трубниковой проводил раскопки памятников городищной культуры. Н. Я. Мерперт изучал курганные памятники срубной культуры на юге Чувашии, а в ее северных районах — курганные группы абашевского времени. Отрядом В. Ф. Каховского открыт и обследован ряд поселений бала-новской культуры. В 1962—1965 гг. чувашский отряд Поволжской экспедиции провел раскопки домонгольского болгарского городища Хулаш в правобережье современной Татарской АССР. Материалы Чувашской экспедиции опубликованы в «Ученых записках» Научно-исследовательского института, затем обобщены в монографии А. П. Смирнова «Железный век Чувашского Поволжья» (М., 1961).

В 50-х гг. археологические работы в значительных масштабах проводились в Марийской АССР. С 1956 г. в этих работах участвовал Казанский филиал АН (руководитель А. Х. Халиков). Отряды Марийской экспедиции возглавляли Г. А. Архипов, О. Н. Евтюхова, В. Ф. Генинг и Т. А. Хлебникова. Стационарные работы проведены на Васильсурском городище, Мари-Луговском могильнике и на ряде «Черемисских» кладбищ.

В 1954—1957 гг. Удмуртская экспедиция под руководством В. Ф. Генинга проводила работы в бассейне р. Вятки. Интересные материалы дали раскопки Азелинского и Суворовского могильников на р. Вятке. Обобщая вещевой материал могильников этого круга, В. Ф. Генинг выделил новую археологическую культуру, назвав ее азелинской, являющуюся, по мнению А. П. Смирнова, локальным вариантом поздней стадии пьяноборской культуры.

В 1956—1958 гг. на территории Нижней Камы и прилегающих районов Волги изучались городища, селища и могильники именьковской культуры, датируемой IV—VI вв. Исследователь этих памятников В. Ф. Генинг первоначально считал, что именьковская культура сложилась на базе городищ, а ее этнос он относил к финно-уграм. Затем В. Ф. Генинг выдвинул другую точку зрения, согласно которой именьковские племена были пришлыми тюрками, проникшими в Среднее Поволжье в эпоху «великого переселения народов». Проблема происхождения именьковской культуры и этнической принадлежности ее населения вызвали другие гипотезы.

Горьковская археологическая экспедиция под руководством Н. Н. Туриной проводила работы в основном по Костромскому и Горьковскому течениям Волги и в низовьях Оки, где были открыты новые памятники позднемезолитического времени, балахнинской неолитической культуры, поселения культуры волосовского типа, относимой исследователями к финно-угорскому населению.

В связи с началом строительства Чебоксарской ГЭС в 1969 г. была создана Чебоксарская археологическая экспедиция, руководимая Ю. А. Красновым. При раскопках Безводнинского могильника второй половины I тысячелетия н. э. в Кстовском районе Горьковской области Ю. А. Красновым получен богатый вещевой материал, проливающий свет на культурно-бытовые особенности населения данного района.

Чебоксарский отряд (руководитель — В. Ф. Каховский) в 1969—1972 гг. проводил работы в зоне затопления в г. Чебоксарах. Материалы раскопок свидетельствуют о возникновении города в низовьях р. Чебоксарки на рубеже XIII—XIV вв., задолго до летописного упоминания Чебоксар.

Мощный культурный слой, достигающий 7 м, содержит остатки деревянных жилых и хозяйственных строений, ремесленных мастерских. Большая коллекция кузнечных, кожевенных, керамических, деревянных изделий хорошо отражает состояние городского ремесла. Установлено, что со второй половины XV в. в г. Чебоксарах начинают селиться русские ремесленники и купцы. Элементы русской культуры широко проникают в быт населения города. После добровольного вхождения Чувашии в Русское государство значение Чебоксар в хозяйственном развитии края значительно возросло.

Г. А. Архипов, Р. Ф. Воронина и И. К. Цветкова, возглавлявшие отряды Чебоксарской экспедиции, проводили работы в Среднем Поволжье и низовьях Суры на памятниках разных исторических эпох.

В последние годы казанскими археологами проводятся стационарные работы на болгарских городищах (Болгар, Биляр, Сувар, Джеке-тау и др.), ими составлен свод археологических памятников Волжско-Камской Булгарии, издан ряд обобщающих работ.

Таким образом, из года в год расширяются масштабы археологических исследований в Среднем Поволжье. Все меньше остается белых пятен на археологической карте изучаемого региона. Археологические данные служат ценными источниками для изучения древней и средневековой истории поволжских народов.

В деле организации учета, охраны и пропаганды памятников огромную роль играет Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, членами которого являются учащиеся, студенты, учителя школ и широкие слои трудящихся. В уставе общества определены основные задачи: а) привлечение широких слоев населения к активному и непосредственному участию в охране памятников истории и культуры: историко-революционных, воинской и трудовой славы, мемориальных, связанных с жизнью выдающихся деятелей, братских и воинских захоронений, памятников истории, науки и техники, гражданской и культовой архитектуры, археологии, искусства, включая произведения древнерусской живописи, народных художественных промыслов, письменности, литературы, музыки и др.;

б) активное содействие государственным органам охраны памятников— в их работе по сохранению, пропаганде и реставрации памятников и памятных мест;

в) пропаганда среди населения знаний о памятниках истории и культуры и воспитание на этой основе любви к Родине, ее истории, уважения к труду и таланту народа (Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. (М., 1966, с. 3—4).

Выражением ленинского отношения к культурному наследию явилось принятие на пятой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва Закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Определяющей позицией Закона является положение о том, что памятники истории и культуры в нашей стране являются достоянием народа и охраняются законом.

В статье 26 Закона определен порядок ведения полевых исследований: «Ведение раскопок и разведок памятников археологии допускается только при наличии разрешений (открытых листов), выдаваемых и регистрируемых в установленном порядке.

Организации и граждане, осуществляющие археологические работы, обязаны обеспечить сохранность памятников».

В статье 31 предусматривается ответственность за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры: «Лица, виновные в невыполнении правил охраны, использования, учета и регистрации памятников истории и культуры, нарушении режима зон их охраны, а также в других нарушениях законодательства об охране и использовании памятников, несут уголовную, административную или иную ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик».

КАМЕННЫЙ ВЕК

Палеолит

В нашей стране зарегистрировано свыше 950 палеолитических и мезолитических памятников.

В Среднем Поволжье зафиксировано несколько мустьерских местонахождений.

Барбашин Овраг. В устье Барбашина оврага, у пристани им. Фрунзе, в 10 км выше г. Куйбышева, найден кремнёвый остроконечник, напоминающий орудия крымских стоянок.

Тунгуз (Хрящевская Коса). Местонахождение ископаемой фауны расположено на левом берегу Волги у г. Сенгилёв Ульяновской области, ниже устья р. Черемшана, на полуострове Тунгуз, который тянется вдоль р. Воложки — рукава Волги. Здесь еще в прошлом веке были найдены кости ископаемых животных. В 1926 и 1953 гг. обнаружены обломок лобной части черепа и пяточная кость человека, относящегося ко времени обитания мамонта. В 1951 г. М. З. Паничкиной, возглавлявшей палеолитический отряд Куйбышевской

археологической экспедиции, собраны кости мамонта, шерстистого носорога, быка, бизона, гигантского, северного и благородного оленя, лося, верблюда, дикой лошади и хищных животных. Среди галечника найдены окатанные осколки камней со следами обработки, а также два грубых нуклеуса, четыре отщепы пятиугольной формы и три кремневых остроконечника, характерных для раннемустьерского времени. В 1954 г. на полуострове Тунгуз найдены кремневые пластины и отщепы позднепалеолитического времени.

Ундоры. Кремнёвые изделия древнепалеолитического облика вместе с ископаемой фауной обнаружены на о. Ундоры, расположенном между г. Тетюшами (Татарская АССР) и Ульяновском, при разведочных работах, проведенных М. З. Паничкиной (1951) и З. А. Абрамовой (1954).

Красная Глинка. Каменные орудия ашельских и мустьерских типов вместе с остатками костей четвертичных животных обнаружены в 1951 г. М. З. Паничкиной на правом берегу Волги, в 1,5 км от Бессоновской пристани, в урочище Красная Глинка, близ Тархан (Татарская АССР). Фауна представлена костями шерстистого носорога, лошади и бизона. Изделия из кремня, бурого железняка, песчаника и доломита (грубые рубящие орудия, скребла, отщепы и нуклеусы) относятся к раннемустьерскому времени.

Позднепалеолитические и мезолитические месторождения в Среднем Поволжье нередко совпадают. На острове у с. Ундоры вместе с костями четвертичных животных найдены каменные отщепы подтреугольной формы, дискобидный нуклеус и крупная ножевидная пластинка. Находки кремнёвых пластинок и отщепов позднепалеолитического времени были сделаны на полуострове Тунгуз у г. Сенгилея. Массивные каменные отщепы, напоминающие изделия с полуострова Тунгуз, собраны в 1951 г. на о. Бектяжском, ниже с. Хрящевки Сенгилеевского района Ульяновской области.

Остатки палеолитической стоянки выявлены у д. Уразлино Янтиковского района Чувашской АССР. При обследовании стоянки А. Я. Брюсовым в 1936 г. на восточном склоне сухого оврага, выходящего к речке Соломинка, притока Свяги, обнаружены в углистом слое кости четвертичных животных: мамонта, быка, зайца и суслика.

В 1961 г. близ д. Б. Янгильдино (Чебоксарский район) на высоком левом берегу речки Сёне карта (Новая изгородь), притока реки Рыкши, на месте находок костей мамонта, черепа шерстистого носорога, рога северного оленя обнаружены следы стоянки палеолитического времени (остатки костра, раздробленные и обожженные кости животных).

В 1974 г. близ с. Ямашева (Канашский район Чувашской АССР) в результате размыва берега реки открылась гряда

костей мамонта и северного оленя. Среди костей лежал массивный обработанный песчаник подтреугольной формы.

В Чувашии, как и в других районах Среднего Поволжья, обнаружены палеонтологические остатки, которые могут указать на местонахождение стойбищ охотничьих коллективов. Родовые коллективы занимались охотой, кочуя вместе со стадами животных. Род являлся основной хозяйственной и социальной ячейкой того времени. Внутри него существовало половозрастное деление, члены рода вели комплексное хозяйство и уравнительное распределение продуктов.

Одним из замечательных памятников палеолитической живописи является Капова пещера (Шульган-Таш) на Южном Урале. Палеолитические рисунки открыты в ней в 1959 г. зоологом Башкирского заповедника А. В. Рюминым. В 1960—1964 гг. пещеру исследовала экспедиция Института археологии под руководством О. Н. Бадера. Пещера образовалась в третичную эпоху в толще известняков и доломитов горы Шульган-Таш, или Сарык-Ускан. Речка Шульган прорыла в горе огромные подземные полости в несколько ярусов.

В верхнем этаже пещеры обнаружены восемь отдельных красных фигур: лошади, мамонта и носорога. На противоположной стене нанесены рисунки, напоминающие бизонов, носорога и мамонтов. Рисунки выполнены охрой, размеры фигур колеблются от 44 до 112 см. Они сделаны в разных масштабах и не составляют композиции. Рисунки верхнего этажа Каповской пещеры обнаруживают большое сходство с монохромной живописью в пещерах мадленской эпохи Южной Франции. Рисунки нижнего этажа Каповской пещеры расположены на покато низком потолке, выполнены той же красной краской. Все рисунки этого этажа отличаются геометрическим, стилизованным характером, потому их трудно расшифровать. О. Н. Бадер полагает, что четырехугольные фигуры отображали животных.

Мезолит

Мезолит лесной полосы Восточной Европы, датируемый 8—5 тысячелетиями до н. э., охватывает период от субарктического до атлантического климата включительно.

Раннемезолитические стоянки имеют еще переходный характер: в них наряду с новыми микролитическими изделиями встречаются орудия верхнепалеолитического облика. К этой группе памятников относится стоянка в устье Постникова оврага, на северной окраине г. Куйбышева, на левом берегу Волги. Стоянка была открыта в 1924 г. В. В. Гольмстен, производившей здесь раскопки в 1924—1926 гг.

В 1926 и 1929 г. стоянку исследовал П. П. Ефименко, который ошибочно отнес памятник к неолиту

На стоянке получен значительный кремневый материал, включающий нуклеусы, резцы, скребки и скобеля, ножевидные пластины, отщепы и сколы. Нуклеусы представлены клиновидными формами, сложившимися в верхнем палеолите и получившими широкое распространение в мезолите. Скребки изготовлены из отколотой корки кремневого желвака или галечника; лезвия их, обработанные крутой ретушью, имели прямую или слегка округлую форму. Скребла изготовлены из крупного куска желвачной корки, их широкое лезвие обработано крупной ретушью. Скобели представлены двумя формами: с одним широким выемом и двумя-тремя короткими выемами. Резцы изготовлены на кремневых сколах или на продольных обломках нуклеусов.

Стоянка Постников овраг по характеру инвентаря тяготеет к раннемезолитическим памятникам Урала (Гольй камень близ Нижнего Тагила, Ильмурзинская стоянка). По мнению О. Н. Бадера, мезолитическая культура на Урале развилась на базе местного палеолита и носила макролитический характер.

К раннемезолитическому времени относятся также стоянки на Барабашинской поляне, на Волге близ г. Куйбышева, «Девичий городок» и «Курган» на левом берегу низовья Камы. Инвентарь указанных стоянок состоит из крупных клиновидных нуклеусов полупризматического типа с коническим завершением, скребков крупного размера, угловых, концевых и других форм. Орудия подобных форм найдены в Среднем Поволжье на других местонахождениях (Синцовское в бассейне р. Пижмы, Анчеринское на р. Сумке, правом притоке Волги).

Близость культуры раннего мезолита Среднего Поволжья к памятникам Приуралья и Западной Сибири объясняется тем, что в конце верхнего палеолита на этой обширной территории сложилась палеоэтнокультурная общность. Еще в субатлантический период начинают проникать в Среднее Поволжье из Приуралья группы племен, генетически связанных с палеосибирским населением, относимым к протофинно-уграм.

Средний этап мезолита, соответствующий бореальному периоду климата, в Среднем Поволжье представлен памятниками двух культурных общностей: 1) в Волго-Камье стоянки по характеру материала тяготеют к Уральской и Западносибирской группам;

2) Волго-Окские памятники по комплексу материалов сближаются с большой культурной общностью, распространенной на обширной территории от Черного до Балтийского моря.

Стоянки первой группы обычно расположены на возвышенных дюнах надпойменных террас (II Русско-Луговская, III Тетюшская и др.) или по краям высоких берегов рек (Постников овраг III, Холодный ключ на р. Сюнь и др.), что объясняется повышенной увлажненностью бореального климата — уровень водоемов был выше современного. Одни поселения служили кратковременными стоянками (на них мощность культурного слоя незначительна), другие являлись долговременными поселениями с полужемлянками (II Русско-Луговская стоянка).

Мезолитические памятники Волго-Камского региона отличаются специфическими чертами: в кремневом инвентаре преобладали микролиты, но еще бытовали макролитические орудия раннемезолитического типа; были распространены клиновидные и полупризматические нуклеусы, вкладыши-пластины с угловым сколом с одного и обоих краев, скребки на пластинах или на их обломках; сохранились скребки ранних форм — на отщепках с округлым и скошенным лезвием, а также скребки на отщепках.

Памятники данной группы относятся к большой камской культурной группе и тяготеют к памятникам Западного Приуралья. Для них общими были архаические формы нуклеусов полупризматической и клиновидной форм, широкое распространение имели скребки на пластинах и отщепках, прямоугольные пластины-вкладыши, в них сохранились крупные долбящие и топовидные орудия.

Памятники Марийско-Чувашского Поволжья (стоянки Яндашевская на р. Цивиль, Старо-Мазиковская на Илети, Отаринское местонахождение на левом берегу Волги) имеют специфические особенности, отличающие их от поселения Волго-Камья и сближающие с Волго-Окскими (Борки, Елин Бор, Лукино).

Мезолитические памятники этой группы тоже расположены на высоких дюнах надлуговых террас и их высоких кромках. В кремневом инвентаре преобладают небольших размеров вкладыши на ножевидных пластинах, наконечники стрел с черешком. Скребки изготовлены из коротких пластин или отщепов с округлым лезвием. В этой группе памятников макролитические орудия отсутствуют.

Таким образом, Среднее Поволжье в период развитого мезолита являлось областью распространения разных археологических культур: Волго-Камье входило в ареал Волго-Уральской историко-культурной общности, испытавшей влияние племен Прикаспия и Средней Азии; Чувашско-Марийское Поволжье составляло восточные пределы расселения племен Волго-Окской этнокультурной общности, находив-

шейся под влиянием палеоевропеоидного населения Поднепровья и Причерноморья.

В эпоху позднего мезолита, совпадающего с концомбореального и атлантического климатического периодов, число памятников резко возросло, что было обусловлено увеличением населения и упрочением оседлого образа жизни. Поздне-мезолитические стоянки расположены в низких местах, в начале атлантического периода установился сухой климат и уровень воды в реках понизился.

Археологами исследованы стоянки близ с. Кабы-Копры на р. Свияге, I Камско-Устьинская и Сюкеевская на Волге, Савиновская у г. Казани; I, VII и IX Нижне-Марьяновские и III Березовогривская на Нижней Каме, Курманаевская и Широкундышская в Марийской республике, стоянки у пос. Монашевский хутор на окраине г. Куйбышева и Черняницкая на Вятке.

На стоянке Кабы-Копры открыты остатки большого жилого сооружения полуземляночного типа столбовой конструкции, квадратной формы. В центральной части жилища расположены очажные ямы. Строение, имевшее значительную площадь (150 кв. м.), служило общеродовым жилищем.

Кремневый инвентарь, собранный на площади жилища, представлен большим числом орудий из пластин, резцов, ножей, макролитов-топоровидных орудий. Вкладыши-пластинки отсутствуют. Такой же состав имеет вещевой материал других поздне-мезолитических стоянок, на которых открыты большие жилища деревянной конструкции. Потребность в обработке дерева вызвала появление топоровидных и тесловидных орудий. Совершенствовалась техника стесывания пластин, из которых изготавливали ножи и скребки. Население занималось собирательством и охотой.

Культура позднего мезолита, базировавшаяся на культуре предшествующего периода, отличалась исчезновением некоторых архаических типов орудий и появлением новых форм. Это обстоятельство свидетельствует о том, что на протяжении всей эпохи мезолита в составе населения Волго-Камья существенных изменений не произошло. В этом регионе шел процесс дальнейшей консолидации родо-племенных объединений.

В Волго-Окском междуречье преемственно продолжала развиваться культура предшествующего периода. Найденные в докерамическом слое Криушинской стоянки (Козловский район Чувашской АССР) кремневые орудия аналогичны материалу стоянок Волго-Окского региона. Территория Чувашского Поволжья являлась, по-видимому, областью тесного соприкосновения двух больших этнокультурных общностей Восточной Европы. Исследователь волго-окской топонимики

Б. А. Серебрянников связывает с мезолитическим населением этого региона древний пласт топонимических названий с суффиксами -ма, -га, -ша: Шатьма, Чашлама, Тюрлема, Юнга, Унга, Кучелга, Рыкша, Киша, Шемурша и другие. Сходные названия встречаются на территории Марийской АССР (Уртома, Шошма, Кокшага, Чукша), Удмуртии (Можга, Тойма и др.), в Мордовии (Штырма, Лашма, Ялга, Морга, Кокша и др.). Названия этого типа распространены в Ивановской, Костромской, Ярославской, Кировской, Вологодской и Архангельской областях, а также на территории Карельской АССР. Общность топонимики на обширной территории свидетельствует о том, что ее древнее население говорило, по-видимому, на весьма близких языках. По предположению некоторых археологов и лингвистов, создатели этой топонимики говорили на каких-то финно-угорских языках. По мнению Б. А. Серебрянникова, эти языки были не родственны финно-уграм.

Потомки мезолитического населения Волго-Окского междуречья явились создателями неолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики и поселений с землянками, имевшими деревянные укрепления стен. По мнению ведущих археологов, племена этой культуры не входили в финно-угорскую этническую общность. Культурная преемственность населения эпохи мезолита и неолита подтверждает точку зрения Б. А. Серебрянникова.

Неолит

Неолит Среднего Поволжья охватывает 4—3 тысячелетия до н. э. В эпоху неолита произошли существенные сдвиги в развитии производительных сил: усовершенствовалась техника, возникли такие приемы обработки камня, как шлифовка, сверление, пиление; появились новые формы орудий. С началом керамического производства укреплялась оседлость охотничье-рыболовецких коллективов. Вследствие естественного роста численности населения увеличилось количество поселений, располагавшихся обычно вблизи водоемов.

Климат Восточной Европы в ту эпоху был подвержен колебаниям. В среднем голоцене (атлантический — начало суббореального периода) происходили колебания увлажненности. В первую фазу (конец 5 — начало 4 тысячелетия до н. э.) вследствие усиления дождливости образовалась повышенная увлажненность. Зима была мягкая, лето прохладное. В этот период в Поволжье распространялись широколиственные леса. В связи с увеличением стока рек стоянки располагались на высоких дюнах береговых террас. Во вторую фазу (с середины 4 — до середины 3 тысячелетия до н. э.) атлан-

тический период завершился, климат потеплел, увлажненность понизилась, в степной полосе Восточной Европы установился засушливый климат. Вследствие сокращения стока воды стоянки располагались на низких местах, на дюнах пойм рек. В смешанных лесах преобладала сосна. Третья фаза (вторая половина 3 — начало 2 тысячелетия до н. э.) совпадает с эпохой позднего неолита и энеолита; увлажненность повысилась, сток рек увеличился, стоянки снова переносятся на высокие прибрежные места. В лесах преобладание сосны падает, распространяется береза, появилась ель.

Климатические изменения оказывали существенное влияние на жизнь неолитических племен, занимавшихся, главным образом, охотой и рыболовством.

В Среднем Поволжье сложившиеся в мезолите различия археологических культур усилились. Культура Волго-Камья характеризовалась появлением и распространением прочерченной или гребенчатой керамики, присутствие которой прослеживается также в материалах памятников Приуралья и Западной Сибири. В западной части Среднего Поволжья сложилась культура ямочно-гребенчатой керамики и поселений с землянками с деревянными стенами, характерными для племен балахнинской культуры Волго-Окского бассейна.

По времени существования стоянок и характеру материала неолит Волго-Камья подразделяется на ранний и поздний (развитой) периоды. Ранний неолит А. Х. Халиков подразделяет на три этапа: первый — докерамический, второй — время появления керамики с накольчато-прочерченным орнаментом, третий характеризуется распространением зубчатого оттиска в орнаментации керамики.

К докерамическому этапу относятся стоянки: II Русско-Луговская, I Черно-Мазинская, V Атабаевская, I Кураловская и II Старо-Куйбышевская, расположенные на левом берегу Волги; по левому берегу Камы обследованы: I Бозяковская, I и V Берёзовогривские, III, VIII и XI Балахчинские, I Ивановская и X Кузькинская. Все они занимают высокие дюны надлуговых террас, так как в атлантический период произошло повышение увлажненности и стока рек.

При раскопках I Черно-Мазинской стоянки открыты остатки полуземлянки размером 5×5 м. В кремневом инвентаре преобладают изделия из пластинок (концевые скребки, боковые резцы, ножи, проколки и др.), встречаются асимметричные долота и тесла с горбатой спинкой и плоским обушком. Кремневые изделия сохранили еще формы мезолитических орудий.

Керамика считается одним из основных признаков неолита. В раннекерамический период неолита число памятников возросло. В Среднем Поволжье выявлено около 60 стоянок.

из которых лучше изучены Гавриловская в устье Оки, Озименки I на р. Мокше, Ананьинская на Каме, местонахождения близ г. Куйбышева. Казанскими археологами проведены раскопки на стоянках Кабы-Копрынской (верхний слой), II Щербетьской на левом берегу Волги и «Вороний куст» в устье Свияги. Названные памятники существовали в фазу наименьшей увлажненности атлантического периода (первая половина 4 тыс. л. до н. э.), поэтому они расположены на невысоких приречных дюнах. Ранняя керамика представлена сосудами с уплощенным дном, в тесте содержится примесь песка, шамота и растительной трухи. Поверхность сосудов заглажена и покрыта орнаментальными узорами из мелких клиновидных и ячеистых оттисков «отступающей лопаточки», а также коротких прочерченных линий, встречаются оттиски зубчатого или гребенчатого штампа. По краю венчика иногда наносились сквозные наколы. Орнаментальные узоры расположены горизонтальными рядами линий и елочки, уплощенного горизонтального зигзага, редко наносились вертикальные линии, крупная «плетенка» и перекрещенные линии.

Памятники накольчато-прочерченной керамики первоначально имели распространение на обширном пространстве от устья Оки до Западной Сибири.

В приеме обработки камня преобладал отщеп длинных пластин (до 5—10 см). Макролитические орудия, обработанные отжимной техникой (долота, тесла), еще не подвергались шлифовке.

Более разнообразным стал состав скребков: наравне с концевыми появились новые формы — крупные дисковидные скребки, ножи-ложкари. Среди ножей преобладали двулезвийные с округлым и прямым краем.

Наконечники стрел, число которых в находках увеличилось, изготовлены на пластинах с двусторонней обработкой по краю; преобладают листовидные формы, встречаются треугольно-подромбические с черешком и боковыми шипами.

Значительная группа раннекерамических неолитических стоянок была сосредоточена в районе слияния Камы с Волгой (Комаровская, Ага-Базарские, Болгарская, Щербетьские, Ембулатовские, Измерские, Нижне-Марьянские, Березово-Гривская, Карташихинские, Кузькинские, Булахчинские и Алексеевская).

В этот период в бассейне среднего и нижнего течения Оки обитала группа племен, у которых бытовала накольчато-прочерченная керамика (Гавриловская стоянка и могильники в устье Оки, Красный Бор на р. Теше, местонахождения Озименки I, Земетчино на р. Мокше и др.).

Ранне-неолитические памятники известны на р. Белой и в Башкирском Приуралье (Усть-Айская и Усть-Юрюзанская стоянки), которые обнаруживают сходство со стоянками Среднего Поволжья. В Зауралье стоянки приобского неолита (Козлова Перейма, Сосновая пристань и др.) имели некоторые элементы сходства с волго-камским неолитом (низкое расположение поселений, преобладание микролитов, наконечников стрел на пластинах). Неолит Зауралья содержит также орудия кельтеминарского типа (наконечники стрел с выемом). Между памятниками Поволжья и Приобья сходные черты отчетливо прослеживаются в керамике—появились остродонные сосуды, орнаментированные оттисками отступающей лопаточки. В то же время зауральская керамика обнаруживает сходство с кельтеминарской посудой, прежде всего, в орнаменте, содержащем прочерченно-волнистые узоры и вертикальные «лесенки». Под кельтеминарским влиянием возникла специфика уральского неолита. Однако Волго-Камские и западносибирские племена сохраняли общие культурные традиции, восходящие к эпохе мезолита. В ранне-неолитическое время для этих соседствующих культур были характерны полуяйцевидной формы глиняная посуда с накольчато-прочерченной орнаментацией и полужемлянки квадратной формы.

Некоторые черты сходства с памятниками Волго-Камья имеют неолитические стоянки верховьев Суры и Мокши — к этому времени сюда проникали прикамские племена.

Поздний неолит подразделяется на два этапа: первый датируется первой половиной 3 тысячелетия до н. э. и второй — серединой и третьей четвертью 3 тысячелетия до н. э.

На Средней Волге и Нижней Каме в настоящее время известно более 40 стоянок и местонахождений с материалом первого этапа. Наиболее полно изучены стоянки Борзовое озеро I на Верхней Каме, Займище III на Волге, I Лебединская на Нижней Каме.

На данном этапе продолжает бытовать керамика котло-видной формы с закрытым горлом, орнаментированная техникой «шагающей гребенки», с узорами из прочерченных и резных линий. В кремневом инвентаре преобладают крупные орудия — шлифованные симметричные тесла, концевые и угловые формы скребков, распространены ножи на кремневых пластинах; ромбовидные наконечники стрел имеют двустороннюю обработку. Изжила себя микролитическая обработка камня, исчезли резцы на пластинках и отщепках. Из памятников завершающего этапа неолита Волго-Камья хорошо изучены стоянки: Старо-Мазиковские, V Марьяновская, I Бозяковская, Алексеевская, Кряжская, Хиторская.

Наравне с котловидными сосудами появились чашевидные и полуяйцевидные. В орнаментике продолжал применяться гребенчатый штамп с мелкими и средними зубцами, увеличивается число сосудов, покрытых «шагающей гребенкой» (особенно в Прикамье). Полностью изжила себя микролитическая техника, повсеместно распространены хорошо отшлифованные топоры и долотовидные орудия, скребки приняли правильную треугольную форму, бытовали ложжари — скребковидные ножи. В это время широко распространяются ножи, изготовленные на кремнёвых плитках, появились ножи с рукояткой и правильной клиновидной формы. Наконечники стрел стали более разнообразными, наряду с листовидными и одношипными формами распространились черешковые.

В начале 3 тысячелетия до н. э. территория распространения волго-камских племен выше устья Камы сузилась в результате вторжения балахнинских племен с гребенчато-ямочной керамикой. Балахнинцы заняли Поволжье до устья Свияги. Под давлением балахнинцев волго-камское население отошло на восток — на Каму и Вятку, а также на север — Волго-Вятское междуречье, где они образовали локальные группы волго-камской культурной общности.

В 3 тысячелетии до н. э. усиливалась культурная общность Зауралья, Западной Сибири и Волго-Камья, о чем свидетельствует распространение яйцевых сосудов с округлым дном, изготовленных из теста с примесью шамота, орнаментированные зубчато-гребенчатым штампом и «шагающей гребенкой», хорошо отшлифованных долот и тесел, бытование сходных украшений — амулетов из лиственита, хлоритового сланца и т. д.

В Волго-Камье, Зауралье и Западной Сибири открыты однотипные одиночные погребения покойников в вытянутом положении, головой на север; костяки обычно покрыты охрой.

В поздненеолитический период балахнинские племена оказывали сильное влияние и на население юго-западной группы волго-камской культуры. В борьбе с экспансией балахнинских племен волго-камские племена вышли победителями и в конце неолитической эпохи двинулись на запад в исконные области обитания населения с ямочно-гребенчатой керамикой. Причем отдельные группы волго-камских племен вышли в районы Верхнего Поволжья (стоянки на р. Юг в Костромской области, Злоторучье III в Ярославском Поволжье, Репище в Новгородской области).

В 4 тысячелетии до н. э. в Волго-Окском междуречье сложилась неолитическая культура ямочно-гребенчатой керамики. На рубеже 4 — 3 тысячелетия до н. э. племена этой куль-

туры распространились на запад — в Прибалтику, Карелию, Южную Финляндию, проникли в бассейны Вычегды, Печоры и Северной Двины, а на восток — в области Средней Волги.

В Среднем Поволжье и Волго-Окском бассейне памятники с ямочно-гребенчатой керамикой объединены в балахнинскую культуру. Исследователи А. Я. Брюсов и И. К. Цветкова в балахнинской культуре выделяют три этапа: первый относится к концу 3—началу 2 тысячелетия до н. э. (нижнеокские стоянки Малое Окулово, Садовый Бор и II Гавриловская); второй — первая половина 2 тысячелетия до н. э. (Плеханов Бор, Сонино и др.); третий — вторая половина 2 тысячелетия до н. э. (Гавриловка III, Сейма, Решетиha II).

На раннем этапе балахнинские стоянки располагались низко от уровня водоемов. На Саконской стоянке А. Е. Алиховой раскопано большое жилое сооружение прямоугольной формы, имевшее бревенчато-столбовую крепежку и двускатное перекрытие. Это сооружение служило общеродовым жилищем.

Керамика Малоокуловской, Саконской и Серковской стоянок представлена большими сосудами вытянутых пропорций с округленно-приостренными днищами, изготовленными из глины с примесью песка и дресвы. Вся поверхность сосудов покрыта орнаментальными узорами из глубоких конических ям, образующих зигзаги, ромбы и треугольники, а также оттисками гребенчатого штампа, перевитого шнура, которые занимали в украшении второстепенное место.

Керамика раннего этапа балахнинской культуры была сходна с посудой раннеолитических стоянок Льяловская, Караваевская, Суцевская. Многие исследователи полагают, что балахнинская и льяловская культуры сформировались на общей культурной основе позднеолитических памятников Волго-Окского бассейна.

Раннебалахнинский кремневый инвентарь состоит из орудий, изготовленных на отщепах и крупных кусках кремня. Крупные орудия — долота были асимметричные, трапециевидные в сечении, скребки имели круглую форму; ножи с боковым или угловым лезвием изготовлены на отщепах или пластинах.

Ранний этап балахнинской культуры по сходству с памятниками льяловского типа А. Х. Халиков датирует рубежом не позднее 4—3 тысячелетия до н. э. В это время в устье Оки и от нее вниз по Волге обитали волго-камские племена; балахнинцы занимали среднее течение Оки.

В первой половине 3 тысячелетия до н. э. наступил развитый этап балахнинской культуры. Племена-носители ее значительно расширили территорию расселения, они вышли

к низовьям Оки (стоянки Гавриловка II, Садовый Бор) и Волге (Майданская, I Русско-Луговская и др.). В этот период поселения переносятся на края надлуговых террас. Стоянки имели незначительные размеры — не более 2000 кв. м. Открытое на стоянке Удельно-Шумецкой большое жилище прямоугольной формы имело столбовую конструкцию, вдоль стен располагались невысокие уступы-стены.

В керамике преобладали сосуды вытянутых пропорций с округлым дном и слабо отогнутым горлом. Посуда изготовлена из глины с примесью песка и мелко толченой дресвы, поверхность покрыта сплошной орнаментацией сочетанием узоров из рядов глубоких ямочных вдавлений с узорами, нанесенными гребенчатой техникой: ямки в один-два ряда располагались между орнаментальными зонами.

На сосудах восточной группы памятников встречаются отпечатки «шагающей гребенки», более сложные узоры в виде косой «сетки» или решетки, заштрихованных треугольников с ямочной окантовкой и вписанных ромбов. Распространение гребенчатой орнаментации у балахнинцев произошло под влиянием волго-камской культуры.

Для изготовления кремневых орудий применялись отщепы и ножевидные пластины; из известняка или сланца делались крупные орудия (долота, тесла, топоры). Ножи изготовлены из отщепов и пластин с краевым лезвием.

Балахнинские стоянки от волго-камских отличаются обилием наконечников стрел и дротиков листовидной формы, с подтреугольным основанием, боковым шипом или черешком.

Развитой этап балахнинской культуры относится к первой половине 3 тысячелетия до н. э. В это время культура с ямочно-гребенчатой керамикой получила максимальное территориальное распространение. Продвижение балахнинских племен на восток шло по двум направлениям: по Волге и по притокам Оки на Суру и ее притоки — Алатырь и Пьянку.

Поздний этап балахнинской культуры датируется второй половиной 3 тысячелетия до н. э. К этому этапу относятся стоянки на Нижней Оке: IV Гавриловская, Панфиловская, Желнинская, в Балахнинской низине — I и IV Больше-Козинские; на Средней Волге — Остреевская, Путьковская, IV Полянская, II Выжумская и средний горизонт Обсерваторской.

Стоянки занимают края надлуговых террас Оки и Волги и их притоков. При раскопках открыты остатки жилищ, незначительно углубленных в землю и имевших деревянное крепление стен.

Посуда сохранила прежние формы, но произошли изменения в их орнаментации — распространяется многорядный ямочный орнамент, возрождаются отпечатки шнуrow и ногтевид-

ного штампа. В стиле орнаментации стала преобладать горизонтальная зональность.

В кремневом инвентаре больших изменений не наблюдается, формы скребков и ножей стали более разнообразными.

Позднебалахнинские стоянки открыты по р. Цивиль (Шоркасы, Ойкасы-Яндоба, Челкасы и др.). Восточную группу составляют стоянки III Обсерваторская (средний горизонт), V Займищенская, Дербышинская, Мало-Отарская и др. Вещевой материал этих памятников имеет смешанный состав — позднебалахнинские вещи залегают вместе с волго-камскими. Впоследствии восточная группа балахнинцев была ассимилирована угорским населением.

Таким образом, Среднее Поволжье в эпоху неолита представляло контактную зону волго-камской (палеоуральской) и балахнинской (палеоевропейской) этнокультурных общностей. Заселение данного ареала двумя разными этнокультурными группами наложило глубокий отпечаток на формирование древнейших этнических основ и культур населения Среднего Поволжья.

Энеолит

Первые металлические изделия — немногочисленные медные ножи появились в Среднем Поволжье во второй половине 3 тысячелетия до н. э. Готовые металлические изделия поступали с юга, с кавказского древнего центра металлургии через племена ямной культуры.

Начало энеолита совпало с эпохой повышенной увлажненности, поэтому поселения этого времени располагались на высоких местах.

Волго-камские племена распались на две большие группы — в Прикамье сложилось объединение племен турбинской культуры, в Поволжье — волосовской.

Волосовские памятники в низовьях Оки исследованы В. А. Городцовым и И. К. Цветковой, на Верхней Волге — Н. Н. Гуриной и Д. А. Крайновым. В Среднем Поволжье также обследован ряд стоянок этой культуры.

Проблема происхождения волосовской культуры породила различные точки зрения. А. Я. Брюсов и И. К. Цветкова считают, что волосовские племена формировались на базе местного волго-окского (балахнинского) неолитического населения. О. Н. Бадер, П. Н. Третьяков и А. Х. Халиков связывают происхождение волосовцев с племенами волго-камской неолитической культуры. В настоящее время эта точка зрения получила аргументированное обоснование.

В развитии волосовской культуры выделяется несколько этапов.

Ранний этап А. Я. Брюсов датирует 3 тысячелетием до н. э. А. Х. Халиков определяет время его существования в пределах последней четверти 3 и рубежа 3—2 тысячелетия до н. э. Одним из хорошо изученных памятников этого этапа является Майданская стоянка (у с. Майдан I орно--Марийского района МАССР), раскопки ее проведены в 1961 и 1965 гг. На стоянке площадью около 3000 кв. м вскрыты остатки трех жилищ-полуземлянок, соединенных между собой переходами. Прямоугольной формы жилища имели размеры 7×8 и 9×6 м. Стены полуземлянки укреплены бревнами, зажатými вертикальными столбами, очаги расположены, в одной стороне дома, по углам находились нары. В поселении насчитывалось около 12 таких жилищ.

Подквадратной формы полуземлянки с шатровой крышей, соединенные между собой переходами, были характерны для волосовских и родственных им гаринских (в Среднем Прикамье), чирковско-сейминских (в низовьях Оки) и ранних поселений приказанской культуры. Следовательно, волосовское жилище преемственно сохранилось позже от племен волго-камской неолитической культуры. Подквадратная форма домов была специфичной для жилищ древнего финно-угорского населения Приуралья и Западной Сибири.

Керамика Майданского поселения по фактуре и обработке поверхности подразделяется на две группы: преобладают сосуды с пористой структурой от примесей органических остатков; незначительную часть составляют фрагменты с более плотным тестом с примесью песка и шамота. По форме и орнаментации сосуды обеих групп не отличаются, все они вытянуто-яйцевидной формы с прямым горлом. Поверхность сосудов заглажена, орнаментация стала по сравнению с неолитическим временем грубой, преобладают шнуровые оттиски-отпечатки навитой на стержень веревочки; встречаются узоры, выполненные оттисками зубчатого штампа, а также ямки неправильной формы. В системе орнаментальных узоров господствуют вертикальные и диагональные полосы. Найдены пряслица, изготовленные из стенок сосудов.

В обработке камня применялась макролитическая техника. В коллекции много долотовидных орудий: трехгранные в сечении долота, с узким желобчатым выемом лезвия, асимметричные тесла с расширенным лезвием; найдены клиновидный топор, мотыжки из кварцита, молот-пест полуцилиндрической формы. Значительную часть кремневого инвентаря составляют ножи и скребки. Скребки из кремневых пород по форме лезвия подразделяются на концевые на отщепках неправильной формы, концевые вытянутые, боковые с лезвием по одной или обеим сторонам угловые с лезвием по бокам. Скобелы, в отличие от скребков, имеют выемчатое лезвие. Но-

жи изготовлены из крупных кусков камня, среди них выделяются с односторонней ретушью лезвия и двусторонние с обработанными лезвиями. Наконечники стрел преимущественно вытянуто-листовидных форм, имеются подромбические и подтреугольные с намеченным черешком.

Находка янтарной подвески датирует Майданскую стоянку концом 3 тысячелетия до н. э.

Исследованному поселению присущи характерные черты памятников волосовской культуры: соединенные полуземлянки; толстостенная посуда с примесью толченой ракушки или растительности, своеобразие орнаментации, выполненной оттисками шнура и зубчатого штампа; специфические типы каменных орудий—скребковидные ножи, угловые скребки, скобели на отщепках, желобчатые долота, подтреугольной формы стрелы и дротики с черешком. Культура Майданской стоянки выросла на базе культуры западной группы племен позднего волго-камского неолита.

В ранний период волосовские племена обитали в Вятско-Ветлужском междуречье, где открыта стоянка «Паново городище» (у с. Рождественское в верхнем течении р. Ветлуги); к этому времени волосовцы проникли в верховья Волги. Группа ранневолосовских стоянок открыта в нижнем течении р. Свияги, в Казанском Поволжье и Низовой Камы (Петропавловская, Состринская и Мало-Кокузинская). На Мало-Кокузинском поселении вскрыты остатки одного погребения, совершенного в яме, в которой лежал костяк на спине, головой на северо-запад. Ранние волосовские стоянки открыты по левому берегу Волги от устья р. Казанки и до устья Камы (III Матюшинская, II Березогривская, II Амбарская и III Карташихинская); по левому берегу низовьев Камы — I Ново-Мордовская, I Шербетьско-Островская, IV Ембулатихинская, «Курган», I и IX Бозяковские, I Курман-Касинская, Байтеряково-Мысовская и другие.

Территория распространения ранневолосовских племен ограничивалась Нижней Камой. Вверх по Каме и Белой обитали родственные им племена, культура которых также развивалась на базе волго-камской позднелиолитической культуры. Однако в них имелись специфические особенности. Так, на Каме бытовали еще длинные дома, неолитическая посуда с песком и гребенчато-зональным орнаментом.

В конце 3 тысячелетия до н. э. в верховьях Суры, Мокши и среднем течении Оки увеличивалось число ранневолосовских памятников вследствие проникновения массы волго-камских племен.

На Оке и в западных районах Средней Волги волосовские племена постепенно ассимилировали балахнинское население, перенимая некоторые элементы его культуры.

Расцвет волосовской культуры относится к первой четверти 3 тысячелетия до н. э. Ко второму этапу данной культуры на Средней Волге относятся Удельно-Шумецкая, I Сумская, Ахмыловская и другие стоянки. Керамика этих поселений близка к керамике Майданской стоянки, относящейся к ранней стадии волосовской культуры: сосуды изготовлены из глины с примесью органических остатков; они имели круглое днище и прямое горло. В орнаментации преобладают оттиски гребенчатого крупнозубчатого штампа.

Волосовские каменные орудия весьма разнообразны: среди крупных преобладают долота со скошенным лезвием и желобчатым выемом и тесла; в значительном количестве представлены концевые скребки, скребковидные ножи («ложкари»), скобели с желобчатым выемом. Наряду с ножами ранних форм бытовали крупные листовидные ножи-кинжалы, скребковидные ножи-резчики. Наконечники стрел и копий сохраняли прежние формы, но среди них стали преобладать черешковые. На некоторых стоянках найдены крупные мотыги из твердых пород камня.

В первой четверти 3 тысячелетия до н. э. волосовские племена занимали в основном левобережье Волги от устья Оки до Камы; значительная часть волосовцев была вытеснена с правобережной территории пришлыми кочевыми племенами, создавшими балановскую культуру. Однако отдельные группы волосовских племен продолжали обитать в Правобережье Волги. Так, в бассейне реки Б. Цивиль открыт ряд поздневолосовских стоянок, на одной из них, Челкасинской, проведены разведочные раскопки. Челкасинская стоянка расположена на восточной окраине деревни и занимает участок поля, спускающегося к влажной луговой низине. При раскопках открыты две полуземлянки размерами 5,6×5 и 1,8×1,7 м, углубленные в материк до 0,8 м. Между ними находился, по видимому, крытый проход, от которого сохранились следы развала перекрытия в виде полос древесного тлена. По углам жилищ прослежены столбовые ямы. Конструкция жилищ близко напоминает полуземлянки волосовцев. Внутри жилищ и вокруг них обнаружены многочисленные обломки круглодонной лепной посуды, покрытой орнаментом из коротких зубчатых штампов в виде елки и зигзагов, пересекающихся линий, коротких насечек и гребенчатого штампа. При раскопках найдены кремнёвый наконечник стрелы листовидной формы, ножевидные пластинки и скребки.

Рядом со стоянкой, на холме, открыты погребения волосовского времени: костяки лежали вытянуто, головой на северо-восток, лицом кверху. В погребениях найдены медные пластинки, служившие деталью головного убора и женского украшения. В верхних слоях поселения обнаружены фрагмен-

ты атликасинского типа сосудов, украшенные заштрихованными зигзаговыми полосами, треугольниками и ромбиками.

Пришедшие в начале 2 тысячелетия до н. э. балановские племена, по-видимому, смешались с волосовцами. На это указывает тот факт, что волосовские вещи залегают в одном слое с атликасинской керамикой.

Волосовские стоянки открыты на р. Б. Цивиль близ д. Кушар Юндоба и на берегу оз. Рагж в 1,5 км восточнее Челкасинского поселения.

Основная масса волосовских племен концентрируется на левобережье Средней Волги и на Нижней Оке (стоянки Руткинская, Токаревская, 3 Займищенская и Володарская на нижней Оке). У них продолжали бытовать прежние типы жилищ — соединенные друг с другом полуземлянки и наземные прямоугольные дома. В культуре волосовцев произошли некоторые изменения: увеличилось число сосудов с уплощенными днищами и выраженным горлом, в орнаментации преобладала техника нанесения оттисков зубчатого штампа и отпечатков шагающей гребенки (в керамике волжских) и двойной гребенки (окских памятников).

Волосовские племена на последнем этапе (вторая четверть 2 тысячелетия до н. э.) этой культуры распространяются на Запад и Северо-Запад. На Средней Волге к поздним волосовским поселениям относятся: I—II Выжумские стоянки, III Обсерваторская; на Оке—Панфиловская, I Гавриловская; на Верхней Волге—Бараньская, Николо-Перевозская; в Волго-Окском междуречье—Холомонихинская, Вашутинская, Рождественская и др. Стоянки занимают берега небольших водоемов. Сохранились полуземлянки, соединенные между собой переходами. Число жилищ на одном поселении достигало пяти-шести. В керамике преобладают плоскодонные сосуды с заглаженной поверхностью. Основной техникой орнаментации служили оттиски зубчатого штампа и прочерченные линии, увеличилось процентное соотношение ямчатых вдавлений. Орнаментальные узоры осложнились — появились заштрихованные зоны, преобладали вертикальные и горизонтальные линии с отходящими отвершками.

В каменном инвентаре сохранились изделия тех же форм, что и в предыдущий период. Среди наконечников стрел начинают преобладать черешковые, бытовали скребки, скребковидные ножи («ложкари»), ножи разных форм, желобчатые долота и короткие тесла.

На поздней стадии энеолита волосовские племена освоили выплавку меди. В очаге одного жилища Панфиловской стоянки найдены куски железной руды. Полагают, что волосовцы овладели секретом выработки небольших криц сыродутным

способом. Однако варка железа не получила развития, оказалась более доступной медно-бронзовая техника.

В завершающий период волосовской культуры ее племена занимали обширную лесостепную полосу Восточной Европы от низовьев Камы до Прибалтики и Карелии. Восточная группа волосовских памятников занимала Казанско-Марийское и Чувашское Поволжье.

Значительная группа поздневолосовских памятников была расположена в левобережье Волги, в устье р. Ветлуги, почти до устья р. Оки (Ахмыловские, Выжумские, Сутырские, Удельно-Шумецкие, Вязилкинская, Луговой Борок и другие стоянки).

Другая группа поздневолосовских поселений занимала нижнее течение р. Оки (Гавриловская, Садовый Бор, Холомошихинская, Панфиловская и другие). В это время в низовьях Оки обитали балахнинские племена, которые испытывали сильное влияние волосовцев, проникших в район их заселения. К концу первой четверти 2 тысячелетия до н. э. поздние балахнинские поселения прекратили свое существование, волосовские племена полностью ассимилировали позднебалахнинское население.

Западные группы волосовских племен оказали влияние на культурное развитие племен эпохи раннего железа Карелии, Северной Прибалтики и Финляндии.

Волосовская культура, явившаяся продолжением волгокамского неолита, сыграла огромную роль в истории населения лесной и лесостепной полосы Восточной Европы. На базе этой культуры впоследствии сформировались приказанская, поздняяковская, чирковско-сейминская и другие, которые, в свою очередь, легли в основу культур раннего железного века (ананьинской, дьяковско-городецкой).

Таким образом, в Среднем Поволжье прослеживается преемственность культур у населения данного района, относившегося к финно-угорской этнолингвистической общности, которая в ходе исторического развития испытывала влияние пришлых с юга и с юго-запада племенных объединений.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Раннеметаллические культуры знаменовали собой новую эпоху в истории древних народов Среднего Поволжья. Бронзовая техника способствовала возникновению и развитию земледелия, скотоводства, росту межплеменного обмена.

В бронзовом веке произошли существенные изменения в общественных отношениях. Мужчина — собственник скота — стал главой семьи и начал играть ведущую роль в общественной жизни: «Дикий» воин и охотник, — отмечает Ф. Энгельс, —

довольствовался вторым местом в доме после женщины, «более кроткий» пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 160).

Сложившиеся племенные союзы пришли в движение: «Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров, — указывает Ф. Энгельс, — это было первое крупное общественное разделение труда. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства к жизни были другие. Они имели, сравнительно с теми, не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах, но также шкуры, шерсть, козий пух и все возраставшее с увеличением массы сырья количество пряжи и тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 160).

Последствия первого общественного разделения труда не замедлили сказаться на жизни древнего населения Среднего Поволжья. Мощная волна передвижения южных кочевых скотоводческих племен охватила лесостепь Восточной Европы.

Балановская культура

На рубеже 3—2 тысячелетий до н. э. в среду охотничье-рыболовецких племен Среднего Поволжья вторглись пришлые с южных степей скотоводческие племена, создавшие здесь новую археологическую культуру, получившую название балановской по первому хорошо изученному крупному могильнику близ деревни Баланово (Козловский район Чувашской АССР). Среднее Поволжье с широколиственными лесами, со степными прогалами и густой речной системой имело благоприятные условия для земледельческого хозяйства.

В середине 2 тысячелетия до н. э. в Волго-Окское междуречье проникли родственные балановцам скотоводческие племена — фатьяновцы. Если балановцы были выходцами из среды племен Нижнего Поднепровья и их путь на Среднюю Волгу лежал через лесостепные пространства днепровского левобережья, по верховьям Дона и Оки, то фатьяновцы являлись потомками Среднеднепровских племен, отпочковавшихся от основной массы индоевропейского населения Поднепровья в результате первого общественного разделения труда. Их путь на Верхнюю Волгу и Оку лежал северо-западнее движения массы балановского населения. Балановская культура, как и фатьяновская, входит в обширную группу раннеметаллических культур шаровидных сосудов и боевых сверленых топоров.

В истории археологии Поволжья фатьяновская культура была открыта и изучена раньше балановской. Впервые А. А. Спицын объединил могильники фатьяновского круга в одну общую культуру. В. А. Городцов определил территорию распространения памятников этой культуры — Волго-Окское междуречье, ее характерные признаки как культурную общность бронзового века и датировал ее первой половиной 2 тысячелетия до н. э.

В дореволюционное время не было выявлено памятников фатьяновского типа в Среднем Поволжье. Однако в коллекции В. И. Заусайлова насчитывалось более 400 каменных сверленых топоров, собранных на территории Среднего Поволжья. А. М. Тальгрэн по материалам В. И. Заусайлова предполагал, что распространение памятников этой культуры шло на восток до Камы.

В 1930 г. Средневожской экспедицией ГАИМК были раскопаны курганы Атликасинской группы, в которых вскрыты погребения с керамикой и каменным инвентарем фатьяновского типа. Исследователь этих курганов П. Н. Третьяков отнес курганы к фатьяновской культуре.

В 1933 г. чувашскими краеведами был обследован Балановский могильник, который по своим размерам и своеобразному богатому материалу привлек внимание исследователей. Громадные заслуги в изучении Балановского могильника принадлежат профессору О. Н. Бадеру, который вел в 1934, 1936, 1937 и 1957 гг. раскопки в больших масштабах. Первоначально О. Н. Бадер отнес памятник к восточной группе фатьяновской культуры. Общеизвестной в то время считалась периодизация фатьяновской культуры О. А. Кривцовой-Граковой, она подразделяла ее на три географические группы: Московскую (конец 3—первая четверть 2 тысячелетия до н. э.), Ярославскую (конец первой четверти — вторая четверть 2 тысячелетия до н. э.) и Чувашскую (третья четверть 2 тысячелетия до н. э.). По этой схеме фатьяновцы первоначально появились в Московской области, оттуда направились на Верхнюю Волгу (в Ярославскую область), затем двигались по Волге на восток, в Чувашию. Однако по мере накопления археологического материала выяснилось, что Балановский могильник в Чувашии был более ранним, чем Фатьяновский под Ярославлем. Антропологическими исследованиями М. С. Акимовой и М. М. Герасимова установлено отличие балановцев от верхневолжского населения. Балановское население включало три антропологических типа: 1) основной европеоидный, пришлый средиземноморской, 2) метисный, сочетавший в себе черты пришельца-балановца и неолитического населения балахнинской культуры и 3) метисный, сложившийся из соче-

тания компонентов балановца смешным, метисным сублапаноидным неолитическим типом.

В 1950 г. О. Н. Бадер впервые указал на различие исторических путей происхождения балановских и фатьяновских племен и пришел к выводу: балановская группа памятников составляет самостоятельную культуру. Историко-археологическая характеристика этой культуры О. Н. Бадером подробно освещена в монографии «Балановский могильник» (М., 1963).

В 50-х гг. П. Д. Степанов открыл в Чувашии и Мордовии более 20 позднебалановских поселений с остатками долговременных жилищ. Наиболее полно исследовано балановское поселение на городище Ош-Пандо. В 1955—1961 гг. В. П. Денисовым выявлены балановские памятники на территории Кировской области. В 1957—1964, затем в 1970—1976 гг. В. Ф. Каховский проводил разведочные работы, охватившие почти всю территорию современной Чувашии. В настоящее время список выявленных в Чувашии балановских памятников включает 136 объектов. В 1960—1969 гг. А. Х. Халиков обнаружил в Марийской АССР, Горьковской и Кировской областях несколько десятков балановских поселений, из которых им обстоятельно исследовано Васильсурское городище.

В 1950—1958 гг. археологической экспедицией под руководством Д. А. Крайнова проводилось исследование памятников фатьяновской культуры на исконной территории ее распространения — во Владимирской, Ярославской и Московской областях. В этих памятниках была обнаружена также балановского типа керамика, что свидетельствует о распространении балановских племен на запад, в среду фатьяновцев.

Таким образом, в настоящее время накоплен довольно обширный археологический материал, позволяющий всесторонне изучить эту своеобразную культуру бронзового века.

В балановской культуре выделяются четыре этапа: 1) Балановский (первая половина 2 тыс. до н. э.); 2) Атликасинский (XV—XIV вв.); 3) Ошпандинский (XIII—XII вв.) и 4) Хуласючский (XI—IX вв. до н. э.).

В итоге многолетних раскопок в Балановском могильнике вскрыто 118 погребений и получен богатый вещевой материал, в том числе 252 сосуда. Могильник функционировал в течение 400 лет, переживая собственно балановский и начало атликасинского этапа. На начальном этапе преобладали грунтовые захоронения, а на последующих появился курганный обряд, заимствованный у абашевских и срубных племен, живших в то время в соседстве с балановцами. На атликасинском этапе курганный обряд стал широко распространяться (курганы Атликасинский, Кумакасы, Раскильдино,

Чурачикский и др.). На ошпандинском этапе курганные погребения преобладали над прунтовыми, а на хуласючском — курганный обряд становится единственным.

Погребальный ритуал балановцев (устройство могильных сооружений, ориентировка и положение скелета, состав могильного инвентаря и т. д.) был более сложным, чем у фатьяновцев. Могилы балановского типа обычно были одиночными, атликасинские же — грунтовые (по 4—5 погребений в одной могиле). Балановские могилы имели значительную глубину (до 2 м), атликасинские — до 1,4 м. Положение костяков на раннем этапе было одинаково — скорченные на боку (мужские — на правом, женские — на левом). Положение покойного на боку напоминало спящего человека; одна рука вытянута вдоль тела, другая согнута в локте или расположена кистью перед лицом. У мужчин преобладала ориентировка головой на юг и юго-запад, у женщин — восточная и северо-восточная. В атликасинских погребениях наблюдается северо-восточная ориентировка женских костяков, а у мужчин — преимущественно северная.

Могильные ямы имели форму четырехугольника с закругленными углами, отвесными стенками и ровным дном. Внутри ямы делалось погребальное сооружение в виде корзины из прутьев с четырьмя кольями по углам, иногда же сооружение имело дощатые стенки. На дне внутреннего сооружения сохранились остатки бересты, по-видимому, ею завертывали покойника. Сооружение сверху покрывалось деревянным накатом, и, таким образом, внутри образовывалась камера. Покойника при погребении связывали, вследствие этого ноги были сильно согнуты — берцовые кости и бедра лежали почти параллельно.

Исследованиями установлено, что у балановского населения вследствие тяжёлых условий жизни и низкого уровня бытовой санитарии была высокая смертность: до одного года — 17%, не старше 12 лет — 44%, половина взрослых мужчин умирала в возрасте 30—35 лет, ни один не пережил за 50 лет, среди женщин старше 60 лет не было. Средняя продолжительность жизни составляла 20,6 лет.

Керамика балановского этапа близка к фатьяновской, одинаково преобладали глиняные сосуды вытянутых форм: шаровидные амфоры с узким горлом, бомбовидные и чашевидные с округлым дном. Крупные реповидные толстостенные сосуды высотой до 30 см, шириной тулова — 47,5 и диаметром горла до 13 см обычно ставили в женских могилах у ног. Такие сосуды служили для приготовления пищи и являлись символом домашнего очага. В мужских могилах ставили реповидные сосуды, в детских — чашки и глиняные модели больших сосудов. Сосуды изготовлены жгутовой лепкой из

хорошо размешанной глины с примесью песка и шамота. До обжига на поверхность крупных реповидных сосудов наносился орнамент: в виде 3—4 широких прямоугольных и трапециевидных полос, крестообразно спускающихся от горла вниз (при взгляде сверху) до середины тулова; полосы из крупных вертикально направленных параллельных штрихов или из вдавлений мелкого зубчатого штампа, образующих зигзаг, ромбы, елочки. Орнамент мелких сосудов расположен по кругу в виде нескольких concentрических кругов, заполненных отпечатками зубчатого штампа, образующими зигзаг, треугольники и елочки, сверху напоминающие изображение солища. Сосуды второго типа — хорошего лощения, покрыты богатым орнаментом, нанесённым крупнозубчатым штампом, нарезкой и мелкими ямками, образующими горизонтальные зоны на шейке, по плечикам и бокам. Основными элементами узора являются решетки из пересекающихся наклонных линий и опоясывающий сосуд зигзаг из параллельных линий; встречаются ромбы, треугольники; третью зону обычно занимают метопы. По краю бортика нанесены короткие насечки. Углубление в центре дна обрамлено орнаментом, нанесённым тем же способом, что и на стенки. Орнамент днища — лучи, как бы окружающие диск светила. Чашки или миски не орнаментированы.

В детских погребениях встречаются глиняные ложечки, погремушки с двумя ушками для подвязывания, внутри с глиняными шариками, гремящими при встряхивании; глиняные копии каменных топоров с маленьким отверстием в месте сверлин, а также глиняные парные колесики с втулкой.

Каменные сверленные топоры представлены в погребальном инвентаре балановцев различными типами. Наиболее древнейшим из них является клиновидный толстообушный топор, прямоугольный в сечении, сверлины цилиндрической формы диаметром от 1,8 до 3,5 см. Они распространены в бассейнах Свяги, Цивиля, Камы, Вятки и Кокшаги, встречаются и в Московской группе фатьяновских памятников.

Второй тип — трапециевидный, толстообушный, с более широким лезвием, чем первый тип, с цилиндрическим сверлением в середине или ближе к обуху. Этот тип на балановском этапе распространен в тех районах, что и первый, и является продолжением последнего. В ярославской группе топоры данного типа не встречаются.

Короткообушковый цилиндрической формы топор со слабо-закругленным лезвием, цилиндрической сверлиной ближе к обушке встречается в Балановском и Таутовском могильниках. Такие топоры получили распространение и на терри-

тории ярославской группы памятников фатьяновской культуры.

В конце балановского — начале атликасинского этапа распространялись трапециевидные широкообушковые топоры (Балановский, Таутовский могильники, на поселениях Волго-Вятского Заволжья, в бассейнах Цивилия, Свяиги, Нижней Суры, Меши). Среди ранних форм встречаются топоры стамесковидные узкие, толстообушковые, трапециевидные с линзовидным сечением; трапециевидные, короткие, тонкообушковые с линзовидным сечением и других форм.

В памятниках Свяжско-Цивильского междуречья встречаются каменные булавы, шаровидные и шаровидно-втульчатые; в Волго-Вятском междуречье были распространены грушевидные булавы.

Балановцы применяли каменные долота и тесла, употреблявшиеся еще в неолитическую эпоху для обработки дерева. Долота подразделяются на два типа: симметричные в сечении с округлым хорошо отполированным лезвием, длиной 11—16 см, шириной лезвия 3,5—5 см, встречаются крупные экземпляры длиной до 28 см; долота асимметричные с желобчатым лезвием, горбатой спинкой; их размеры: длина 11—15, ширина лезвия 3,8; 5,2 см. Долота этого типа, появившиеся в мезолите, в первой половине 2 тысячелетия до н. э. были распространены в волосовских памятниках и бытовали на всем протяжении балановской культуры.

Тесла представлены также несколькими типами: симметричные с округлым лезвием распространены преимущественно в бассейне Свяиги. В Монастырском поселении найден крупный экземпляр длиной 13 и шириной 7,5 см, который мог быть использован в качестве мотыги (подобные тесла были характерны для неолитических племен балахнинской культуры и волосовцев); асимметричные с прямым или слегка закругленным лезвием, плоским брюшком и выпуклой спинкой, характерные для местных племен и дожившие до поздней бронзы; тесла с округлым плоско-желобчатым лезвием, асимметричные, многочисленные в балановских комплексах. Фатьяновцам они не известны.

Для отделки костяных и деревянных изделий применялись широкие полированные плиты из твердых пород камня (гранита, гнейса и диабазы). От длительной полировки на поверхности плит образовались желобчатые углубления. В балановских комплексах имеются каменные ступы цилиндрической формы с чашевидной выемкой, терочные (растиральные) плиты округлой формы со слегка приподнятыми краями (Чурачикский могильник в Чувашии).

Значительную группу каменных изделий составляют ножи и пожевидные орудия, изготовленные из кремневых пластин.

По форме лезвия, отретушированного по краю, ножи подразделяются на несколько типов: однолезвийные с округлым лезвием и плоской спинкой (Чурачикский могильник), двулезвийные с округлыми или прямыми краями, с тупым или приостренным концом, с прямой или специально выделанной рукояткой (Балановский могильник, Васильсурское поселение); серповидные с дугообразным изогнутым лезвием, длиной 9, 13, 5 и шириной 2—4, 5 см. Ножи этого типа, по всей вероятности, применялись как зерноуборочные орудия.

Большую группу находок составляют кремневые наконечники стрел, копий и дротиков, которые отличаются разнообразием форм. Наиболее ранними из них, известными с позднего мезолита, являются листовидные наконечники правильной формы, наконечники копий с округлым и уплощенным основанием. Эти формы были наиболее характерными для балановской культуры.

Ромбические наконечники напоминают листовидные, но отличаются от них более угловатыми боками, что придает им ромбическое очертание. Они подразделяются на три типа: правильной ромбической формы (известны от камня до раннего металла); с прямоугольным основанием (распространены в балахнинских, волосовских и фатьяновских памятниках) и с уплощенным основанием.

Черешковые наконечники стрел, дротиков и копий с подтреугольной верхней частью и черешками различных форм подразделяются на 7 типов: 1 — наконечники с черешком, отходящим от одного края (называются одношипными, имеются в Балановском могильнике); 2 — с подтреугольным черешком (известны в памятниках волосовской культуры и на балановском этапе); 3 — с округлым черешком (в волосовских, чирково-семянских и фатьяновских памятниках); 4 — с треугольным черешком (Балановский могильник, Николо-Перевоз), для других культур не характерны; 5 — черешковые наконечники классического сейминского типа с вытянутым пером, коротким черешком правильной формы с выступающими вниз боковыми шипами; характерны для балановских памятников с атликасинской керамикой (Васильсурский, Балановский, Атликасинский могильники, Николо-Перевоз); 6 — с длинным вытянутым черешком и намеченными шипами; 7 — наконечники стрел треугольной формы с усеченным основанием (турбинский тип).

В поселениях встречаются каменные скребки и проколки из ножевидных пластин. Многочисленные каменные изделия, сохраняющие традиции неолитической техники, преобладают в ранних памятниках балановской культуры (балановский и атликасинский этапы), на ее поздних этапах число их сокращается.

Металлические орудия изготовлены из чистой меди с незначительной примесью серебра, никеля, свинца, железа, редко — олова и марганца. Балановский металл по химическому составу близок турбинскому и абашевскому и резко отличается от кавказского. Балановцы разрабатывали местные рудные месторождения. Плавка металла и литье медных предметов производились в глиняных и каменных двустворчатых формах (Чурачики). Фатьяновцы получали от балановцев металлическое сырье: металл их одинакового состава.

В мужских погребениях обнаружены медные оружия: наконечники копий, изготовленные ковкой; втулка копья загнута, ее края не сомкнуты, конец копья плохо заострен; боевые узколезвийные проушные топоры с массивной обушной частью, с круглыми проухами. Топоры этого типа были распространены и среди фатьяновцев. Они появились не позднее XVIII в. до н. э. и бытовали до середины 2 тысячелетия до н. э., когда были вытеснены топорами камского и южноуральского типов с вислым обухом и овальным проухом.

В инвентаре женских могил обычны четырехгранные медные стержни с острыми концами длиной 4—6,5 см, использовавшиеся в качестве шитья. Встречаются они также в мужских погребениях (Чурачикский могильник).

Из предметов украшения широко бытовали кольца в два оборота из круглой в сечении проволоки с одним тонким и острым, другим толстым обрубленным концом. Овально-спиральные кольца носили на голове, прикрепляя около ушей. Из тонкой медной проволоки изготовлены сережки. В женских погребениях Балановского могильника найдены: массивное медное кольцо, спиральные кольца-подвески из массивных округло-ромбических и утолщенных в сечении медных стержней, спиральное кольцо из сложенной вдвое круглой проволоки. В большом количестве обнаружены маленькие трубочки-пронизки с несомкнутыми краями, свернутые из тонких медных пластинок. В некоторых погребениях трубочки встречаются вместе с кремневыми отщепами и просверленными клыками животных. Они составляли, по-видимому, часть огнива. В одной могиле обнаружено уникальное украшение: деталь ожерелья в виде трубочки из пластинки длиной около 10 см, на которую надеты 6 овально-спиральных колец балановского типа.

Разнообразный медный инвентарь, полученный при раскопках в значительном количестве, свидетельствует о том, что у балановцев техника металлургии стояла на довольно высоком уровне. Находки литейных форм в Чурачикском могильнике говорят о широком применении литья, практиковалась такжековка медных пластин.

Изделия из кости, рога и дерева в балановских памятниках немногочисленны. Из костей овцы изготовлены острия — проколки, служившие шильями при работах с кожей, шкурой и берестой. Из просверленных зубов животных изготовлены амулеты, которые группами по 2, 4, 5 и 7 штук лежали у бедер и колен покойного. Они являлись принадлежностью костюма. Для их изготовления использовали зубы свиньи, овцы, собаки, лисицы, медведя и дикого кабана. Сверлины делались на корневых концах.

Особый интерес представляют орнаментированные плоские таблички — дощечки из кости и рога с одним овальным и другим усеченным концом. Длина дощечек колеблется от 6,5 до 10,5 см. Верхняя сторона покрыта орнаментом. На маленькой дощечке пробито 5 сквозных отверстий, на большой — 9; с их помощью дощечки прикреплялись к рукаву. Такие дощечки служили защитой для рук от спущенной тетивы при стрельбе из лука. Исследователями расшифровано смысловое значение орнамента из 7 поперечных линий на маленькой дощечке, на большой по 14 поперечных петель вдоль каждого края. Цифра 7 имела сократительное значение — она обозначала одну из четырех фаз луны, а 28 петель на большой дощечке — все четыре фазы луны, т. е. один лунный месяц.

В Балановском и Таутовском могильниках найдены лопаточки из кости и рога с рабочим концом в виде узкого клина, слегка зазубренного и сильно сглаженного в результате обработки земли. Они служили наконечниками палки — копалки или мотыжки. В Балановском могильнике (погр. 38) найден костяной гребень с 5 зубцами в деревянной оправе.

До сих пор близ Балановского могильника не обнаружено поселение. К балановскому этапу относятся поселения Буй I, Тябердинское, Галанкина Гора в Горно-Марийском районе Марийской АССР. Они занимают невысокие края надлуговых террас. С переходом на волжское побережье поселения появились на высоких местах (Галанкина Гора). Основным типом жилища является деревянный сруб, нижними венцами углубленный в земляные котлованы. В атликасинское время поселения располагались на высоких, нередко естественно укрепленных местах. К этому этапу относятся поселения Шоркинское, Тохмеевское, Васильсурское, Янгильдинское, Галанкина Гора, Оленья Гора. Площадь поселений — 1500—3000 кв. м. Жилища имели прямоугольную форму (4×7, 4×8, 8×10 м), углублены в землю на 18—20 см. В Шоркинском поселении открыты остатки длинного деревянного дома, служившего жилищем большой патриархальной семьи. В Тохмеевском поселении открыты полуземлянки.

На атликасинском этапе реповидные сосуды постепенно исчезают, преобладают тонкостенные сосуды с низким шаровидным туловом и высокой шейкой, с примесью шамота в тесте. Основными элементами орнаментального узора являются широкие круговые ленты двойного зигзага, заполненные частыми вертикальными оттисками зубчатого штампа, заштрихованные вертикальными и косыми оттисками зубчатого штампа треугольники, ромбы и прямоугольники. Орнаментальные зоны разделены круговыми линиями. Орнамент по бортику отсутствует. В детских погребениях встречаются глиняные копии каменных топоров и колес ст повозок, они встречаются парами, в них сделаны втулки, в которых палочкой проткнуты отверстия для оси.

В памятниках атликасинского времени представлены кремневые топоры трапециевидные, широкообушковые, прямоугольные короткие с прямым лезвием, линзовидным в сечении, треугольный и трапециевидный тонкообушковый топор с линзовидным в сечении лезвием и суженным обушком; трапециевидный короткий, тонкообушковый с линзовидным сечением и другие. Долота, тесла, ножи, наконечники стрел, копий и дротиков разных типов составляют значительную часть атликасинских комплексов.

В мужских погребениях атликасинского времени обнаружены медные копья и топоры, в женских встречаются предметы украшения тех же форм, что и в балановских захоронениях.

В ошпандинское время поселения концентрировались в бассейне Суры. Балановские памятники появились в Сурско-Окском правобережье Волги. Поселения занимали высокие мысы с естественными укреплениями (Ош-Пандо, Васильсурское и др.). На городище Ош-Пандо выявлены жилища двух типов: постоянные, наземные и легкие, типа шалаша.

На ошпандинском этапе преобладали сосуды с бомбовидным туловом и прямым горлом, расширенным в виде раструба — этим они отличались от балановских и атликасинских сосудов второго типа. Тулово сосуда слабо выступает и плавно переходит в горло; по краю горла имеется наклепной валик. В незначительном количестве встречаются сосуды первого типа — реповидные с уплощенным дном и залощенной поверхностью. Большинство сосудов орнаментировано в верхней части (горло и венчик) зубчатым штампом, прочерчиванием, появляются шнуровые оттиски, наклепные валики по поверхности горла; встречаются горизонтальные ряды выпуклин («жемчужин»). Сохранились также геометрические узоры атликасинского типа (заштрихованные треугольники, ромбы, квадраты, широкие зигзаги). Поверхность некоторых сосудов покрыта вертикальными желобчатыми линиями-канне-

люрами. Большинство сосудов имеет толстую стенку, лощение применялось редко.

Для ошпандинского времени были характерны каменные короткие топоры с прямоугольным лезвием, имевшим линзовидное сечение, их обушок слегка округлый, бока прямые.

Хуласючские памятники занимают высокие, хорошо защищенные места или мысы высоких террас. Площадь поселений увеличивается от 2500 до 5000 кв. м. При раскопках Янымовского поселения Н. В. Трубниковой обнаружены остатки срубного жилища, слегка углубленного в землю.

Сосуды хуласючского времени изготовлены из глины с примесью травы, шамота и дресвы, способом кругового налёпа, затем сглаживали рукой, обжиг их костровый, неровный. Преобладают круглодонные, имеются также плоскодонные сосуды (банки и чаши), появляются сосуды с острым ребром. Орнамент наносили на шейках и отчасти на плечиках, венчик не орнаментирован (в этом состоит их отличие от балановских сосудов). Зубчатый штамп более не употребляется, его заменяет линейный, иногда прочерченный. Ямочные вдавления отсутствуют; применяется шнуровой орнамент в виде горизонтальных поясов вокруг шейки, а также вертикальные каннелюры. Узоры состоят из вертикальных острых двойных зигзагов и ромбов, косой решетки (на цилиндрических сосудах). Сосуды с низкими отогнутыми шейками покрыты шнуровым орнаментом, каннелюрами, выпуклыми полугорошинами («жемчужинами»). Тонкая, черная, цилиндршейная керамика, всегда орнаментированная, была парадной и ритуальной (встречается в погребениях), толстостенная, красновато-желтого цвета, с просто отогнутыми шейками, не орнаментированная служила для приготовления пищи и других бытовых целей.

На завершающем этапе культуры каменные орудия выходят из употребления, резко возрастает число медных орудий.

У балановцев господствовал родовой строй. Пришлые балановцы первоначально осели в Цивильско-Свияжском междуречье и были первыми скотоводческо-земледельческими племенами края. Они разводили коров, овец, лошадей, свиней и собак. Приручение лошадей, крупного и мелкого рогатого скота предками балановцев произошло, несомненно, до прихода в лесную и лесостепную полосу Среднего Поволжья, где не было этих диких животных, за исключением кабана. Скотоводство было ведущей отраслью балановского хозяйства. Скот пасли на пойменных заливных лугах, в широколиственных лесах и лесных опушках; дубовые тропи служили прекрасным местом выпаса свиней. Охотничий промысел служил важным дополнительным занятием, дававшим мясо

и шкуру для изготовления одежды; рога и кости шли на различные поделки. При раскопках балановских памятников обнаружены кости дикого кабана, оленя, лося, бурого медведя, лисы, бобра, байбака, хомяка и мышей.

О существовании у балановцев земледелия свидетельствуют находки каменных и костяных мотыг, серповидных ножей, зернотерок. Об этом говорит также расположение поселений вблизи полей на высоких местах. Земледелие велось примитивным подсечно-огневым способом. Одной из древних культур, возделываемых в прошлом народами Среднего Поволжья, являлась полба, которую, по всей вероятности, принесли с собой балановцы. В недавнем прошлом полба была очень распространенной и любимой культурой чувашей. Примечателен тот факт, что чувашские названия полбы — пайри имеет, по-видимому, генетические связи с русским «пырей», с белорусским — «пырий» и украинским «перий» (в древнерусском пиро-полба).

Полба являлась у чувашей сокраментальной культурой, из нее изготовляли ритуальные блюда, которые употребляли во всех религиозных праздниках, общественных молениях и обрядах.

Можно предположить, что в сосудах, поставленных в могилах и покрытых деревянной крышей, содержалась полбяная каша. Орнаментированные изображения колоса полбы встречаются на больших реповидных сосудах из Балановского могильника. Орнаментальные узоры на дне сосудов в виде кругов с радиальными лучами, изображающие солнце, вероятно, были связаны с почитанием этого светила балановским земледельческим населением.

На атликасинском этапе балановцы пришли в тесный контакт с волосовцами и смешались с ними. В это время балановцы проникают в среду фатьяновцев.

Языковеды отмечают древние индоевропейские (балто-германо-славянские) элементы у финно-угорских языков, что могло явиться следствием ассимиляции остатков балановцев древним финно-язычным волосовским населением.

В середине 2 тысячелетия до н. э. по соседству с балановцами появились абашевские племена, между ними установились тесные отношения—под влиянием абашевцев у них появился курганный обряд. Синхронные памятники балановцев и абашевцев располагались по соседству (Тохмеевская курганный группа и Шоркинское поселение).

В поздний хуласючский период наблюдается упадок балановской культуры. Группа балановского населения смешалась с абашевскими племенами и участвовала в развитии их культуры.

Новая археологическая культура бронзового века получила название от курганной группы, расположенной близ с. Абашево Чебоксарского района Чувашской АССР. Абашевские курганы впервые описал В. К. Магницкий, эти материалы затем использовал С. М. Шпилевский в известной монографии «Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии». В 1921 г. Абашевские курганы обследовал В. Ф. Смолин. Спустя четыре года он провел раскопки трех курганов, вскрыл в них 11 погребений. По своеобразию погребального материала В. Ф. Смолин выделил курганы абашевского типа в особую археологическую культуру и датировал её 2 тысячелетием до н. э. Результаты исследования он опубликовал в книге «Абашевский могильник в Чувашской республике», изданной в Чебоксарах в 1928 г. В книге выделены характерные черты погребального обряда абашевцев, описан могильный инвентарь, полученный при раскопках курганов, и отмечено своеобразие височных колец, аналогичных с находками на Северном Кавказе, что отражало, по мнению Смолина, южное влияние на абашевскую культуру.

В 1926—1927 гг. палеоэтнологический отряд Средневожской комплексной экспедиции ГАИМК под руководством П. П. Ефименко проводил обследование абашевских курганных групп на территории Чувашии: близ селений Верхние Олгаши, Тюрлема, Катергино, Таушкасы и Досаево. После этой экспедиции в течение 18 лет абашевские памятники не изучались.

После Великой Отечественной войны, в 1945 г., О. А. Кривцова-Гракова возобновила раскопки Абашевских курганов. Ею были раскопаны 2 кургана (3-й и 9-й по нумерации В. Ф. Смолина). Внимание исследователя привлекло сходство форм абашевской посуды с позднефатьяновской керамикой. У абашевцев могилы сооружались, как у фатьяновцев, точнее—балановцев, в грунте и по истечении некоторого времени засыпались общей насыпью. На основе выявленных аналогичных признаков погребального обряда абашевцев и балановцев О. А. Кривцова-Гракова высказала предположение об их генетических связях. Формирование абашевской культуры она датирует началом третьей четверти 2 тысячелетия до н. э.

В 1947—1948 гг. М. С. Акимова раскопала 6 курганов в Таушкасинском могильнике, которые она отнесла к абашевской культуре. В 1949 г. были раскопаны еще 4 кургана у д. Катергино. Исследовательница отмечает сходство абашевских и таушкасинских черепов с фатьяновскими.

В 1950 г. Н. Ф. Калинин, возглавлявший отряд Куйбышевской экспедиции, провел раскопки Васюковского могильника на правом берегу Волги, на территории Татарии. Он обнаружил неоднократные насыпки курганов. Обряд погребения абашевцев в скорченном положении свидетельствует, по мнению Н. Ф. Калинина, о связях абашевской культуры с фатьяновской (балановской). Н. Ф. Калининым был обследован ряд абашевских поселений (Тюрлеминские, Альменевское, Мало-Ачарское, Бежбатманские и Ходяшевское).

В 1956—1958 гг. Марийская археологическая экспедиция (руководитель А. Х. Халиков) обследовала курганы в Волго-Вятском междуречье. Еще в конце XIX в. А. А. Спицын обнаружил в этом районе курганы бронзового века. В 1930 г. Е. И. Горюнова произвела раскопки нескольких курганов. Марийской экспедицией открыто 18 курганных групп, из них в Мари-Кугунурской, Сретенской, Вильяльской, Семейкинской, Тапшерской, Прокопьевской и Нартасской произведены раскопки; в 36 курганах вскрыто 52 погребения, в которых обнаружены предметы украшения, абашевского типа керамика (колоколовидные, остросереберные и стакановидные сосуды). Курганы левобережья Волги датируются последней четвертью 2 тысячелетия до н. э.

В 1957—1958 гг. Н. Я. Мерперт исследовал курганы Абашевской, Б. Янгильдинской и Пикшикской групп в Северной Чувашии. При раскопках Пикшикских курганов выявлены своеобразные детали погребального обряда—вокруг отдельных могильных ям и группы могил прослежены следы деревянных оградок в виде четырехугольника с тремя четырехугольными пристройками, овала с двумя противоположными сегментовидными пристройками, круга с прямоугольной пристройкой и двойного квадрата. Деревянные ограды воздвигались, по-видимому, над могилами старейшин и вождя племени. Происхождение этого ритуала у абашевцев связывается с влиянием андроновских племен, у которых широко бытовал обычай ставить ограды из каменных плит вокруг могилы вождя. По мнению А. П. Смирнова, андроновцы, просачившиеся вместе со срубниками на правый берег Волги, принесли с собой своеобразную черту погребального обряда.

В 1958—1959 гг. Чувашской экспедицией под руководством В. Ф. Каховского раскопаны 6 курганов в Тохмеевском могильнике, в котором найдены типично абашевского типа украшения и керамика.

Абашевские памятники обнаружены на обширной территории от Калужской области до южной Башкирии. Наиболее западный памятник-курган—открыт в бассейне Верхней Оки, в местности «Михайлова Гора» близ с. Огубь Малоярославского района Калужской области. Большая группа курганов

обследована в Верхнем Поволжье, у Плещеева озера, в районе Переславля-Залесского. В 1939 г. 3 кургана этой группы раскопаны П. Н. Третьяковым, в них были найдены абашевская керамика и украшения. Южный район распространения абашевских могильников охватывает современную Воронежскую область. На Южном Урале открыты селища абашевцев. В 1951 г. К. В. Сальников исследовал поселение Баланбаш, открытое еще в 1934 г. В 1948—1950 гг. им раскопаны Мало-кизильское поселение и остатки погребения, давшие абашевский материал, в котором прослеживаются аналогии с андроновскими и срубными вещами. В 1951 г. в бассейне р. Белой К. В. Сальников открыл ряд селищ с керамикой баланбашского типа (Урняк, Салихово, Ахмерево), относящихся к позднему этапу абашевской культуры.

Таким образом, абашевские племена занимали обширную территорию, охватывающую Верхнее и Среднее Поволжье, Прикамье и Южный Урал, современные Чувашскую, Марийскую, Татарскую, Башкирскую АССР, Кировскую, Пермскую, Ульяновскую, Куйбышевскую и Воронежскую области. В этих областях выявлены многочисленные курганные группы, в восточной части ареала, на южном Урале, расположены позднеабашевские поселения. Абашевцы занимали всю эту территорию не сплошным массивом. Основные группы памятников абашевской культуры сосредоточены на территории Среднего Поволжья — в бассейне рек Илети, Цивилия, Свяги и низовья Камы.

Погребальный обряд, являющийся одним из определяющих признаков археологической культуры, у абашевцев был весьма устойчив. Костяки лежали, как правило, на спине с подогнутыми ногами. Во время погребения ноги, по-видимому, были подтянуты пятками к тазу и стояли коленями вверх. Руки согнуты в локтях, кистями лежали на груди и тазовых костях, а иногда положены на плечи, редко вытянуты вдоль тела. Встречаются скорченные на левом или правом боку (Абашево, Васюковский могильник), а также вытянутые на спине (Абашево, Катергино). В большинстве своем покойники ориентированы головой на юго-восток и восток, в единичных случаях — на северо-восток и северо-запад, очень редко встречается южная ориентировка.

Могильные ямы обычно имеют прямоугольную форму размером в среднем $1,5 \times 0,8$ м, редко встречаются большие могилы ($2 \times 1,5$ м), глубина ям колеблется от 0,35 до 9,9 м. Стенки ям отвесные, встречаются суживающиеся уступами ко дну. Дно выстилалось берестой, иногда покрывали деревом, песком или слоем извести. Стенки могильных ям обкладывали деревом или обмазывали глиной (Катергино). В некоторых случаях внутрь овальной формы могильной ямы вставляли

прямоугольную деревянную камеру размером 1,75×0,75 м (Тебикасы).

В заполнении могильных ям встречаются угольки и зола, под курганной насыпью прослеживаются остатки кострища. Из этих поминальных костров, разложенных около могил, брали угольки для совершения погребального ритуала. Огонь служил символом очищения покойного при переходе в другой мир. Могилы перекрывали деревом и оставляли без насыпи, как грунтовые захоронения. Впоследствии над могилами насыпали общий курган. Под одним курганом находятся одно-два погребения, редко были коллективные могилы. Высота курганов обычно составляет 8—12 м. В правобережье Волги могильники насчитывают несколько десятков курганов (Тауш-касы, Пикшики, в Тохмеевском могильнике — 50 курганов и др.).

При раскопке абашевских курганов найдены глиняные сосуды, разнообразные предметы украшения и орудия труда. Абашевская керамика подразделяется на четыре типа: первый — колоколовидные сосуды с округлым дном и выпуклыми стенками, горло широко раскрытое, шейка невысокая, высота сосудов около 9—17 см, ширина горла 13—20 см, стенки тонкие (0,6 см). Сосуды вылеплены из хорошо отмученной глины с примесью растительной трухи и толченой раковины, тщательно отделаны, хорошо выглажены, большинство из них не украшено, лишь на отдельных сосудах нанесены гребенчатый штамп, простые нарезки в один или несколько рядов. Эти сосуды служили для хранения продуктов; второй — маленькие чашевидные сосуды с лощением, служили кубками, ставились в голове покойного; третий — реберчатые, украшенные тонкими нарезными линиями и ямочными вдавлениями, которые образуют зональные узоры; к ним добавлены вертикальные ленты — «лесенка», треугольные заштрихованные фестоны, иногда треугольники расположены в виде звездочки; четвертый — включает тонкостенные цилиндрические стаканы из глины без примесей, с лощением; некоторые имеют сквозные отверстия для подвешивания.

Из орудий труда в погребениях найдены бронзовые четырехгранные шильца балановского типа, вислообушные топоры, долото с трубчатой втулкой, копьё с длинной втулкой и небольшим пером, медные наконечники стрел и рыболовные крючки. Находки бронзового серпа (Абашево) и мотыги (на Свяге), глиняных пряслиц свидетельствуют о том, что абашевцы занимались земледелием. Они, как и балановцы, разводили коров, овец, лошадей и свиней.

В женских могилах найдены разнообразные предметы украшения: крупные бронзовые несомкнутые браслеты, желобчатые в сечении; кольца из медной проволоки (простые и

спиральные); серебряные (реже бронзовые) височные привески в полтора оборота с ложковидными концами; бронзовые полушарные бляшки, спиральки, бисер, пронизи трубчатые; очковидные височные подвески; плоские литые медные бляшки-розетки с семью-девятью лепестками и двумя отверстиями для нашивки.

Внимание этнографов привлекает абашевский женский головной убор в виде шапочки, богато украшенной нашитыми мелкими медными бляшками, пронизями и бисером, которые составляют зональный узор, венчиком опоясывающий голову вокруг. К убору сзади прикрепляется «косник» из шнура с нашитыми на нем медными пронизями и очковидной подвеской на конце. Описываемый головной убор напоминает уборы, бытовавшие у племен Поволжья и Прикамья в эпоху железа до середины I тысячелетия н. э. и даже позднее.

В Вильяльском кургане (Ново-Тораяльский район Марийской республики) обнаружены остатки кожаной шапочки, нижняя полоса которой (шириной 3—3,5 см) покрыта медными накладками, пронизями и подвесками, полушарными бляшками. В ее налобной части располагался кусок кожи с тремя бляшками-розетками и змейчато-волнистым украшением боковых краев. На затылке находился кусок кожи с многорядными полушарными бляшками и перевитой медной проволокой. В целом реконструированный женский головной убор напоминает марийский убор шимаکش.

Исследователи памятников абашевской культуры П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков отмечают, что в абашевское время были заложены основы тех своеобразных традиций в области элементов женского костюма, в особенности украшений, пережитки которых сохранялись здесь в течение многих последующих столетий. Так, абашевский головной убор находит себе близкую аналогию в сферической шапочке азелинской группы поздних пьяноборских памятников Волго-Вятского междуречья.

В настоящее время существует ряд гипотез о происхождении абашевской культуры. О. Н. Бадер, один из первых затронувший эту проблему, раньше утверждал, что абашевская культура была преемственно связана с фатьяновскими памятниками. Однако впоследствии он отошел от этой точки зрения, считая, что генетическая связь между балановскими и абашевскими культурами мало вероятна. По мнению О. А. Кривцовой-Граковой, абашевскую культуру с фатьяновской роднит не только сходство форм и орнамента сосудов, но и способ захоронения покойников в грунтовых ямах, заложенных сверху настилом. А. П. Смирнов, Н. Ф. Калинин, К. В. Сальников и другие археологи указывают на генеологи-

ческую связь абашевцев с балановцами и срубными племенами.

Балановские племена составляли, по-видимому, один из компонентов формирования абашевской этнокультурной общности. Совпадение территории распространения памятников культур балановцев и абашевцев, однотипных орудий и украшений (медные наконечники копья со свернутой втулкой, височные кольца из меди, бронзовые пронизи, вислообушные топоры и др.), сходство орнаментации (расположение узоров зонами, разделенными линиями, общие элементы орнамента — ромб, треугольник, зигзаг, прямоугольник, вертикальные полотноща, спускающиеся на стенки сосуда и др.); сходные черты погребального обряда (захоронения в скорченном положении в грунтовых ямах), преемственное развитие скотоводческого и земледельческого хозяйства и т. д. — все эти параллели достаточно убедительно говорят о генетических связях абашевцев с балановцами, между которыми существовали тесные культурные связи. Не случайно позднебалановские памятники сосуществовали с абашевскими могильниками (Тохмесевский могильник и Шоркинское поселение, Абашевский могильник и Абашевские поселения хуласюцкого времени и т. д.).

В формировании абашевской культуры немаловажную роль сыграли северные группы срубных племен, появившихся в Среднем Поволжье в середине 2 тысячелетия до н. э., т. е. в начале складывания абашевской культурной общности. Европеоидный широколицый тип срубников хорошо представлен в абашевских погребениях. А. П. Смирнов отмечает сходные черты обеих культур в обряде погребения и вещевом материале, особенно в керамике (острореберные, стакановидные и колоколообразные сосуды со своеобразным орнаментом и т. д.). В сложении абашевской культуры участвовали также местные (неолитические) элементы (вытянутые погребения в части абашевских могил).

П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков ищут истоки абашевской культуры в Среднем Поднепровье, где в начале 2 тысячелетия до н. э. получили распространение колоколовидные, реберчатые и цилиндрические сосуды с примесью раковины и орнаментированные ямками, шахматным и метопическим узором. Н. Я. Мерперт отрицает наличие генетической связи абашевской культуры со среднеднепровской, предполагая существование общей основы для них обеих, восходящей к энеолитическому массиву Поднепровья.

По предположению А. Х. Халикова, абашевская культура была генетически связана с ямной культурной общностью.

С. В. Киселев полагает, что абашевские племена не были истомками ни срубных, ни фатьяновских племен, а являлись особой группой со своеобразной культурой, оставившей яркий след в материальной культуре позднейшего финноязычного населения Поволжья.

Абашевская культура является продуктом определенной исторической эпохи. В этом сложном этнокультурном образовании имеются локальные особенности, обусловленные влиянием или участием местных компонентов в его формировании. Об этом убедительно говорят антропологические данные о составе абашевского населения.

По мнению исследователей, абашевские племена были представителями индоевропейской или индоиранской языковой общности. По предположению лингвистов, нетюркские и нефинноугорские древние элементы в чувашском языке являются наследием абашевских племен.

Абашевские культурные традиции довольно отчетливо прослеживаются в приказанской культуре позднебронзовой эпохи (некоторые формы абашевских сосудов и мотивы их орнаментации), а также в гордецкой и ананьинской культурах, созданных древними финноязычными народами.

По соседству с абашевскими, к юго-востоку от них, обитали срубные племена, оставившие в южной части Среднего Поволжья большие курганы степного типа. В 1927 г. П. П. Ефименко раскопал два кургана срубников в д. Новое Байбатырево (Яльчикский район Чувашской АССР), в 1959 г. Н. Я. Мерперт раскопал еще три кургана того же типа близ д. Уразмаметово (в том же районе). В могилах вскрыты кости в скорченном положении, на левом боку, головой на север. Встречены погребения в расчлененном виде. В могилах обнаружены срубная керамика, медное четырехгранное шило, кости животных.

Впоследствии группа срубных племен, отпочковавшаяся от основного массива, продвинулась на запад и проникла в бассейн р. Оки (поздняковская культура).

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Начало обработки железа сыграло в истории огромную роль. «Железо сделало возможным, — отмечает Ф. Энгельс, — полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудие такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 163).

В раннем железном веке в правобережье Среднего Поволжья сформировалась новая археологическая культура — городецкая, названная по городищу близ г. Городца в Рязанской области. В. А. Городцов, положивший начало изучению городецкой культуры, выделил ее характерные черты: распространение укрепленных поселений, бытование керамики с отпечатками рогожи и ткани, пряслиц своеобразной формы и разнообразных костяных изделий.

До Октябрьской революции городецкие памятники изучали: в Саратовской и Симбирской губерниях — Б. В. Зайковский, М. Радищев, М. И. Извожиков, А. А. Коротков, П. Мартынов, В. Н. Поливанов, С. А. Щеглов, П. П. Шишкин, в Тамбовской и Пензенской губерниях исследования проводили П. И. Кожевников, А. А. Карцов, К. Пруссак, В. М. Терехин, Ф. Ф. Чекалин, в Казанской губернии — Н. Архангельский, Г. Ахмаров, И. Зайцев, В. Карасёв.

А. А. Сплицын и А. М. Тальгрэн городецкую культуру отождествляли с дьяковской.

За годы Советской власти изучение памятников городецкой культуры обогатилось новыми открытиями П. С. Рыкова и П. Д. Степанова — в Нижнем Поволжье; А. П. Смирнова, Н. Ф. Калинина, Н. В. Трубниковой — в Среднем Поволжье. А. П. Смирнов впервые четко определил своеобразные черты городищ с рогожной керамикой. Н. В. Трубникова в монографии «Племена городецкой культуры» (М., 1953) подробно характеризует основные признаки этой культуры, выделив в ней ряд локальных вариантов. Она датирует ее в пределах VII в. до н. э. — по IV—V вв. н. э. Сформировавшись в среднем течении Оки, эта культура распространялась по Поволжью на восток и юг, где городецкие племена смешались со срубниками. В формировании городецкой культурной общности участвовали местные племена — волосовцы и абашевцы.

А. Е. Алихова, проводя исследования памятников городецкой культуры на территории Мордовии, приходит к заключению, что ее формирование происходило в Западном Поволжье. Наиболее полная характеристика городецких городищ содержится в монографии А. Л. Монгайта «Рязанская земля» (М., 1961).

Территория распространения памятников городецкой культуры охватывает Среднее Поволжье от его чувашского течения до северной части Саратовской области. Западная граница ее проходит западнее р. Цны, захватывает рязанское и муромское течения р. Оки. В IV—V вв. городецкие племена проникли в левобережье Волги — в Поволжье (городища Одо-

евское, Богородское, Русенихинское, Чертово), где в поселениях с ананьинско-пьяноборской керамикой в верхнем слое содержатся черепки городецкой плоскодонной посуды. В пьяноборских могильниках под влиянием западных соседей появились погребения в скорченном положении (Мари-Луговской, Вичмарский мог.). Пьяноборские погребения совершались, как правило, в вытянутом на спине положении. В Предкамье и Закамье, в Куйбышевском, Алексеевском, Кузнечихинском и других районах, по рекам Ахтой и Бездна открыт ряд поселений с городецкой керамикой. Н. Ф. Калинин относит эти памятники к восточно-буртасским племенам. Памятники поздней стадии городецкой культуры (III—V вв. н. э.) появились в бассейнах р. Большой Черемшан, Майна — в пределах современной Куйбышевской области. На востоке городецкие племена проникли до р. Белой.

Инфильтрация городецких племен в левобережье Волги была связана с переходом к более совершенным формам земледелия с применением плуга. Интенсивное развитие плужного земледелия в этой области падает на VI—VII вв.

Взаимоотношения пьяноборского и городецкого населения были отнюдь не враждебными, о чем красноречиво свидетельствует смешанный материал поселений на Бабьем Бугре, на Елаховском и других городищах левобережья Средней Волги. Посуда городецкого типа с примесью шамота и дресвы, шероховатой и слегка сглаженной поверхностью составляет здесь значительную часть керамики, в которой отчетливо выделяются пьяноборские сосуды из хорошо смешанной глины без примеси шамота и крупного песка, с заглаженной поверхностью и закругленным дном.

В результате взаимоассимиляции пьяноборских и городецких племен в Нижнем Прикамье сложилась своеобразная археологическая культура, названная именьковской.

Основными видами памятников городецкой культуры являются городища и селища. Городища обычно занимают высокие мысы, окруженные оврагами, а с напольной стороны сооружались рвы и валы. Основание вала состоит из обожженной глины. По валу сооружались ограды в виде плетня, укрепленного двумя рядами столбов, врытых в массив вала. Пространство между ними засыпали землей. По краю городища воздвигали изгороди. Внутри городища, по периметру треугольной формы площадки, располагались жилища — полуземлянки, имевшие в длину 7—13 м, в ширину — до 6 м и в глубину около метра. В центре жилища находился примитивный очаг. Односкатные крыши из толстых колотых досок и плах сверху засыпали землей.

В летнее время жилищами служили легкие шалаши. В первых веках н. э. на городищах Чувашского Поволжья

появились наземные жилища столбовой конструкции. Вместе с тем продолжали строить полуземлянки. На центральной площадке городища располагалась большая землянка, служившая общественным помещением для проведения религиозных обрядов. На некоторых городищах вокруг идола располагались жертвенники (Бабий Бугор на Булгарском городище, холм Шолом близ Балымерского городища в Ульяновской области и др.).

Население рязанского и муромского течений Оки хоронило покойников в неглубоких грунтовых могилах на спине в вытянутом положении, встречаются и скорченные. В рязанских могильниках найдены позднегородецкие украшения, сьюльгам с завитыми концами, подвески в виде уточек и наконечник пояса (Дубровичский и Кошибеевский могильники). К раннему этапу относится Младший Волосовский могильник, в котором еще ощущаются волосовские традиции.

В вещевом комплексе городецких памятников численно преобладает керамика с примесью дресвы и шамота, а иногда толченой раковины. Стенки сосудов тонкие, к днищу утолщены. Сосуды всех форм выполнены ленточным способом, дно подправлялось на плоской основе, отчего получались закраины. Под венчиком сосудов пробиты отверстия для подвешивания. Иногда отверстия делались по стенкам и днищу сосудов, предназначенных для приготовления творога. Формы сосудов разные: горшковидные с вертикальной или отогнутой шейкой; баночные и реберчатые чаши. В орнаментации преобладают отпечатки сетки или рогожки. Происхождение рогожного орнамента связывается с зубчатыми отпечатками срубников, встречаются отпечатки ткани. Рогожный орнамент наносится штампом для уплотнения керамической массы. Особенно тщательно наносили рогожный штамп по всей поверхности баночных сосудов, в некоторых случаях на сетчатую поверхность наносили узоры в виде поясков из лунок, треугольников и ямок; встречаются и отпечатки крученого шнура, покрывающего всю поверхность сосуда.

Одну треть керамики составляют гладкие сосуды, которые подразделяются на два типа: крупные, толстостенные, хорошего обжига, с плоским дном и шероховатой поверхностью от примеси шамота или дресвы; баночные, применявшиеся для варки пищи.

Позднегородецкие сосуды имеют заглаженную поверхность, венчик и шейка украшены ямочным орнаментом в один или несколько рядов. На конечной стадии городецкой культуры (IV—V вв.) отпечатки рогожки исчезают.

Глиняные пряслица или грузики отличаются от дяковских по форме: городецкие обычно перстневидные, в сечении

трапециевидные и битрапециевидные, лощеные, с широким внутренним отверстием. Число подобных пряслиц возрастает на позднегородецких памятниках. Типичными являются блоковидные или цилиндрические грузики с небольшим вертикальным отверстием; на их плоских сторонах нанесен точечный орнамент в один ряд. В меньшем количестве встречаются грузики в виде усеченного конуса или биконической формы, есть также и плоские.

Крупные глиняные грузила в сечении имеют овальную или пирамидальную форму, причем у первых отверстие в середине, у вторых — в верхней части.

Из кости изготовлены однозубные гарпуны, черешковые стрелы, в сечении овальные и трапециевидные, с выступами у основания пера; встречаются ромбические, одношипные. В вещевом комплексе содержатся костяные иглы, проколки, ножи и скребки, топорик. Каменные изделия представлены терочками, пестами, пряслицами и грузиками.

Металлические изделия сравнительно немногочисленны: серповидные или простые ножи, шилья, небольшого размера втульчатые и черешковые стрелы, копья и кольцевидные удила; имеются железные кельты и цапки, служившие орудием для обработки земли.

Бронза применялась для изготовления украшений (конических привесок, булавок и т. д.).

В городецкой культуре выделяется несколько локальных групп памятников: среднеокская — по среднему течению Оки, здесь преобладает сетчатая керамика; северо-восточная — к востоку от Суры, бассейны Цивилия и Свяги, центральная — бассейн р. Цны; восточная — на Самарской Луке, южная группа — на территории Саратовской области и левобережная группа Поветлужья.

Рассмотрим северо-восточную группу памятников, расположенных на территории современной Чувашии.

На ранней стадии преобладала рогожная керамика (городища Тиханкино, Калугино, Малые Яуши и др.). Сосуды вылеплены из грубого теста с примесью шамота, слабо обожжены. Металлических вещей мало. Встречаются костяные проколки и стрелы разного типа.

В Аккозинском могильнике вскрыты костяки, лежавшие вытянуто, на спине, головой на северо-запад и юго-восток. Встречаются скорченные захоронения. Комплекс вещей включает бронзовые и железные копья, каменные сверленные топоры, шлифованное долото, наконечники стрел, железные втульчатые стрелы, ножи, гривны из железного толстого дрота, ананьинского типа кельты. Аккозинский могильник — памят-

ник смешанный, содержащий наравне с городецкими вещами ананьинские предметы.

Н. В. Трубникова, исследовавшая городища в Чувашии, выявила хуласючские и абашевские традиции в предметах украшения (металлические розетки, бляшки, подвески, детали головных уборов).

Во втором периоде городецкой культуры (I—V вв. н. э.) число металлических вещей увеличилось. На городище Пичке сярчэ (Бочка-гора) близ д. Ягаткино (Моргаушский район) Н. В. Трубниковой открыт клад предметов украшения пъяноборского типа, содержащий железные плоские и спиральные браслеты, бляшки, бронзовые подвески к головному убору в виде утиных лапок, бронзовые и серебряные подвески в форме двух загнутых рогов, есть также подвески-лунницы, браслеты из тонкой пластины с несомкнутыми концами, бронзовые ажурные подвески на стержне, обмотанном бронзовой проволокой, глиняные и стеклянные бусы (голубые, золоченые, мелкие, двойные и тройные) — все эти вещи имели широкое распространение в памятниках Прикамья II—III вв. н. э. (в Пьяноборском, Воробьевском, Чеганда II, Нырганда и других могильниках). Однако состав керамики и система оборонительных сооружений придают этому городищу облик городецких памятников. Присутствие пъяноборских вещей в правобережье Средней Волги — результат торговых общений между местным населением и прикамскими финно-угорскими племенами.

Значительный материал получен Н. В. Трубниковой при раскопках городища Ножавар близ д. Сареево Ядринского района Чувашской АССР. Городище имело систему укреплений из рва и вала, склон оврага укреплен деревянной оградой, край мыса выложен деревом, затем обмазан глиной и обожжен, а местами закреплен битым камнем.

В 1958—1959 гг. городище Ножавар раскопано почти полностью. По краям внутренней площадки открыты остатки наземных бревенчатых домов размером 20—30 кв. м. При расчистке площадок домов найдены предметы быта: железные топоры, ножи, серпы, долото, ложкари, пешни, наконечники стрел и копий, рыболовные крючки, грузила и др. В юго-восточной части городища обнаружен сырдутный горн ямного типа.

При обследовании вала открыт клад вещей, содержащий украшения головного убора, ажурные бронзовые бляшки, подвески-уточки, стеклянные бусы (голубые, синие, золоченые), стеклянный бисер, инкрустированные бусы, красивое ожерелье, скрепленное бронзовой проволокой с бусами из голубой пасты с узором. Бронзовая ажурная подвеска — амулет

в виде круга с небольшим диском в центре и расходящимися от него лучами олицетворяла культ солнца.

В вещевом комплексе городища представлены предметы вооружения: железные стрелы (трехлопастные с черешком, плоские подтреугольной формы, листовидные), наконечники копий и дротика с втулкой. Все они имеют аналогии в материалах Кошибеевского могильника.

Однородная по составу керамика в нижних слоях еще сохранила балаоновские и абашевские орнаментальные мотивы. Преобладают горшковидные сосуды с прямой цилиндрической шейкой и шаровидным туловом. Орнаментальные узоры из отпечатков шнура и нарезных, прямых, ломаных, перекрещенных линий и заштрихованных треугольников покрывают верхнюю часть сосудов—плечики и шейки.

Исследовательница городища Ножавар Н. В. Трубникова датирует его II—III вв. н. э.

Еще один клад предметов украшений обнаружен на Ти-ханкинском городище (бронзовые бляхи разного типа, бронзовые эполетообразные пьяноборские застёжки и другие вещи).

Городецкую культуру создали родственные по языку и происхождению финно-угорские племенные группы, этнонимы которых впервые упоминаются готским историком Иорданом (VI в.): Mordens (мордва), Merens (меря), Imniscaris (черемисы). В русской летописи X в. указаны: «А по Оце рече, где потече в Волгу же Мурома язык свой, и Черемиси свой язык, Мордва свой язык» (ПСРЛ, т. 1. Л., 1926, с. 10—11). Археологические исследования позволяют локализовать их более определенно: рязанское и муромское течения Оки занимали мурома и мордва-эрзя, бассейны Цны, Мокши, верхнее и среднее течение Суры и Алатыря—мордва-мокша. В позднегоородецкое время мордва-эрзя с муромского течения Оки продвинулись на север, к Волге (Младший Ахмыловский могильник близ г. Козьмодемьянска).

В Чувашском Поволжье обитали черемисы-древние марицы. В III—V вв. группа городецких племен (черемисы) проникла в левобережье Волги и осела в Поветлужье (городища Одоевское, Богородское, Русенихинское, Чертово и др.). Черемисы впоследствии вошли в состав горномарийской этнографической группы, а также составили субстрат верховых чувашей (вирьял).

Городецкая культура в Чувашском Поволжье существовала до появления здесь тюркоязычных булгарских предков чувашского народа.

История открытия и изучения ананьинской культуры подробно освещена в работах А. П. Смирнова «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья» (МИА, № 28. М., 1952), А. В. Збруевой «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху» (МИА, № 30. М., 1952). Характеристика этой культуры довольно подробно дается в учебном пособии Д. А. Авдусина «Археология СССР» (М., 1967).

Ананьинское общество стояло на более высоком уровне развития, чем городецкое. В ананьинских погребениях довольно четко выступают социальные различия: в богатых мужских погребениях найдены золотые, бронзовые и медные украшения, предметы вооружения — бронзовые и железные копья, кинжалы, боевой молот; в бедных погребениях обычные топоры, ножи и стрелы, встречаются бедные могилы без вещей.

Население Прикамья того времени занималось скотоводством и охотой на пушного зверя. Важной отраслью хозяйства являлось подсечное земледелие, о чем красноречиво говорят находки на поселениях ананьинцев зернотерок, сельскохозяйственных орудий (мотыг, серпов). При раскопках городищ открыты остатки длинных домов, в которых жили большие патриархальные семьи, в полуземлянках с каменными очагами обитали малые семьи.

Древнегреческий историк Геродот, рассказывая о народах, обитавших севернее скифов, упоминает фиссагетов, которых многие историки считают предками угро-финских народов Поволжья. Ананьинские племена проникли в Чувашское Поволжье. Поселения ананьинцев обнаружены около Криушей (Козловский район), близ городища Малахай (Моргаушский район). В 1960 г. проведены раскопки на городище близ Ельниково (Чебоксарский район), ныне там разбит парк Новочебоксарска.

При его раскопках получен материал, состоящий из обломков керамики, пряслиц и других вещей, костей домашних животных. Сосуды ручной лепки имеют гладкую поверхность, тесто приготовлено с примесью дресвы, шамота, толченой раковины и крупнозернистого песка. Отдельные обломки сосудов покрыты характерным ананьинским узором: по верхнему краю венчиков нанесены косые нарезки, ниже расположены параллельные ряды отпечатков мелкого шнура, далее идет полоса из коротких вертикальных отпечатков веревки, нижний край полосы состоит из параллельных рядов отпечатков крупного шнура. Встречаются также овальные неглубокие ямки, крупнозубчатый штамп.

Ельниковское городище по характеру керамического материала имеет близкое сходство с Ветлужскими городищами ананьинской культуры.

Ананьинские племена проникли в отдаленные от Волги места. Так, в 1960 г. открыт ананьинский могильник близ с. Чурачики (Цивильский район). Ананьинцы для захоронения покойников использовали насыпь кургана бронзовой эпохи. В могильнике вскрыто 35 впускных погребений в неглубоких ямах. Костяки лежали в вытянутом положении на спине, лицом кверху, головы изредка повернуты к востоку или западу, а ноги, как правило, направлены к реке. Руки покойников в большинстве случаев вытянуты вдоль тела, иногда согнуты в локтях. Встречены захоронения без черепов, а также расчлененные погребения, зафиксированы случаи захоронения черепов отдельно. Происхождение обряда захоронения отдельных черепов или костей без черепа А. В. Збруева связывает с военными событиями: враги отрезали головы и уносили с собой в качестве трофеев, так же поступали и ананьинцы.

Отдельные погребения в скорченном положении и расчлененные костяки, вероятно, отражают абашевские традиции.

Среди вещей, обнаруженных в мужских погребениях Чурачикского могильника, преобладают железные ножи с горбатой спинкой, встречающиеся во многих ананьинских погребениях. Ножи располагались у бедра, на тазовых костях, редко под тазом или сбоку, в большинстве случаев с правой стороны.

Впускные погребения Чурачикского могильника имеют аналогию с ананьинскими и по ряду других признаков. В могильнике неоднократно встречены каменные плиты вокруг скелета или под ним, выявлен случай захоронения в одной яме двух покойников в разных горизонтах. Предметы женского украшения S-образные и очкообразные височные кольца, бронзовые кольца, бронзовые пронизки, бусы, трубочки и другие близкие к находкам из Уфимского могильника (VII—III вв. до н. э.) и из других ананьинских могильников. Обращает на себя внимание сходство височных колец из Чурачикского могильника с очкообразными привесками из абашевских курганов. Такую же аналогию имеют выпуклая бляшка полушарной формы и бляхи-розетки. Найденный в погребении № 1 бронзовый поясной крючок в виде стилизованной фигурки животного напоминает находки из Ананьинского могильника. Подобный поясной крючок ранее был обнаружен в Чувашии под Таябой. Чурачикский экземпляр по стилю напоминает находку из Уфимского могильника, а по характеру отдельных деталей — поясные крючки из Частых курганов (Воронежская область).

Появление памятников ананьинского облика в правобережье Волги является результатом инфильтрации прикамских племен в среду населения городецкой культуры.

В пьяноборский период прикамские племена компактной массой жили в Волго-Вятском междуречье. Здесь расположена Азелинская группа памятников (III—V вв.). Исследователь этих памятников В. Ф. Генинг выделяет особую азелинскую культуру, памятники которой расположены преимущественно по берегам рек в восточных районах Марийской АССР, северо-западной Татарии и южной части Кировской области. На территории Чувашияского Поволжья азелинские памятники не обнаружены, но их культурные традиции оказали влияние на его население.

По мнению В. Ф. Генинга, азелинцы обитали в низовьях реки Белой — притока Камы; отсюда они переселились в Волго-Вятское междуречье во время вторжения гуннов в Восточную Европу. Под натиском надвигающихся гуннских орд угорские и, по мнению Генинга, какие-то тюркские племена, занимавшие до этого южные окраины Западной Сибири и Северного Казахстана, отступили на север, перешли на западные склоны Урала, а затем вторглись в Прикамье. Малочисленные пьяноборские племена не могли противостоять этому натиску — часть их смешалась с пришельцами (мазунинская культура), а группы населения, избежавшие захвата набегавших племен, отступили на запад, вниз по Каме, вплоть до Волги и вверх по Вятке. Расселившись на новых местах, пьяноборские племена продолжали развивать свою прежнюю культуру.

Появление в это время угорских племен в Западном Приуралье археологически зафиксировано. Однако нет основания утверждать, что появление их вызвало переселение почти всей массы пьяноборского населения в Волго-Вятское междуречье, поскольку памятники ананьинцев — предшественников пьяноборских племен — в левобережье Волги хорошо известны. Азелинские памятники образуют, по всей вероятности, локальную группу пьяноборской культуры, характеризующейся распространением чашевидной керамики с округлым дном и ямочными отпечатками по шейке, эполетообразных поясных застежек, нагрудных блях выпуклой формы и некоторыми особенностями костюма (наличие сферической шапочки, нагрудника и своеобразных шейных украшений). В погребальном обряде азелинцев, как и в других группах пьяноборского населения, господствовало трупоположение — вытянуто на спине, головой на север с незначительными отклонениями к западу или востоку.

В хозяйстве ведущими отраслями являлись скотоводство и земледелие. Азелинцы разводили крупный рогатый скот,

лошадей, свиней, коз и овец. Особенно интенсивно развивалось коневодство. Об этом говорят преобладание конских костей в остеологическом материале и тот факт, что изображение коня стало занимать ведущее место в искусстве (конские скульптурные фигурки подвесок, чеканка рисунков лошадей на плоских медных вещах). Развитие коневодства объясняется отнюдь не влиянием южных племен, а было вызвано прежде всего дальнейшим расширением плужного земледелия с применением конской тягловой силы. Лошадей широко использовали также для верховой езды, запрягали в телегу и сани. Азелинцы широко употребляли конину в пищу.

Основным орудием обработки земли служил деревянный плуг с металлическим наральником, применяли и мотыгу. Находки серпа и каменных жерновов ручной мельницы говорят о том, что зерновые культуры занимали в земледелии ведущее место.

Азелинское общество находилось на пороге классового строя. Многочисленные находки шлемов, кольчуг, мечей, боевых топоров, кинжалов и наконечников боевых стрел красноречиво говорят о военной организации азелинцев.

Пристальное внимание исследователей привлекают некоторые детали женского костюма и предметы украшения азелинцев, в частности, нагрудники из прямоугольного куска ткани с нашитыми металлическими украшениями, передники из медной пластины с изображением коней или коньковыми арокными подвесками. В верхней части передники имели кожаную основу, которая с помощью застежки — сьюльгамы пристегивалась к одежде. Некоторые археологи сравнивают азелинские передники с чувашскими украшениями шўлкеме и сурпан сакки, прямоугольным куском кожи, обшитым бисером и нашитым чешуеобразно монетами в центре. Азелинские передники напоминают чувашские шўлкеме и сурпан сакки, но не являются специфически чувашскими. Они более близки к марийским украшениям «ширкама» и «пачкама». Вирьяльские чуваша переняли их от своих соседей горных марийцев.

В азелинских женских погребениях обнаружены круглые неглубокие шапочки из грубой шерстяной ткани, украшенные медными обоймочками и бусами, нашитыми на кожаные ремешки и полоски. В. Ф. Генинг, сравнивая азелинские шапочки со сферическими шапочками тюркских народов, называет их тюркским термином такьей, ставя в генетический ряд с тухьей чувашских девушек. Затем он заключает, что азелинская такья была заимствована у древнечувашского населения, якобы появившегося на Волге в III—IV вв. Азелинские шапочки действительно сходны с чувашской тухьей, но не тождественны: тухья украшалась бисером, монетами и имела наушники и шишечку на макушке; узоры украшений по-

верхности шапочек азелинцев и чувашей не имеют общих элементов. Сферическая шапочка у азелинцев появилась без влияния со стороны тюркских племен, тем более со стороны чувашей, пребывание которых на Волге в III—IV вв. ни в одном источнике не зафиксировано. Азелинские шапочки представляли модификацию абашевского головного убора.

Обнаруженное некоторое сходство в одежде и предметах украшения азелинцев и чувашей (передники — шўлкеме и сурпаи ҫакки, сферическая шапочка — тухъя без шишечки) находят историческое объяснение. В настоящее время можно считать установленным, что азелинские племена участвовали в этногенезе луговых мари и удмуртов. В результате взаимоассимиляции позднегородецких племен (горных мари) и азелинского населения (луговых мари) к X—XI вв. сложилась культура древнемарийской народности. Взаимоассимиляция двух этнографических групп марийцев сопровождалась, естественно, взаимопроникновением их бытовых и культурных явлений и традиций, на базе которых сложилась более или менее единая культура марийцев.

Могильники IX—XI вв. на Ветлуге и Вятке дают одинаковые комплексы вещей, различие заключается лишь в процентном отношении тех или иных типов. При таких обстоятельствах некоторые элементы азелинской одежды и предметы украшения получили распространение и среди горных марийцев, а через них перешли к верховым чувашам, этнический субстрат которых образовали группы позднегородецких племен черемисов — предков горных марийцев.

Таким образом, археологические данные служат ценным источником для изучения этногонических процессов и этнокультурных взаимосвязей между народами Среднего Поволжья.

Именьковская культура

Эта культура, так же как и другие, названа по наиболее изученному городищу у села Именьково Лаишского района Татарской АССР.

Первые сведения о памятниках именьковской культуры, непосредственно предшествовавшей образованию Волжской Булгарии, относятся к середине XIX в. (Ф. Х. Эрдман, К. Ф. Фукс). С. М. Шпилевский описывает городища: балымерский Шолом, Сокол II, Девичий городок, Маклашевское II. В 1898 г. А. А. Спицын произвел раскопки на Шоломе, в 1925 г. исследование его продолжил В. Ф. Смолин.

В изучении памятников именьковской культуры много сделал Н. Ф. Калинин. На Коптеловом бугре Болгарского городища в 1938 г. он выявил в нижнем слое именьковский мате-

риал, открыл круглые ямы—кладовки с остатками зерна. В 1946—1950 гг. экспедицией КФАН под руководством Н. Ф. Калинина в Закамье, в бассейнах Ахтэя, Бездны, в правобережье Волги и среднем течении Свияги обследовано более 150 памятников. Во время раскопочных работ на Бабьем Бугре Булгарского городища были вскрыты слои именьковского поселения с остатками жилища полуземляночного типа, найдены орудия труда, украшения и керамика именьковского типа. Н. Ф. Калинин считал группу именьковских памятников локальным вариантом городецкой культуры, оставленным буртасскими племенами.

В 1953—1954 гг. отряд Куйбышевской экспедиции проводил раскопки Именьковского городища. Б. Б. Жиромский исследовал Шолом. А. М. Ефимова на Балымерском селище вскрыла остатки жилищ и хозяйственных построек.

В 1956—1957 гг. В. Ф. Генинг исследовал Рождественский могильник и рядом с ним селище. Первоначально он разделял точку зрения о формировании именьковской культуры на базе городецкой и относил ее этнос к финно-угорской общности. Затем В. Ф. Генинг стал утверждать, что именьковцы были пришлыми тюркскими племенами, появившимися в Волго-Каме в эпоху так называемого великого переселения народов.

В 1963—1965 гг. П. Н. Старостин проводил раскопки именьковских городищ Татсунчелеевского (Аксубаевский район), Маклашеевского II (Куйбышевский район). В ходе разведочных работ им открыт ряд новых памятников именьковского типа.

Именьковская культура занимает территорию, примыкающую к северо-восточной области распространения памятников городецкой культуры — Нижнее Прикамье и соседние районы Поволжья. Её граница на западе лежит на правобережье Свияги (Бишевское городище и селище, Козловское, Старобурунтуковское, Чабровское и Япончинское (Луковское селища). На севере граница распространения памятников этой культуры тянется вдоль правого берега Камы до устья Вятки, на востоке охватывает бассейн р. Зая, на юге доходит до устья р. Малый Черемшан, Майны и с. Б. Тарханы Тетюшского района Татарии. Районом концентрации памятников является Закамье, где обитала основная масса именьковцев. На правом берегу Волги именьковских памятников меньше. Поселения расположены по берегам Камы, Свияги, Утки, Майны, Б. Черемшана, Бездны, Меши.

Таким образом, именьковцы занимали лесостепное пространство с широкими долинами и лугами с чернозёмными почвами, весьма благоприятными для земледелия и скотоводства.

Поселения располагались вокруг городища небольшими группами. Городища воздвигались на хорошо защищенных естественными преградами высоких мысах между оврагами. Валы разнообразных форм (широкообразные, конусовидные, овальные в основании, округлые) насыпаны на бревенчатую конструкцию; рвы обычно дугообразные.

Хорошо изучена конструкция укрепления городища Шоллом: в основании вала поставлены деревянные срубы в два горизонта—нижний состоял из пяти срубов, сложенных из 5—8 бревен, скрепленных в обло; над срубом положен настил из 5—7 бревен; срубы соединены между собой и засыпаны землей.

Селища расположены по краю высоких надлуговых террас, редко—на мысах между оврагами. Жилища-землянки и полуземлянки прямоугольной формы размером в среднем 3,0×5,0 м. имели плоский пол; в центре находился очаг в деревянном ящике, заполненном глиной и песком. Полуземлянки были двух типов: с центральным столбом, служившим опорой четырехскатной крыши и без этих столбов, с деревянными стенками, обмазанными глиной, иногда покрытыми деревянной обкладкой.

Исследован единственный некрополь именковцев — могильник у с. Рождествено, на берегу р. Мёши (в Лапшевском районе). Н. Ф. Калинин и В. Ф. Генинг вскрыли в могильнике 130 погребений, которые не имели никаких внешних признаков. Могильные ямы были разных форм: прямоугольные, круглые и овальные; днища — плоские, ступенчатые, чашевидные. В ямах открыты остатки трупосожжения—пережженные человеческие кости, рассыпанные по дну или кучами в центре или около стенок ям. Погребальный инвентарь состоял из глиняных сосудов (по одному или по несколько в одной могиле), стеклянных бус, встречаются бляшки-накладки, костяные пряслица. Вещи рассыпаны по дну или смешаны с пережженными костями. Кремация покойника в полном одеянии производилась вне могильной ямы. Остатки трупосожжения помещены в небольших ямах, глиняные сосуды в могилах не являлись урнами.

А. П. Смирнов отмечает близость Рождественского могильника к погребениям Волынцевского могильника, принадлежавшего к славянам, пришедшим с юга.

Вещевой комплекс именковских памятников состоит из керамики, металлических орудий, разнообразных предметов украшения. Именковская керамика подразделяется на две группы: с крупнозернистым шамотом и песком и без примесей песка. По обработке поверхности посуда различается: с неровными бугристыми стенками вследствие содержания шамота и песка; стенки гладкие, иногда поверхность зало-

щена. Преобладающим типом являлась шероховатая керамика. Формы сосудов: горшковидные, чашевидные и баночные, преобладают горшки с диаметром горла от 5—7 до 45—50 см. Чашевидные и баночные сосуды вылеплены из глины с примесью шамота и песка.

Орнаментированных сосудов мало; узоры наносились по краю срезов и шейки — насечки, оттиски гребенчатого штампа, вдавления треугольной лопаточки, пальчатые защипы, трех- и четырехугольные вдавления по краю венчика, прочерченные волнистые линии по шейкам. На шейках некоторых сосудов встречаются отверстия для подвешивания. Обжиг сосудов костровый, но довольно высокий — черепок плотный и звонкий.

Глиняные пряслица подразделяются на несколько типов: 1) усеченно-биконические, орнаментированные насечками, волнистыми линиями, крестиками, свастиками и ямочными наколами; некоторые из этих знаков служили, как полагают, тамгами; 2) цилиндрические, покрытые прочерченными линиями и ямочными вдавлениями; 3) линзовидные и 4) плоские.

В поселениях обнаружены глиняные фигурки животных и человека. Подобные фигурки широко известны у скотоводческо-земледельческих племен.

Комплекс металлических изделий включает различные орудия труда, среди них: железные ральники, изготовленные из одного куска железа, втулка согнута; лезвия треугольной формы с острыми режущими краями. Серпы с клиновидным в сечении лезвием были незначительных размеров — длиной 12—20 см, высота дуг расположена близко к середине. Аналогичные серпы найдены на городищах Ножавар, Ош Пандо, Ашна Пандо. Серпы этого типа появились в Восточной Европе в V—IV вв. до н. э. и бытовали до конца I тысячелетия до н. э. Массивные косы — горбуши применялись для уборки хлебов и сена. Железные мотыжки с несомкнутой трубицей и расширяющимся книзу лезвием аналогичны находкам в Бахмутинских памятниках Башкирии.

Конские удила были трех типов: 1) с простыми круглыми подвижными кольцами; 2) двузвеньевые с подвижными треугольными кольцами (распространены в Прикамье); 3) двузвеньевые со стержневыми псалиями.

Многочисленную группу железных изделий составляют железные ножи с короткими широкими плоскими черешками и уступчиками на переходе от обушков к черешкам (они преобладают) и с узкими лезвиями, длинными черешками и плавным переходом от обушков к черешкам. Железные топоры подразделяются на два типа: узколезвийные с округлыми обухами и полуовальными проухами, большинство из них

имеет сильно вытянутые пропорции; другой тип топора отличается массивностью и имеет широкий проух.

В комплект орудий ремесленника входят: молотки, клещи, слесарные зубила из круглого дрота, напильники, железные шилья, дугообразный струг, пуансон, бронзовые пинцеты и др.

Типы железных наконечников стрел: I — плоскоромбические: с упором и хорошо выраженными шейками и круглыми черешками и без упора, II — трехперые с хорошо выраженной шейкой и упором на переходе от шейки к черешку (VII—VIII вв. н. э.); с узелком на переходе лопастей к черешку (VII—VIII вв.). Черешковые костяные наконечники стрел по форме подразделяются на линзовидные, прямоугольные, треугольные, ромбические и восьмигранные в сечении. Встречены костяные кочедыки.

При раскопках Маклашеевского городища были найдены обрывки кольчуги из колец диаметром в 1,5 см.

Сюльгамы, изготовленные из железа и бронзы, по форме сечения кольца подразделяются на две группы: 1) с округлым в сечении кольцом (Рождественский могильник) и 2) расплюснутым кольцом.

Предметы украшения изготовлены из бронзы, стекла, встречаются и глиняные. Бронзовые браслеты, дрововые с утолщенными гладко обрубленными концами имели распространение почти на всем протяжении I тысячелетия н. э. Бронзовые пластинчатые браслеты с расширяющимися концами датируются первой половиной I тысячелетия до н. э.

Весьма разнообразны формы бус: шаровидные, круглые, кольцевидные голубого цвета, темно-синие четырнадцатигранные. Они изготовлены из стекла, камня, глины; встречаются бронзовые, с золотой и серебряной прокладкой (шаровидные, круглые и с эллипсообразным сечением).

Именьковское население занималось земледелием и скотоводством. Пашенное земледелие с применением железных ральников стало ведущей отраслью хозяйства. На поселениях найдены железные сошники и серпы. Для хранения зерна сооружались ямы-кладовки, в которых найдены зерна пшеницы, проса, ржи, овса, полбы, ячменя и гороха. Уборку хлебов производили серпами и косами-горбушами, зерно мололи на ручных мельницах, жернова которых неоднократно найдены в поселениях.

Именьковцы разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, верблюдов, свиней и собак. При раскопках поселений найдены кости диких животных: куницы, соболя, горноста, медведя, лисы, лося, северного оленя, зайца, волка, бобра. Численно преобладают кости лося и медведя. Охота имела, следовательно, промысловый и мясной характер. Ору-

диями охоты служили стрелы и копье, применялись капканы, устраивались западни и ловушки.

Рыбная ловля служила немаловажным подсобным занятием. В находках имеются кости осетровых, лососевых, щуки, карповых, леща, сома, судака, окуня, жереха. Рыбу ловили с помощью сетей (находки каменных и глиняных грузил), железных крючков, устраивали верши.

Кузнечное и керамическое производство, ткачество еще не обособились в самостоятельные отрасли производства.

Малые семьи именьковцев составляли большую родовую патриархальную общину.

Проблема происхождения именьковской культуры все еще требует своего разрешения. Некоторые исследователи, отмечая ее характерные черты (распространение плоскодонной посуды, необычной для Волгокамья, полуземлянки с центральными столбовыми ямами, бытование обряда трупосожжения и т. д.), истоки этой культуры ищут среди восточных этнических общностей. Так, В. Ф. Генинг считает, что именьковское население в Прикамье было пришлым тюркоязычным. «Об этом свидетельствует, — пишет он, — весь облик их материальной культуры. Полуземляночные жилища, плоскодонная горшковидная посуда совершенно не встречались в рассматриваемых районах в предшествующую эпоху». Приход именьковцев в Поволжье он связывает с великим переселением народов. П. Н. Старостин и А. Х. Халиков тоже полагают, что одним из компонентов именьковской культуры были пришлые тюркоязычные племена.

Основными элементами тюркского компонента в именьковской культуре, по их мнению, являются горшковидные плоскодонные сосуды, а в погребальном обряде — обычай трупосожжения. Указывают они также на бытование у соседей именьковцев — азелинцев головного убора, напоминающего тухью, который будто бы был им перенят от них. Между тем в именьковском вещевом комплексе остатки подобных уборов отсутствуют. А. Х. Халиков считает именьковцев предками чувашей. Он даже полагает, что язык именьковцев был близок к чувашскому. Исходя из такого предвзятого толкования археологического материала, А. Х. Халиков заключает: «Включение в именьковскую среду азелинского компонента знаменовало собой начало формирования древнечувашских племен».

Однако при внимательном изучении вещевого комплекса именьковских памятников, сопоставлении и сравнении с материалами других археологических культур Среднего Поволжья того периода, и прежде всего городецкой, вырисовывается иная картина формирования рассматриваемой культуры. В V—VI вв. усилилась миграция племен позднего ро-

децкой культуры в левобережье Волги, что было связано с распространением плужного земледелия, требующего широких пространств плодородной земли. Параллельно шел обратный процесс — проникновение пьяноборских племен в правобережные районы Среднего Поволжья.

Переселение различных групп финно-угорских племен сопровождалось взаимопроникновением многих элементов их культур. При сравнении именьковского комплекса с позднегородецким и пьяноборским можно обнаружить множество общих элементов. В вещевом материале именьковских поселений встречаются как позднегородецкие элементы (плоскдонные сосуды с примесью шамота и дресвы, биконические пряслица, одинакового типа железные орудия, в предметах украшения — застежки-сюльгамы, поясной набор, подвески-лунницы, браслеты, бусы и т. д.), так и пьяноборские, азелинские (невысокие чаши с округлым дном; земледельческие орудия — железные лемехи, серпы, коса-горбуша, разные предметы украшения и т. д.). Близкое сходство обнаруживается и в характере расположения поселений, в их планировке, в устройстве укреплений именьковских городищ и позднегородецких памятников. Полуземлянки прямоугольной формы и легкие наземные жилища в виде шалаша с очагом открыты на поселениях именьковской и позднегородецкой культуры.

В хозяйственной деятельности населения Прикамья и правобережья Средней Волги ведущее место начинает занимать пашенное земледелие, а также разведение крупного рогатого скота, лошадей, свиней, овец. Реальной действительности противоречит мнение о том, что пришлые кочевые тюркоязычные племена-именьковцы, придя на Волгу, по мнению А. Х. Халикова, в развитии земледелия оказали большое влияние на местное население, на азелинцев, которые издревле занимались земледелием.

Обращает на себя внимание и тот факт, что именьковский обряд кремации покойников отнюдь не бытовал у чувшей, которых А. Х. Халиков считает потомками именьковцев.

Таким образом, археологические данные достаточно убедительно говорят о том, что именьковская культура сложилась в результате взаимоассимиляции группы позднегородецких племен и пьяноборского населения Волго-Камья.

Сложившаяся из двух компонентов — позднегородецкого и пьяноборского — именьковская культура представляла собой новое этнокультурное образование в Волго-Камье — территориальный союз родственных по языку и происхождению финно-угорских племен, которые в арабских источниках X—XI вв. выступают под именем «буртасы». Топонимы и гидронимы с корнем «буртас» встречаются именно на территории распространения именьковских памятников: в Тата-

рии — селения Большие и Малые Буртасы в Камско-Устьинском районе, в Чувашии — д. Полевые Буртасы в Батыревском, д. Буртас в Урмарском районах; встречаются Буртасово поле, Буртасов лес (Пӑртас вӑрманӑ), Буртасова река (Пӑртас савалӑ) и др.

Об этнической принадлежности именьковцев существуют также другие гипотезы. Так, В. Ф. Генинг связывает их с сувазами, П. Д. Степанов считает их угро-мадьярами.

Часть буртасов впоследствии была вытеснена пришлыми булгарами в юго-западные районы Среднего Поволжья. Ибн-Русте, Марвази и другие арабские писатели говорят о буртасах как о народе, живущем преимущественно в лесах. Судя по топонимическим названиям, одна из групп буртасских племен обитала в юго-восточных районах современной Чувашии и вошла в состав чувашского народа. Основная же масса буртасов была ассимилирована мордвой.

Часть именьковского населения впоследствии вошла в состав Волжской Булгарии и внесла свой вклад в формирование культуры болгарского народа.

* * *

Таким образом, археологическая карта Среднего Поволжья в эпоху железа была довольно сложной: в Волго-Камье обитало население, генетически связанное с ананьинско-пьяноборской культурой — это были предки удмуртов, луговых мари; правобережную территорию занимали племена городецкой культуры; северную часть Чувашского Поволжья — черемисы, предки горных мари; в Присурье жила мордва-эрзя, в восточной части современной Чувашии — буртасы. Сложившиеся финно-угорские территориальные племенные союзы были близки друг к другу по уровню социально-экономического развития, происхождению, языку, общностью материальной и духовной культуры.

Археологические данные говорят о том, что у населения Среднего Поволжья усиливалось имущественное неравенство, сложились патриархально-рабовладельческие отношения. Финно-угорские этнические общности края находились на пороге классового строя — военной демократии.

Волжская Булгария

Волжская Булгария — первое феодальное государство в Среднем Поволжье, образовавшееся в X в. — сыграла огромную роль в истории народов этого региона. История Волжской Булгарии, ее социально-экономическое, политическое и культурное развитие продолжает привлекать внимание советских археологов, в особенности ученых поволжских

автономных республик, поскольку болгарская культура легла в основу формирования культуры чувашей и татар, она оказала большое влияние на башкир, марийцев, удмуртов и мордву.

Исторнография Волжской Булгарии складывалась в период ее существования. В трудах арабских писателей и географов X—XI вв. содержатся сведения о булгарах, их занятиях, быте и культурном укладе. Особую ценность представляют записки Ахмеда Ибн-Фадлана, посетившего Волжскую Булгарию в 922 г. в составе посольства багдадского халифа Муктадира. Тесные торгово-экономические связи и политические отношения между булгарами, восточными славянами и русскими нашли отражение в русских летописях. Поздне-булгарская история отражена в татарских письменных памятниках и исторических преданиях.

Среди разнохарактерных источников большое значение приобретают материалы археологических исследований памятников Волжской Булгарии, которые наиболее полно отражают ее материальную и духовную культуру, позволяют проследить ее преемственное развитие в культуре народов Поволжья и Прикамья.

Впервые обобщающее описание Волжской Булгарии, ее территории и городов Булгара, Биляра, Жукотина, Ашле (Ошель) дал В. Н. Татищев в известном труде «История России с самых древнейших времен». На основе недошедших до нас источников, но известных ему, русский историк говорит о наличии болгарских городищ на месте русских городов Нижнего Новгорода и Васильсурска.

П. И. Рычков по русским летописям составил список болгарских городов золотоордынского времени. В записках Н. П. Рычкова о путешествии в 1769—1770 гг. содержится описание болгарских городищ в левобережье Волги и Нижнего Прикамья. Академические экспедиции П. С. Палласа и И. И. Лепехина обследовали и описали развалины Булгара и некоторых болгарских городищ. В. В. Григорьев в сводном труде «Волжские булгары» указывает границы Волжской Булгарии на западе в пределах Суры и Оки. С. М. Шпилевский в монографии «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии» дал свод известных тогда памятников Волжской Булгарии и Казанского ханства, подробно описал города Болгар, Биляр, Сувар, Ашель, Жукотин и др. Ш. Марджани в книге «Мустафад ал-Абхар» по письменным источникам и археологическим данным наметил основные вехи истории Волжской Булгарии и Казанского ханства.

С созданием Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете значительно расширились рабо-

ты по выявлению и изучению болгарских памятников. В «Известиях» общества публиковались статьи и заметки о болгарских памятниках. Исследованием памятников Волжской Булгарии занимались П. А. Пономарев, И. А. Износков, В. А. Казаринов, Г. Н. Ахмаров, Н. Ф. Катанов, Н. И. Смирнов, В. Ф. Смолин, М. Г. Худяков и другие. В коллекциях А. Ф. Лихачева и В. И. Заусайлова были представлены орудия и предметы украшения с Болгарского, Билярского и Иски-Казанского городищ, а также случайные находки предметов болгарской культуры.

Большой вклад в изучение болгарских памятников внес А. А. Спицын. Он обследовал болгарские памятники на р. Утке. Определенный интерес представляет книга А. И. Савельева «Городища древнего Болгарского царства» (СПб., 1892), в которой описаны известные памятники, на приложенной карте указано 156 городищ, в том числе и на территории Чувашии до р. Цивиль.

Таким образом, в дореволюционный период накапливались первичные сведения о болгарских памятниках.

Научная разработка истории Волжской Булгарии с привлечением археологических данных развернулась после Великой Октябрьской социалистической революции. В 20-х гг. В. Ф. Смолин, М. Г. Худяков и другие систематизировали археологический материал болгарских памятников и по ним определили время их функционирования. В. Ф. Смолин, уточняя территорию Волжской Булгарии, указывает ее западные границы по Суре, включая современную Чувашию. Внимание Н. Ф. Катанова, Н. И. Воробьева, И. Н. Бороздина, Али Рахима привлекли эпиграфические памятники и их языковые особенности. Болгарские надгробные памятники были обнаружены в бассейне р. Чепцы, в Верхнем Прикамье. Самарская экспедиция под руководством В. В. Гольмстен выявила и обследовала ряд болгарских памятников в юго-восточных районах Среднего Поволжья — на территории современных Ульяновской, Куйбышевской, частично Саратовской и Оренбургской областей.

В 1934 и 1936 гг. экспедиция Института материальной культуры (ИИМК) под руководством А. П. Смирнова обследовала городище Сувар и селища, расположенные в его окрестностях. С этого времени научная деятельность А. П. Смирнова неразрывно связана с исследованием памятников Волжской Булгарии. Он возглавил Куйбышевскую археологическую экспедицию, которая в 1950—1951 гг. проводила обширные исследования археологических памятников в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. После завершения работ в этом районе А. П. Смирнов стал руководителем Поволжской археологической экспедиции, в составе которой в раз-

ные годы работали татарский, ульяновский, чувашский и мари́йский отряды. Экспедиция проводила большие стационарные работы на Болгарском городище и других памятниках средневековья. В итоге многолетних работ была воссоздана научная история Волжской Булгарии.

В 50—60-х гг. А. П. Смирнов возглавлял Чувашскую археологическую экспедицию, которая проводила исследование болгарских памятников на юге Чувашии. В 1948 г. А. П. Смирнов приступил к раскопкам Большетаябинского городища и могильника золотоордынского времени. В 1956 и 1958 гг. Г. А. Федоров-Давыдов исследовал Тигашевское городище, а в 1957—1958 гг. он продолжил раскопки Таябинского городища. Полученные материалы свидетельствуют о раннем проникновении болгар на территорию современной Чувашии, первоначально в ее южные и восточные районы. Большую научную ценность для изучения экономики и торговых сношений болгар имеют нумизматические исследования Г. А. Федорова-Давыдова коллекций и кладов джучидских монет, открытых в пределах Болгарского царства.

Казанская экспедиция под руководством Н. Ф. Калинина обследовала памятники правобережья Волги, в Прикамье, в бассейнах рек Бездны, Казанки, Свяги, на территории Мари́йской АССР. Был собран и обработан огромный материал, послуживший источниковедческой базой для составления научных статей и разделов «Истории Татарской АССР». В 1953—1954 гг. Н. Я. Мерперт исследовал Кайбельский могильник на берегу Волги близ с. Кайбелы (Ульяновская область), давший материал, близкий Большетарханскому комплексу. Татарской археологической экспедицией (руководитель А. Х. Халиков) в 1960—1965 гг. проводились раскопки на болгарских городищах и могильниках Волго-Камского района.

В 1957—1960 гг. проводились раскопки Б. Тарханского могильника, в 1962, 1964—1966 гг. исследовался могильник близ д. Танкеево в левобережье Волги. Итоги этих работ имеют огромное значение для изучения раннего этапа истории волжских болгар и их взаимосвязей с местными народами Поволжья.

Довольно значительный размах получили археологические работы по выявлению и изучению болгарских древностей на территории Чувашии. В 1956—1958 гг. Н. В. Трубникова обследовала болгарские памятники в Центральной Чувашии (близ селений Янмурзино Красноармейского района и Таутово Аликовского района), на криушинской дюне в устье реки Аниш. В 1964, 1966 и 1967 гг. казанские археологи П. Н. Старостин и Р. Г. Фахрутдинов обследовали бассейн р. Большого и Малого Цивилия, южные районы Чувашии. Ими найдены

фрагменты болгарской керамики у селений Шигали и Убеево. Однако Фахрутдинов явно поспешил с выводом: болгарские археологические памятники имеются якобы только в юго-восточной и восточной частях Чувашии, связанных с бассейном Свияги. Остальная территория современной Чувашии, по его мнению, ни в домонгольское, ни в золотоордынское время не была занята болгарским населением. Результаты археологических работ последних лет на территории Чувашии опровергают этот тезис Фахрутдинова. В настоящее время в Чувашии насчитывается более 90 болгарских памятников домонгольского и золотоордынского времени.

Четырехлетние археологические исследования в зоне затопления в Чебоксарах дали достаточно хорошо датированный материал, свидетельствующий о возникновении города в устье р. Чебоксарки еще в болгарское время.

В 1972—1977 гг. Чувашской экспедицией проводились разведочные работы в бассейне Свияги, в ее Чувашском течении, где открыто более двух десятков болгарских селищ домонгольского и золотоордынского периодов. Новые археологические открытия в Присурье не оставляют сомнений в том, что западная граница Волжской Булгарии проходила по Суре. Следовательно, вся территория современной Чувашии входила в ее состав.

Таким образом, Волжская Булгария занимала довольно обширную территорию: на Востоке ее граница шла по нижнему течению р. Белой — притока Камы, на юго-востоке доходила до среднего течения р. Яика (Урала), на юге пределы ее простирались до истоков р. Самары, на западе — по среднему и нижнему течению Суры, на севере болгары занимали нижекамские земли.

Расселение болгарских и суварских племен

Природные условия Среднего Поволжья благоприятствовали развитию многоотраслевого хозяйства. В раннем средневековье в левобережных областях с тучной плодородной почвой сложилось плужное земледелие. Пойменные луга вдоль берегов многочисленных рек служили богатой кормовой базой для скотоводства. Обширные лесные массивы являлись кладовыми разнообразных растительных продуктов, добывали в них материалы для строительства жилищ, изготовления орудий труда, транспортных средств, а также представляли собой неисчерпаемый запас топлива. В лесостепном крае не потеряла хозяйственного значения охота, население прибрежных местностей занималось рыболовством, доставлявшим дополнительный продукт питания. Географическое положение Волго-Камья способствовало развитию торгово-экономических

и культурных связей болгар с народами Нижнего Поволжья, Кавказа, Средней Азии, а также Приуралья и Западного Поволжья.

Первая волна движения кочевых болгарских племен из Приазовья на север началась почти одновременно с переселением аспаруховых болгар на Дунай — в конце VII в. Сувары и группы болгарских племен, смешавшихся с тюркизированными аланами, и некоторые хазарские племена покинули земли, разоряемые арабскими набегами в 30-х гг. VIII в., двинулись на север и заняли земли по соседству с пришлыми ранее булгарами. В VIII в. в Волго-Камье сложились обширные племенные союзы. «Страна их состоит, — сообщает Ибн-Русте, — из болотистых местностей и дремучих лесов, среди которых они живут. Они делятся на три отдела. Один отдел по имени берсула, другой отдел — эсегель, третий — болгар, а живут они все на одном месте». Все эти племенные объединения образовали болгарский народ. В его состав входили также темтюзи и собекуляне, упоминаемые в Ипатьевской летописи. (ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, с. 626).

В начале X в. племена эсегель (по другому чтению аскель, ошель), судя по запискам Ибн-Фадлана, занимали область левобережья Волги. Позже они перешли в правобережные земли.

Серебряные (нухратские) болгары в своей основной массе жили в бассейне реки Малый Черемшан, где на месте зимней резиденции болгарского царя в X в. возник город Булгар.

Сувары (сувазы) первоначально составляли самостоятельный народ, который занимал бассейны рек Малый Черемшан и Большая Утка, часть их еще в домонгольское время перешла на плодородные земли правобережья Волги, где в источниках упоминается город Сувар. На карте Махмуда Кашгарского в XI в. Сувар (город или народ) тоже указан на правом берегу Волги.

В левобережье Волги, где обитала основная масса болгарских племен, находилась ставка царя, места кочевий и охоты. Царь Алмуш до весны находился в зимней резиденции у трех озер, у воды, посившей название Хеллече (чув. хёлле — зима, хёллече — зимовье), весной откочевывал к р. Джаушыр близ современного Чистополя и здесь два месяца занимался скотоводством и охотой.

Ранние болгары и их соседи. В Волго-Камье болгары и сувары обитали в тесном соседстве с финно-угорскими племенами. К юго-западу от них, в правобережье Волги, жили известные нам буртасы.

Восточными соседями сувар и болгарских племен эскель и бияр были древние мадьяры: «Между владениями болгар и владениями искилей, — сообщает арабский автор X в. Гар-

дизи, — тоже принадлежащих к болгарам, находится область мадьяр». Между болгаро-суварскими племенами и древними мадьярами существовали тесные этнокультурные связи, получившие яркое отражение прежде всего в языковых заимствованиях. Венгерский языковед З. Гомбоц установил более 200 слов, заимствованных мадьярами у камских болгар — предков чувашского народа.

Северными соседями болгар были группы пьяноборских племен — предков мари и удмуртов. В состав Волжской Булгарии вошло именьковское население Волго-Камья.

Взаимосвязи болгар и сувар с местным населением отчетливо прослеживаются на материалах раннеболгарских памятников. Так, исследователи отмечают, что ряд предметов из Б. Тарханского могильника имеет аналогию в погребальном инвентаре древнемарийских памятников (спиральные накладки с душкой, подвески в виде утиных лапок, шумящие подвески с арочным ажурным щитком и привесками). Археологические данные говорят о том, что болгарские племена вступили в тесные взаимоотношения с древней мордвой и марийцами.

Исследователи Танкеевского могильника отмечают, что между погребениями в грунтовых могилах, принадлежащих местному населению, и в глубоких ямах с заплечиками, в которых захоронены болгары, не было различия в вещевом материале: в одних и тех же погребениях наблюдалось совместное нахождение вещей типично местных, прикамских и предметов салтовского типа, характерных для болгар. Эти данные свидетельствуют о слиянии местного населения с пришлыми болгарами. Часть населения, оставившая Танкеевский могильник, принадлежала к ветви племен барсиллов (берсиллов), обитавших ранее на Северном Кавказе. Поразительна близость группы кувшинов с шаровидным туловом и невысоким горлом со сливом и некоторых предметов украшения (серьги, перстни и бусы) из Танкеевского могильника к керамике и украшениям Агач-Калинского могильника близ древнеболгарского города Беленджера (Варачана) в Северном Дагестане, где раньше жили барсилы. Некоторые черты погребального обряда Агач-Калинского могильника (захоронения коней, ямы с перекрытием) четко выступают в ритуале Танкеевского могильника.

Погребальный инвентарь Танкеевского могильника содержит множество вещей салтовского типа (предметы конского снаряжения, поясной набор, некоторые виды украшения, височные подвески, браслеты, перстни, мелкие подвески, бусы и др.), широко распространенных среди кочевых народов Приазовья, Кавказа и Средней Азии. Однако значительная часть вещевого материала Танкеевского могильника, сходно-

го с салтовским (керамика и украшения), связана своим происхождением с более узким районом в пределах Подонья, Северного Кавказа, Прикамья и Приуралья. Только в Танкеевке и в районах Подонья и Северного Кавказа встречаются височные подвески с напускными бусами и низкие приземистые серо- и чернолощенные гончарные кувшины. Этот набор вещей характерен и для вещевого комплекса Больше-тарханского могильника.

Эти материалы красноречиво говорят о генетических связях между волжскими булгарами и древними болгарами Подонья и Северного Кавказа.

Булгаро-суварские племена вступали в тесный контакт с местным населением. Булгарские селища появлялись обычно на месте позднегородецких и пьяноборских поселений. Булгары и аборигены селились вместе. Взаимоотношения булгарских и местных племен определялись прежде всего общими хозяйственными интересами.

Образование Булгарского государства. В первой половине X в. Волжские булгары находились в зависимости от хазарского каганата. Около 960 г. хазарский царь Иосиф писал: «Я живу у реки по имени Итиль, в конце реки Г-р-гана. Начало этой реки обращено к востоку на протяжении 4 месяцев пути. У [этой] реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных (стенами) городах. Вот их имена: бур-т-с, бул-г-р, с-вар, арису, ц-р-мис, в-н-н-тит, с-в-р, с-л-виюн. Каждый народ не поддается (точному) обследованию и им нет числа. Все они (мне) служат и платят дань». О размерах собираемой с них (подвластных народов) дани Ибн-Фадлан сообщает: «На царе славян, т. е. болгар, (лежит) дань, которую он платит царю хазар: от каждого дома в его государстве — шкуру соболя». В борьбе против хазарского господства народы Поволжья объединились в единое царство.

Разгром Хазарского каганата русскими войсками в 965 г. положил конец зависимости булгар от хазар. С этого времени начинается возвышение и расцвет Волжской Булгарии. Во второй половине X в. начали процветать города Болгар, Сувар, Биляр, Жукотин, Ашель и другие. По сообщению арабских авторов, число жителей Болгара и Суvara достигало 10000. В городах булгары жили в деревянных домах, летом переселялись в войлочные юрты.

Развалины булгарской столицы находятся в русском селе Болгары, на левом берегу Волги. Булгарское городище привлекло внимание многих исследователей. С 1877 г. здесь побывало более десяти экспедиций. Первые обследования велись в небольших масштабах. С 1938 г. А. П. Смирнов в течение многих лет раскапывал городище. Результаты исследо-

ваний опубликованы в его монографии «Волжские булгары» и в многочисленных научных статьях.

Центральная часть города была укреплена главным валом, за которым расположен «Малый городок», окруженный валом и рвом. В этой части города сохранились остатки древних каменных сооружений, образовавших военный городок. Вокруг центральной, аристократической, части города были расположены кварталы ремесленников и посады-поселения торгового люда.

Город Болгар достиг своего расцвета в XI—XII вв. Во второй половине XII в. он сильно пострадал от набегов русских феодалов и на некоторое время потерял свое значение. Столица временно была перенесена в Биляр. В золотоордынское время, XIII—XIV вв., роль Болгара в транзитной торговле снова возросла. Со второй половины XIV в. Болгар часто подвергался разорению со стороны ушкунников и московских князей. В 1431 г. князь Федор Давыдович Пестрый разрушил Болгар до основания, после этого город больше не возродился.

Город Биляр, возникший на южном берегу реки Малый Черемшан одновременно с Булгаром, являлся центром племенного объединения берсулы (берсилы). В XII в. Биляр назвался «Великим городом». В начале XIII в. он играл большую роль в политической жизни страны.

Суварское княжество. Центром Суварского княжества был город Сувар, расположенный на р. Утке. По сообщениям арабских авторов, число его жителей достигало 10000 человек.

Сувар играл заметную роль в экономической и политической жизни страны. Он являлся центром самостоятельного Суварского княжества и долгое время соперничал с Булгаром. Суварское княжество как самостоятельное политическое образование существовало до 70-х гг. X в.

Остатки древнего города—Суварское городище—находятся между современными селениями Кузнечихой и Даниловкой. Чуваши, живущие в окрестных селениях, называют сохранившееся городище его древним именем—Савар. Профессор В. Г. Егоров отмечает, что раньше старики-чуваши относились к этим развалинам весьма почтительно, как к древнему родному городу.

Первое археологическое обследование Суварского городища было проведено В. Ф. Смолиным. Стационарное исследование Суvara в значительных масштабах проводилось А. П. Смирновым в 1933—1937 гг.

Сувар был окружен высокими валами и широкими рвами. Основу вала составляла деревянная стена из срубов, поставленных впритык по окружности города и засыпанных изнутри глиной и черноземом в смеси с обломками кирпичей и шлаком.

Подобная конструкция оборонительных валов применялась в древнерусских городах.

В Суваре открыты остатки жилищ двух типов: глинобитных домов и деревянных срубов. Глинобитные жилища со стенами из плетня, обмазанного глиной, и плоской крышей сходны с жилищами приазовских болгар. Деревянные дома срублены из сосновых бревен, редко из дубовых. На деревянном полу, в углу от входа, стояла глинобитная печь. Перед ней находился лаз в подполье, в котором сооружались хозяйственные ямы для хранения продуктов питания.

В центре Суварского городища открыты остатки богатого двухэтажного кирпичного дома с подпольной системой отопления. Дом окружали хозяйственные постройки; двор был обнесен кирпичной оградой.

В черте города находился могильник. Сувары хоронили покойников по распространенному болгарскому обряду — на спине, головой на запад и юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища или сложены на тазовых костях; с покойником клали его личные вещи, встречаются кости жертвенных животных (лошадей, овец).

В Суваре на довольно высоком уровне стояло ремесленное производство (металлургия, ювелирное дело, кожевенное производство, ткачество, изготовление глиняных сосудов и др.). В вещевом комплексе преобладает керамика, состоящая из сосудов различных форм: чашки с ручкой и плоским дном, колоколовидные сосуды с высоким прямым горлом; кувшины с округленным туловом, с крышкой и ручкой, горшки без ручек; кувшины с невысокой шейкой; небольшие плоски, амфоровидные сосуды с узким горлом и плоским дном, овальные лампочки с ручкой и носиком.

Суварская керамика по технике изготовления и формам сосудов была однотипна с болгарской. Четко установлена её хронологическая шкала: ранние сосуды были преимущественно желтого, коричневого и черного цветов, мало красного; посуда позднего времени сделана из хорошо отмученной глины и сильно обожжена в закрытых горнах. При раскопках Суварского городища найдены разнообразные металлические изделия: кузнечные орудия (зубило, пробойник, литейные формы, льячки, тигли), орудия для обработки дерева (проушный топор, широкое тесло); бытовые предметы (гвозди, пробои, крючки, костыли); предметы вооружения (кольчуги, наконечники стрел); костяные изделия (стрелы, лоцилы, рукоятки и др.).

После разорения монголо-татарскими завоевателями Сувар потерял свое былое величие, и суварский народ вынужден был покинуть разрушенные селения и переселиться в между-

речь Цивиля и Свяги, а также в Закамье, где смешался с массой болгарского населения.

Из раннебулгарских памятников Правобережья Волги хорошо изучено городище Хулаш, расположенное близ с. Кошки-Ново-Тимбаево (Тетюшский район Татарской АССР). Городище впервые исследовано в 1949 г. Казанской археологической экспедицией под руководством Н. Ф. Калинина, датировавшего памятник X—XII вв. В 1962—1965 гг. чувашским отрядом Поволжской археологической экспедиции на Хулашском городище проведены раскопки значительных размеров— вскрыто 4695 кв. м. площади. В результате четырехлетней работы получен весьма богатый материал.

Хулаш был типичным средневековым булгарским городом из укрепленной цитадели и фасада. В окрестностях Хулаша открыто 14 булгарских селищ, которые тяготели к городу и образовали вместе с ним феодальное княжество. Раскопками были охвачены различные части городища. Культурные напластования говорят о том, что городище имело три периода существования: в его северо-западной части, на мысу, в срубную эпоху образовалось небольшое поселение; в раннем железном веке возникло селище именьковского типа; в булгарское время, в конце IX—начале X, появилось открытое поселение, развившееся в середине X в. в город, обросший пригородом.

На внутренней территории городища открыты многочисленные сооружения: остатки срубов, глинобитных домов, хозяйственные ямы и сыродутные горны. Деревянные дома прямоугольной формы с дощатым полом и с подпольем имели размеры 3×3 и 4×5 м. Глинобитные жилые дома округлой формы тоже имели подполья. В Хулаше открыто множество ям-кладовок цилиндрической, конической, котлообразной форм. На дне некоторых из них обнаружены обгорелые зерна пшеницы, полбы, овса и проса. При раскопках на городище открыты также остатки ремесленных предприятий, гончарных и кузнечных горнов. Все сыродутные горны были ямного типа. Один из них дошел почти целиком; он был колоколовидной формы, с внутренней площадью в 108—100 см. К нему сбоку примыкала яма, в ней найдены куски бурого железняка, угля и металлический шлак. Недалеко от горна находился дом кузнеца, в его развале обнаружены остатки кузнечного производства. Сыродутные и гончарные горны расположены в юго-восточной части городища, образуя ремесленный квартал.

К северо-востоку от городища, рядом с внешним валом, открыты остатки кирпичного здания (8,8 на 3 м) с подпольной системой отопления.

Хулаш был расположен на торговом пути из Киева в Болгары, проходившем по южной территории Чувашии. Находки керамики с клеймом хулашских ремесленников на болгарских поселениях в бассейнах р. Булы свидетельствуют о тесных связях населения этой местности с Хулашом.

По вещевому комплексу хулашское городище датируется X—XII вв. Город Хулаш погиб в конце XII—начале XIII в. в результате военной катастрофы, вызванной феодальной междоусобицей.

Булгарские селища обычно располагались на черноземье, вдоль небольших водоёмов (рек, озер, ключей), удобных для земледелия и скотоводства. Правобережье Волги в болгарское время было заселено довольно густо, особенно бассейны Свияги и Цивилия.

В X—XIII вв. между Волжской Булгарией и русскими княжествами, особенно Владимир-Суздальским, сложились тесные торгово-экономические связи, благодаря которым болгары испытывали сильное культурное влияние русских. В археологических фондах музеев Казани, Чебоксар, Ульяновска и других городов Поволжья в болгарских комплексах содержатся разнообразные русские вещи.

Булгарское ювелирное дело развивалось под влиянием русского искусства. Булгарские предметы украшения по технике изготовления, отделке и по деталям орнамента имеют близкое сходство с русскими изделиями. Наблюдается общность приемовковки металла, литья и сканной техники. Булгарские гривны, браслеты, перстни и привески из серебра и бронзы находят полную аналогию в русских ювелирных изделиях. Булгарские мастера создавали свои изделия, заимствуя сюжеты русского прикладного искусства и перерабатывая на свой вкус. Русские изделия служили образцом для болгарского ремесленника.

Разнообразные ремесленные изделия болгар: предметы быта (топоры, ножи, замки, серпы, мотыги и пр.), оружия (боевые топоры, сабли, стрелы, мечи, копыя, шипы — «чесноки»), средства защиты (шлемы, кольчуги) и другие по технике производства и типологическим формам тождественны с продукцией русских ремесленников. Русское влияние прослеживается также в строительном искусстве и военном деле болгар.

Таким образом, русская культура оказывала прогрессивное влияние на все сферы жизни волжских болгар и сувар-предков чувашского народа.

Булгарские памятники на территории современной Чувашии

Булгары и часть суварского народа поселились на территории Чувашии еще в домонгольское время, в X—XII вв. Булгарские поселения появились прежде всего на черноземных полях бассейнов рек Булы, Улемы, Кубни. В 1926—1927 гг. булгарские городища обследованы близ с. Б. Таябы и Тигашево, селища открыты близ современных селений Б. Яльчики, Байбатырево, Байдеряково, Арабузи и в других местах. Они расположены, как и современные чувашские деревни, на невысоких берегах рек. В 1958—1959 гг. были обнаружены булгарские селища у д. Тигашево, Новое Ахпердино, Старые Тойси, Русские Норваши, Янашево. В 1964 г. в бассейне р. Булы были открыты еще 15 булгарских памятников, из которых 7 относятся к домонгольскому времени. Булгарское селище и местонахождение вещей булгарской культуры выявлены в бассейне р. Бездны, а также на территории южных районов Чувашии—селища Яншиховское, Новочуринское, Чкаловское, Новочелны—Сюрбеевское, Яблоновское, Яльчикское и другие. Булгарские вещи найдены близ современных селений Ст. Янашево, Байдеряково, Степные Шихазаны, Туруново, Никитино, Старые Тойси.

Стационарные археологические исследования проведены на городищах Большая Таяба и Тигашево. Городище Б. Таяба впервые описано С. М. Шпилевским. В 1931 г. П. Н. Третьяков, обследовав городище, отнес его к булгарскому времени. Раскопки на городище проведены в 1948 г. А. П. Смирновым, в 1957 г. Г. А. Федоровым-Давыдовым.

Городище расположено на невысоком плато к югу от села Большая Таяба (Яльчикский район), занимает площадь около 28 га. Поселение укреплено двумя рядами рвов и валов. Валы насыпаны на черноземье, содержащем булгарский материал домонгольского времени (обломки желтой и коричневой посуды, пряслица из розового шифера, фрагменты красной гончарной посуды с фестончатым орнаментом, крышечки бильярдского типа). При раскопках обнаружены, наряду с булгарской керамикой, обломки посуды городецкого типа.

Первоначально на берегу Таябинки появилось открытое булгарское селище, его население занималось земледелием и скотоводством. В XIII в. вокруг поселения была поставлена стена из деревянных срубов, засыпанных глиной и щебнем и покрытых слоем обожженной глины. Глинистый слой до обжига закреплялся кольями. Такая конструкция оборонительных сооружений городища была общераспространенной в Волжской Булгарии. На раннем этапе существования поселения основным типом жилища служил глинобитный дом. На городище открыты остатки кирпичного здания с подпольной си-

стемой отопления той же конструкции, что и в кирпичных домах Сувара и Хулаша.

Открытый керамический горн, колоколовидный в сечении, с кирпичным подом и продухами в нем, соединенный топочной камерой с предгорновой ямой, имел аналогичную конструкцию с горнами других болгарских городищ.

Керамика местного производства представлена сосудами разнообразных форм: кувшинообразных с широким горлом, корчаг с небольшими ручками, горшков и светильников. Обнаружены фрагменты сфероконусов. Гончарная посуда изготовлена на ручном кругу. Сосуды украшены характерными прямыми и волнистыми линиями, штампом и веревочными оттисками, пальчатыми вдавлениями; на одном фрагменте сохранился циркульный орнамент.

Городище служило резиденцией золотоордынского баскака с дружиной. О его военном характере говорят находки стрел, секир и наконечников копья. В начале XIV в., с уходом баскака, городище пришло в упадок и запустение.

Рядом с городищем, на правом берегу Таябинки, расположен могильник, в котором вскрыто несколько погребений. Костяки лежали в неглубоких прямоугольных ямах, головой на запад, лицом к югу, руки вытянуты вдоль туловища. Захоронения совершены без вещей. Погребальный ритуал напоминает мусульманский обряд.

Тигашевское городище. Замок расположен на правом берегу старого русла р. Булы, на западной окраине современной чувашской деревни Тигашево (Батыревский район). П. Н. Третьяков, обследовавший памятник впервые, отнес его к домонгольскому времени. Стационарные археологические исследования городища проведены в 1956, 1958 и 1959 гг. А. П. Смирновым и Г. А. Федоровым-Давыдовым.

До сооружения оборонительной системы здесь находилось языческое святилище, обнесенное деревянным забором. Святилище имеет близкую параллель с чувашскими киреметями — местами проведения религиозного обряда моления (чѹк) с жертвоприношениями. С культовыми обрядами были связаны находки на болгарском святилище глиняных фигурок медведя, лошади, овцы и птиц, аналогичных с находками на святилище Шолом, городища Хулаш и других средневековых памятников Поволжья. Г. А. Федоров-Давыдов отмечает, что в культе киреметей у чувашей сохранились в пережиточной форме остатки культа доисламских болгар.

Тигашевское святилище, служившее религиозным центром окрестных болгарских селищ, возникших по берегам Булы, впоследствии было захвачено феодалом. На месте святилища появился замок, укрепленный мощной оборонительной систе-

мой из трех линий валов и рвов. Валы насыпаны из рыхлой земли, укрепленной деревянной конструкцией, покрытой обожженной глиняной облицовкой. В центре городища обнаружены остатки большого дома, в котором жил феодал или его наместник. Открыты также остатки деревянного дома с дощатым полом и глинобитной печью в углу от входа. Внутреннее устройство болгарского дома обнаруживает параллель с чувашским крестьянским домом. Рядом с этим жилищем находился дом бронзолитейщика и кузнеца. Внутренняя площадь городища постепенно застраивалась, замок стал феодальной усадьбой.

Феодальное хозяйство, судя по археологическому материалу, находилось на довольно высоком уровне. находка плужного резака говорит о распространении в крае плужной обработки земли. При раскопках найдены различные сельскохозяйственные орудия (обломок серпа, коса-горбуша), жернова ручной мельницы. Состав стада определяется по находкам костей крупного рогатого скота, лошадей, овец, свиней. В значительном количестве обнаружены кости диких животных (косули, бобра, зайца), птиц и рыб.

Ремесленное производство, связанное с сельским хозяйством, развивалось весьма интенсивно. В мастерской бронзолитейщика найдены тигельки, слитки меди и бронзы, обрезки медных пластин и проволоки, которые говорят о характере труда ремесленника, — он изготовлял изделия, переплавляя медь из руды и готовых слитков металла. Он занимался также холодной обработкой бронзы, вырезыванием изделий из пластин, золочением проволоки из которой изготовлялись кольца. При взвешивании компонентов бронзы мастер пользовался весами и гирьками кубической формы весом 27,5 и 55,9 граммов.

Вещевой комплекс городища включает многочисленные и разнообразные бытовые предметы из железа: ножи, долота, замки и ключи, цепи, кованые скобы, гвозди, рыболовные крючки и т. д.; найдены некоторые предметы вооружения: железные стрелы — широкие, плоские, узкие двушипные, ромбические в сечении, трехгранные широкие, узкие клиновидные, трехгранный дрот с втулкой, встречаются шипы против кавалерии («чесноки»), детали панцыря.

Массовый материал представлен, как обычно, керамикой, при раскопках найдено более 19 тыс. обломков, из которых наибольшее количество (от 47,4 до 81,5%) приходится на долю желтой нелощеной посуды плохого обжига, от 20 до 40% составляет серая и коричневая, 0,5—3,6 — красная. Лепная посуда представлена небольшим количеством черепков (6—17%). Такой состав керамики был типичен для домонгольского времени.

Гончарная керамика изготовлена на ручном круге, о чем говорит присутствие песочной присыпки на днищах сосудов. В орнаментальных узорах преобладают волнистые и параллельные линии, зубчатый штамп, встречаются оттиски веревки, прямые и косые насечки и другие.

В тигашевской керамике в значительном количестве представлены узкогорлые кувшины с ручками, большие корчаги с массивными ручками и резко профилированными венчиками; плоские миски, лощенные вертикальными полосками. Имеются обломки горшков с высоким прямым горлом и шаровидным туловом; кринки, чашки разных размеров, кувшины с высокой ручкой и носиком, встречаются черепки сосудов на трех ножках.

Булгарская лепная керамика содержит в тесте шамот и дресву. Орнаментальные узоры лепной посуды не отличаются от круговой керамики.

Некоторую часть лепной керамики составляют сосуды городецкого типа с шероховатой поверхностью, примесью шамота и дресвы.

В Тигашевском замке жил и работал мастер косторезного дела. Из его изделий обращают на себя внимание прекрасной отделки пластинки, покрытые разным витым узором, рукоятка ножа, украшенная характерным болгарским циркулярным орнаментом.

Тигашевский замок был расположен на важном торговом пути из Булгарии на Запад, в русские города. Он имел также связи с Хулашом, откуда привозили столовую посуду, металлические изделия и предметы украшения.

В центральных районах Чувашии, в бассейнах рек Большой и Малый Цивиль, открыта другая группа болгарских поселений. Из них наиболее полно исследованы селище и могильник «П'алаху» близ д. Керагаси (Красноармейский район). Селище обследовано впервые в 1956 г. Н. В. Трубниковой, которая датирует его домонгольским временем. Стационарные исследования памятников проводились в 1966, 1970 и 1973 гг. экспедицией Чувашского научно-исследовательского института (руководитель В. Ф. Каховский). На площади селища открыты остатки нескольких наземных жилищ с подпольями, зерновые ямы и сырдутный горн.

В керамическом материале численно преобладают обломки гончарных сосудов разных форм (горшков, корчаг, кувшинов, чаш, блюдца) преимущественно желтого и коричневого цветов, встречаются фрагменты красной болгарской посуды. Поверхность сосудов покрыта вертикальным лощением в виде полос, узорами из прямых и волнистых линий, ямок, гребенчатым штампом, встречаются фрагменты с ангобом.

Сосуды ручной лепки подразделяются на несколько типов: тонкостенные с дресвой и шамотом в тесте, имеют заглаженную поверхность, покрытую узорами балановского мотива (параллельные заштрихованные зигзаговые линии, желобчатые вертикальные полосы и др.); плоскдонные сосуды черного и темно-серого цветов с шероховатой поверхностью, в горле имеются сквозные отверстия (городецкое время); сосуды тех же форм, что и круговые, относящиеся к болгарскому времени.

До прихода болгар на холме существовало городецкое поселение. К этому времени относятся находки костяной стрелы, грузила цилиндрической формы, на поверхности которых нанесены круглые ямки в два круга: во внутреннем круге—12, в наружном—18 ямок; блоковидные, покрытые точечным орнаментом, встречаются грузила в форме усеченного конуса, покрытые сверху ямками, с боков—зигзаговыми линиями, на дне нанесены желобчатые линии, радиально отходящие от центрального отверстия.

Верхняя дата поселения определяется по находкам цилиндрических замков, аналогичных новгородским типам В, В I и В II, (XIII—XIV вв.). В вещевом комплексе встречаются железные ножи, стрелы, зубило.

Рядом с селищем на восточном склоне холма находится могильник. Погребения в большинстве случаев залегают в почвенном слое. Могильные ямы открыты на глубине 20—40 см от поверхности почвы; все они имеют прямоугольную форму, их размер колеблется от 168 до 200 см в длину и 60—80 см в ширину. Могила углубляются в грунте на 40—80, редко до 1 м. В расположении могил строгой планировки не было, прослежены некоторые ряды их в направлении юг—север. Костяки лежали, как правило, вытянуто, на спине, головой на запад с некоторыми отклонениями к северу и югу, лицо обращено кверху, руки вытянуты вдоль туловища, иногда согнуты в локтях, ноги лежали параллельно. Судя по сохранившимся следам дерева, покойников хоронили в гробах. Погребальный инвентарь небогат, в некоторых могилах обнаружены глиняные грузила, пряслица, зубы медведя, кабана и лошади, служившие амулетами. Погребальный ритуал напоминает характерные черты обряда волжских болгар, которые хоронили покойников в неглубоких ямах, вытянуто, ориентируя головой на запад, могильный инвентарь беден, а во многих случаях в погребениях вещей не было.

Таким образом, материал раскопок селища и могильника «Пайлаху» свидетельствует о раннем появлении болгар в Припилье, где они смешались с местным населением городецкой культуры.

Челкасинское селище. Поселение обнаружено в 1965 г., раскопки проведены в 1967 и 1968 гг. Поселение расположено в 3 км западнее «Пялаху», на окраине д. Челкасы, занимает верхнюю часть холма «Тёме». В поселении открыты остатки бревенчатых домов с подпольями, два сырודутных горна ямного типа, ямы-погребки и зернохранилища цилиндрической формы с обмазанными глиной стенками. В одной из них обнаружены зерна злаковых: овса (*Avena sativa* L.), ржи (*Secale cereale* L.), пшеницы (*Triticum vulgare* K.), ячменя (*Hordeum sativum*). В составе стада, судя по находкам костей, преобладали крупный рогатый скот, лошади и свиньи. Находки разрубленных трубчатых костей лошадей в кухонных отбросах говорят о широком употреблении конины в пищу. Встречены также кости диких животных (лося, бобра), птиц и рыбы.

Керамика, металлические предметы (ножи, цилиндрические замки, скобы и др.) аналогичны материалу из верхних слоев «Пялаху», что позволяет относить Челкасинское селище к кругу болгарских памятников.

В бассейне р. Б. Цивиль открыто несколько болгарских селищ (близ с. Убеева, Именево, Досаево). На восточном берегу реки Кюль Сырми, в 2 км западнее д. Досаево, колхозники в 1975 г. обнаружили клад чжучидских монет (всего 569 штук). При обследовании места находки клада в поле открыты хозяйственные сооружения — кладовки, гончарный горн, найдены обломки круговой посуды позднебулгарского времени (преимущественно красного цвета).

У д. Таутово (Аликовский район) в 1965 г. Н. В. Трубниковой обследовано селище, где найдены обломки сосудов, среди которых большой процент падает на гончарную керамику из хорошо отмученной глины, с линейным и волнистым орнаментом и вертикальными полосами лощения. Находки обломков чугунных котлов тех же форм, что и болгарские XIII—XIV вв., говорят о том, что поселение, возникшее в домонгольское время, функционировало и в последующие столетия.

В северной части Чувашии Булгарские памятники обнаружены в ряде мест. На Криушской дюне в 1956 г. Н. В. Трубниковой обследованы остатки средневекового поселения с материалом булгарского времени: обломки гончарной красноглинной керамики с вертикальным лощением поверхности, с узорами из прямых и волнистых линий, найдены шиферное пряслице, бронзовые украшения салтовского типа, ножи железные, удила и другие вещи. Булгарский слой поселения датируется X—XII вв.

В 1959—1961 гг. А. П. Смирновым и В. Ф. Каховским проведены раскопки селища близ д. Б. Янгильдино (Чебоксар-

ский район). Поселение расположено вдоль р. Сетнерки, притока р. Рыкши, в 1 км западнее указанной деревни. Раскопками трех лет вскрыто на поселении 1492 кв. м; открыты остатки глинобитных жилищ и наземных бревенчатых домов с подпольями, хозяйственные ямы округлой, цилиндрической и прямоугольной форм.

Культурные остатки городецкого времени залежали в одном слое с булгарским материалом. Круговая посуда довольно высокого обжига составляет значительную часть керамического комплекса. Причем около половины гончарной керамики состоит из черепков желтой посуды с дресвой в тесте, красная представлена в незначительном количестве (около 4%). Орнамент гончарной посуды выполнен характерными булгарскими узорами (параллельные и волнистые линии по тулову и горлу, ямки по венчику, встречается фестончатый мотив). Горшки и миски покрыты вертикальным лощением, венчики слегка отогнуты наружу, кувшины с узким горлом имели скобовидные ручки.

Комплекс металлических изделий включает в себя серп, обломок плужного резака, ножи, цилиндрические замки, удила, подковы, наконечники стрел, орудия кузнеца (пробойники, зубила) и предметы быта, имевшие распространение в булгарских памятниках домонгольского времени. Костяные изделия немногочисленны (кочедык, ручки ножей, иглы для вязки рыболовных сетей и др.).

Местонахождения предметов булгарской культуры, главным образом, фрагментов керамики выявлены недалеко от Б. Янгильдинского селища — в 2 км западнее него, близ д. Самуково, на южной окраине с. Икково, на поселении в устье р. Кукшум, притока р. Цивиль, на северной окраине Ердово, на городищах Каршлых и «Малахай», близ Ильинки и в других местах.

Булгарские древности г. Чебоксар. В русской летописи Чебоксары впервые упоминаются в 1469 г. После вхождения Чувашии в Русское государство, в 1555 г., в Чебоксарах была построена деревянная крепость и после этого поселение получило городское право.

Ранние этапы истории города стали проясняться благодаря археологическим материалам, полученным в итоге раскопок 1966, 1969—1972 гг. в его старой части. В нижних слоях культурных напластований в раскопках, заложенных на улице Чернышевского, Р. Люксембург и Советская, преобладает булгарская гончарная лощеная керамика преимущественно желтого и коричневого цветов с резным и волнистым линейным орнаментом, редко встречается гребенчатый штамп. Преобладают кувшины с одной ручкой, горшковидные больших размеров, чаши и блюда. Венчики Чебоксарской посуды из

нижних слоев подразделяются на несколько типов: 1) прямые или слабо отогнутые наружу с незначительным утолщением верхнего края; под обрезом венчика имеется небольшой валик; 2) прямые или слегка отогнутые наружу, с внутренней стороны под обрезом венчика есть налест—утолщение; 3) прямые или слегка отогнутые наружу или внутрь, обрез закругленный или утолщенный, образующий овальный выступ; 4) короткие прямые с утолщенным верхним краем, завернутым наружу; 5) прямые или слегка отогнутые наружу, с округлым обрезом. Венчики этих типов имели распространение во всех болгарских поселениях на территории Чувашии. Находки мозаичной бусины, подвески в виде знака вопроса указывают на болгарское время.

Открытые сырдутные горны и остатки ювелирных мастерских, где найдены миниатюрный молоточек, наковаленка, льячки и тигельки, показывают, что в низовьях Чебоксарки еще в болгарское время возникло поселение как центр ремесла и торговли. В слоях XIV—XV вв. найдены обломки позднеболгарской посуды, преимущественно красного цвета, встречены фрагменты полихромной посуды золотоордынского времени, круглые зеркала и другие привозные ремесленные изделия. С вхождением в состав России в Чебоксарах наступил подъем ремесленного производства, оживились торговые связи с русскими городами Поволжья.

Изделия чебоксарских ремесленников распространялись по чувашским деревням.

В 1974—1976 гг. Чувашская экспедиция под руководством В. Ф. Каховского проводила разведочные работы в бассейне р. Суры, на территории Чувашии.

В 1974 г. обследованы болгарские селища в низовьях р. Утюш — притока Суры и близ с. Стемасы. На селище Стемасы I, расположенном на надлуговой террасе правобережья Суры, при раскопках открыты остатки наземных жилищ с подпольями. В керамическом комплексе численно преобладают черепки круговой посуды (кувшиновидных сосудов, корчаг и чашек) желтого, коричневого и красного цветов, покрытых вертикальными полосами лощения и специфическими орнаментальными узорами (волнистыми и параллельными линиями, гребенчатым штампом); некоторые экземпляры покрыты ангобом палевого цвета. По составу теста гончарная керамика неоднородна — красноглинистые сосуды содержат в тесте примесь мелкозернистого песка, сосуды из грубого теста имеют примесь мелкого шамота и дресвы.

Металлические изделия: ножи, наконечник стрелы ромбической формы, рыболовный крючок, цилиндрические замки и ключи—имеют общераспространенные формы. Местным краеведом Ю. Б. Новиковым на селище было найдено шиферное

пряслице (хранится в фондах Алатырского краеведческого музея).

Севернее с. Стемасы открыто еще одно болгарское поселение.

Селище Сурской Майдан. Открыто в 2 км севернее современного села, на песчаном всхолмлении вдоль левого берега Суры. В ходе обследования обнаружены остатки наземных жилищ и гончарного горна. Обломки круговой болгарской посуды желтого, коричневого и красного цветов покрыты лощением; венчики прямые, с наружным утолщением плавно отогнуты наружу, встречаются желобчатые углубления по верхнему краю, найдена ручка кумганчика. Обнаружены также обломки чернолощенной посуды. Находка обломка стенки чугунного котла указывает на позднеболгарскую дату памятника.

Порецкое поселение. На территории поселка Порецкое, на его южной окраине, по ул. Комсомольская и в прилегающих к ней переулках, найдены обломки желтой и красной круговой посуды (венчики, стенки, ручки и днища), покрытые лощением, линейным и волнистым узорами. В тесте содержится мелкий песок, обжиг хороший, черепки плотные—звонкие. Значительную часть керамического материала составляют обломки чернолощенной посуды, получившей распространение в крае в XIV—XV вв. В археологической литературе высказывают мнение, что производство этого типа керамики возникло на базе болгарской технологии.

Можно предположить, что Порецкое поселение, расположенное на возвышенном левом берегу Суры, могло быть одним из опорных пунктов на западной границе Волжской Булгарии.

Черепки болгарских сосудов (горшковидных, кувшинообразных, чаш) найдены на территории современных присурских селений: Ряпино, Соляной ключ, Тихомирово, Шатино, у д. Устиновки, Мочкасы, Скучиха, Антипинка, Мурзяны, Борятинское, Каратаевка, Лекаревка, Бокшандино, г. Ядрина.

Новые археологические открытия подтверждают мнение А. П. Смирнова о том, что Присурье являлось западной границей Волжской Булгарии. Следовательно, вся территория современной Чувашии входила в состав Болгарского государства.

* * *

Болгарский этнический компонент участвовал в этногенезе чувашского, татарского и частично башкирского народа. Чуваши унаследовали от своих болгаро-сувазских предков тюркский язык, этническое имя и богатое культурное наследие. Чуваши, как и болгаро-сувазские племена, были типичным зем-

ледельческим народом. Булгарские орудия земледелия (ага, чувашское агапусь—плуг, серпы, косы—горбуши и др.) и термины земледелия бытовали у чувашей повсеместно. Булгарские традиции сохранились во всех сферах жизни чувашей. Типы жилищ, планировка дворов и селений, элементы национальной одежды, предметы украшения, орнаментальные мотивы, кузнечное дело и строительное искусство развивались у них на базе булгарской материальной культуры.

На хозяйственное и культурное развитие народов Поволжья прогрессивное влияние оказывала материальная и духовная культура великого русского народа.

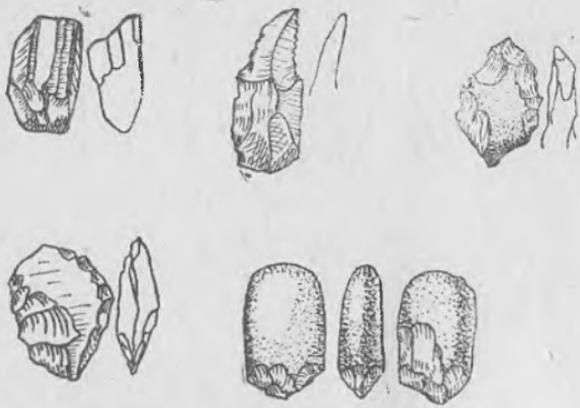

Рис. 1. Кремневый инвентарь мезолита.
Постников овраг II.

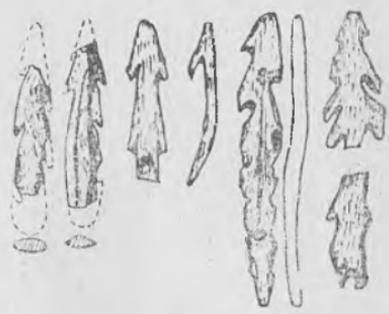

Рис. 2. Костяные орудия
позднепалеолитического
и мезолитического возраста.

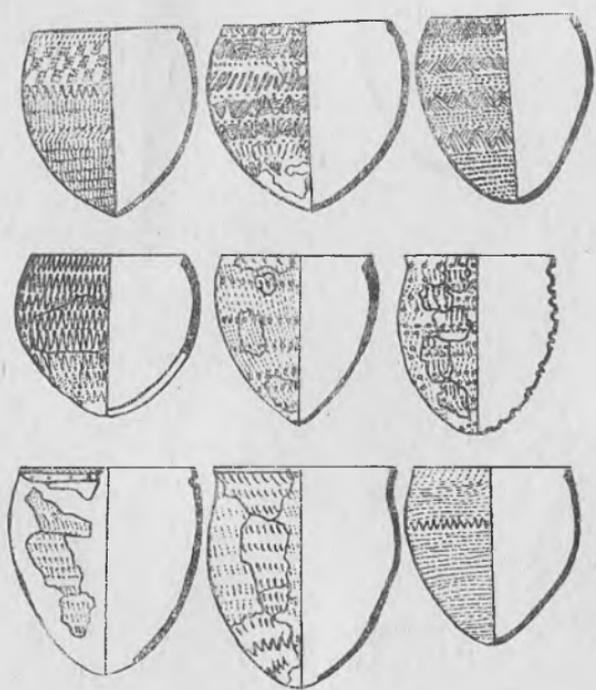

Рис. 3. Формы неолитических сосудов позднего периода
волго-камской культуры.

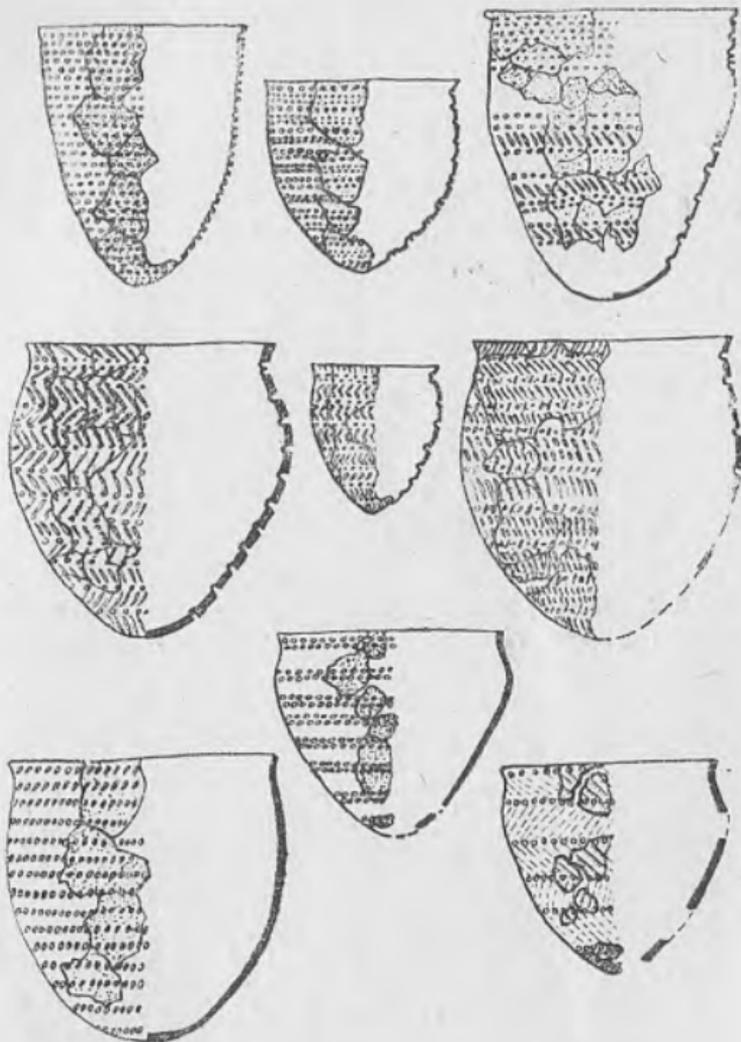

Рис. 4. Глиняная посуда из балахнинских стоянок Среднего Поволжья.

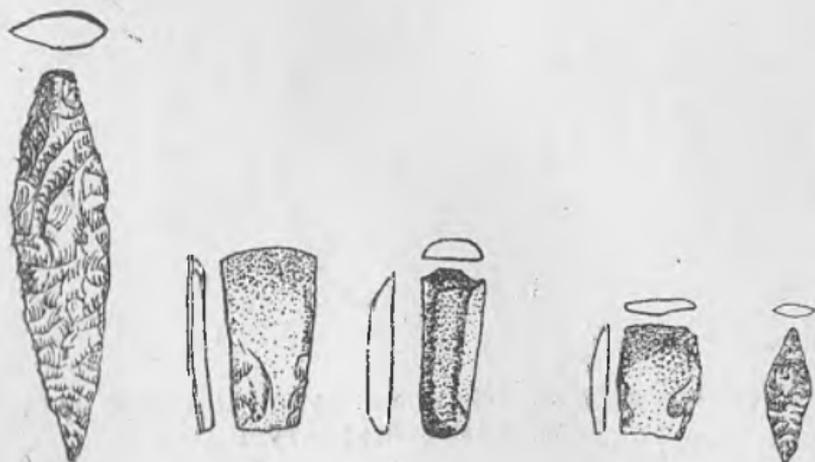

Рис. 5. Каменные орудия балахнинского гня.

Рис. 6. Каменные изделия из воловских памятников Среднего Поволжья.

Рис. 7. Формы воловских сосудов.

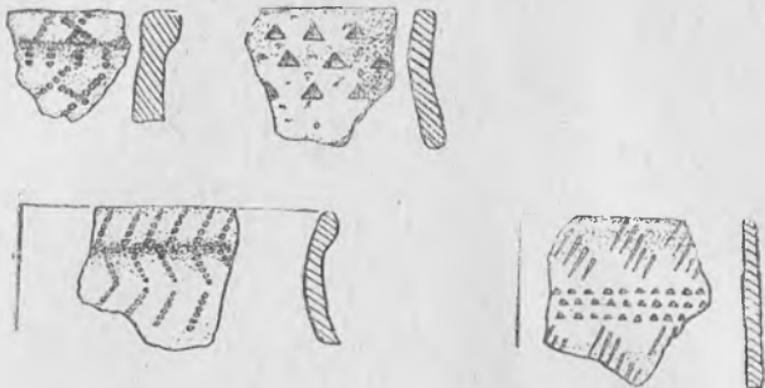

Рис. 8. Поздневолоосовская керамика.

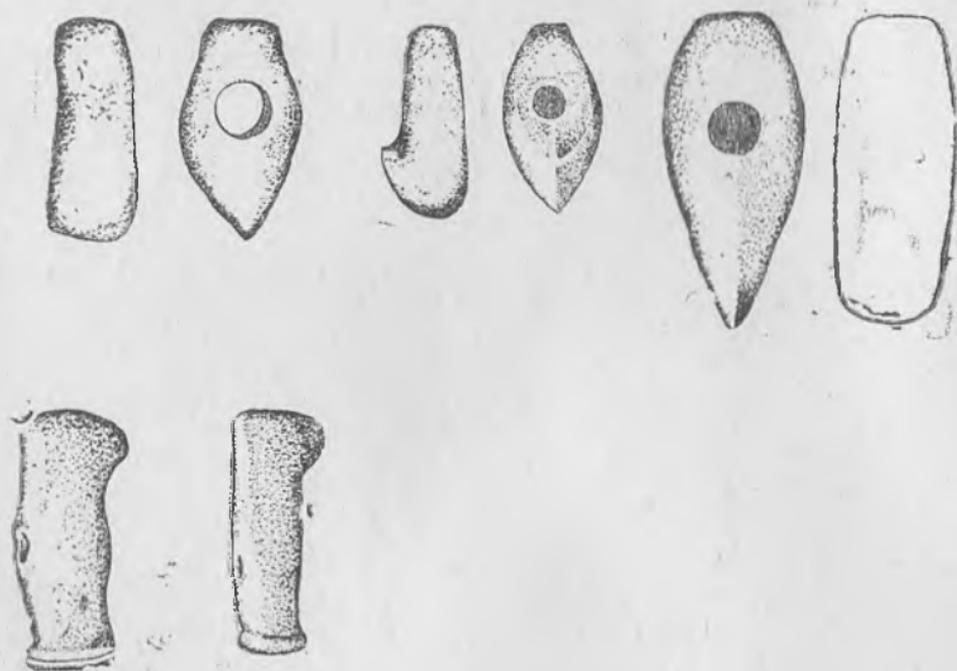

Рис. 9. Каменные боевые топоры — молоты (верхний ряд) и их глиняные копии (нижний ряд).

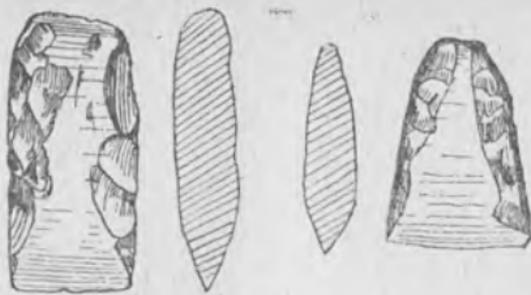

Рис. 10. Шлифованные кремневые топоры клиновидной формы.
Балановская культура.

Рис. 11. Кремневые наконечники стрел (1—3), медные
острия (4—10) и подвески-амулеты из просверленных
зубов животных (11—14).

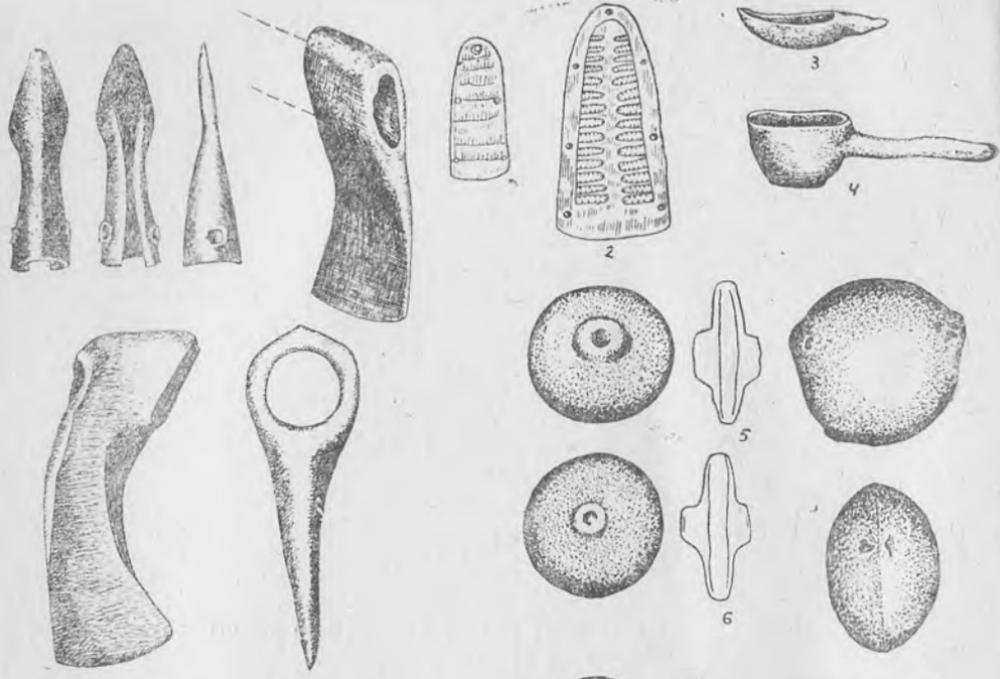

Рис. 12. Медное боевое оружие. Балановская культура.

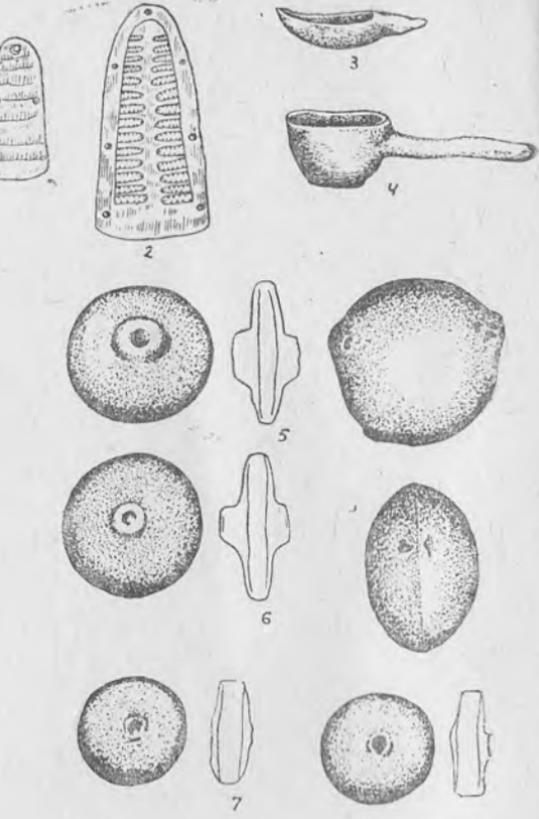

Рис. 13. Костяные дощечки (1—2), глиняные ложки-черпаки (3, 4) и глиняные игрушки (колесики от повозок и погремушка).

Рис. 14. Вещи из Тауровского могильника.

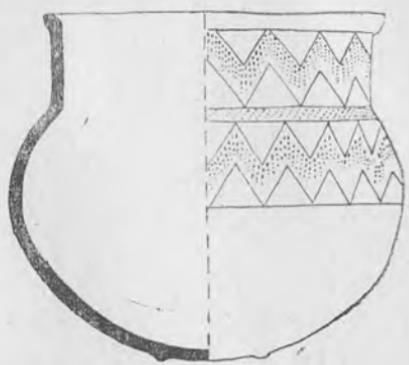

Рис. 15. Сосуд из кургана у д. Кумаккасы.

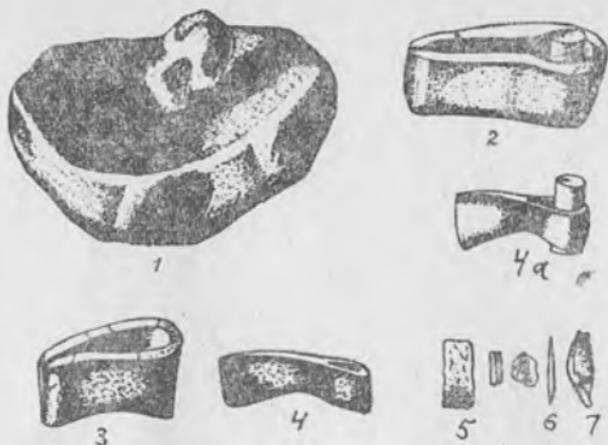

Рис. 16. Вещи из Чурачикского кургана: зернотерка (1), литейные формы (2,3), медный топор (4), кремневый топорик (5), шило (6) и амулет (7).

Рис 17. Медные украшения.

Рис. 18. Костяные изделия. Баланово.

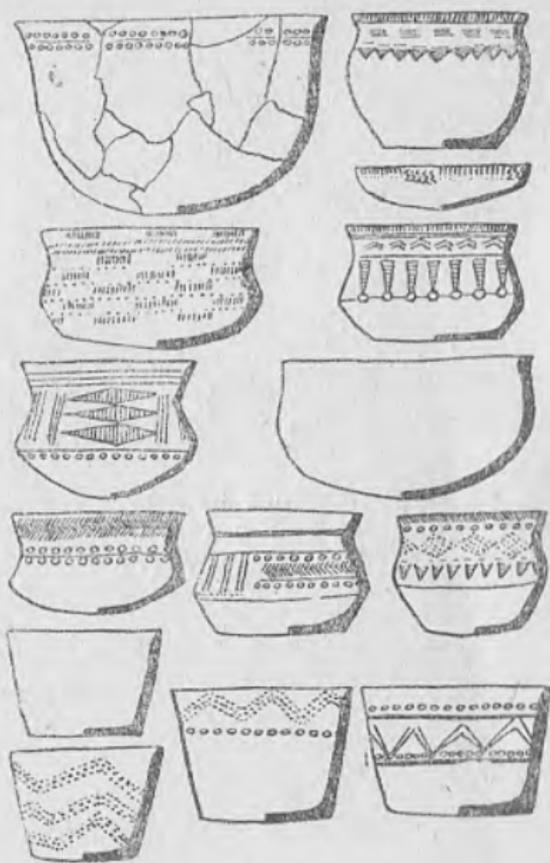

Рис. 19. Сосуды из курганов абашевской культуры.

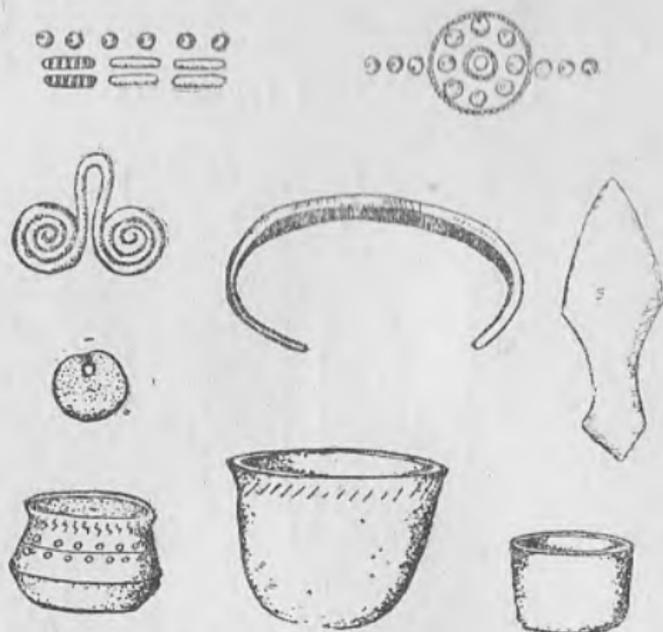

Рис. 20. Вещи из абашевских курганов.

Рис. 21. Срубная керамика.

Рис. 22. Глиняные изделия: грузила и сосуды городецкого типа.

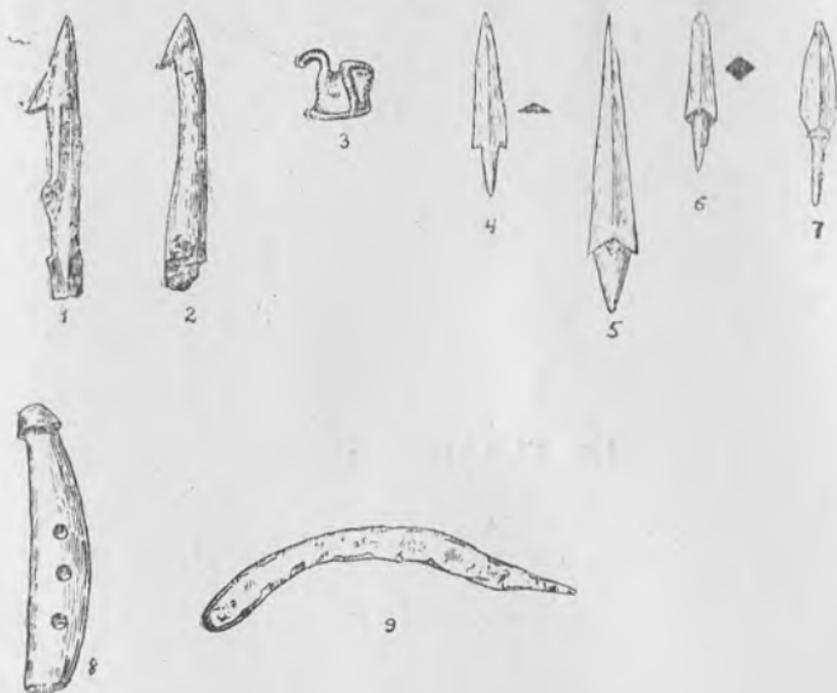

Рис. 23. Вещи с городищ: гарпуны (1, 2), бронзовая подвеска (3), костяные наконечники стрел (4—7), костяной псалий (8), серп железный (9).

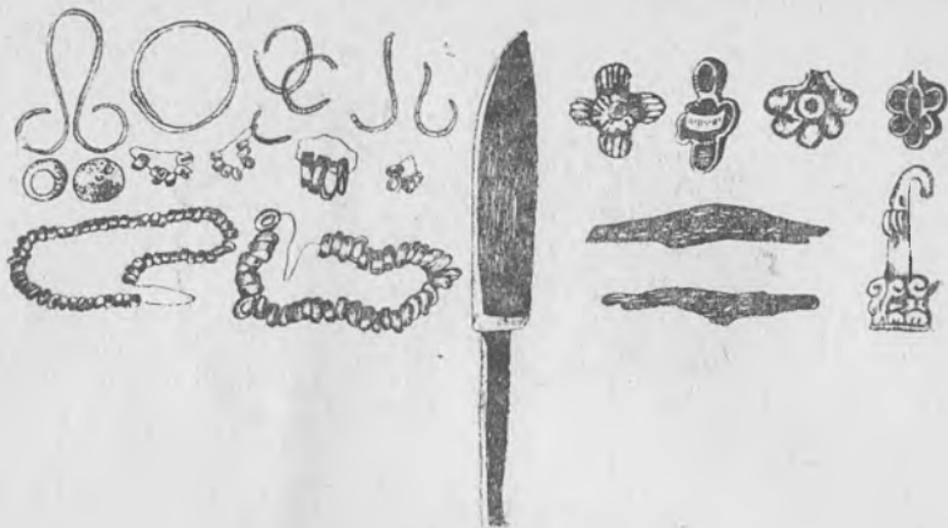

Рис. 24. Вещи из Чурачикского могильника.

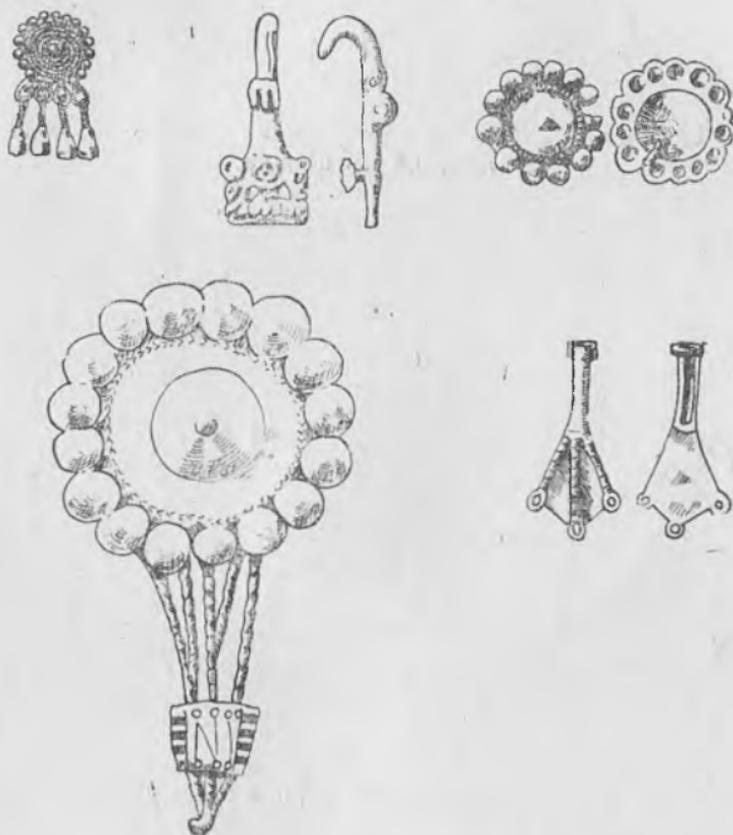

Рис. 25. Пьяноборские украшения.

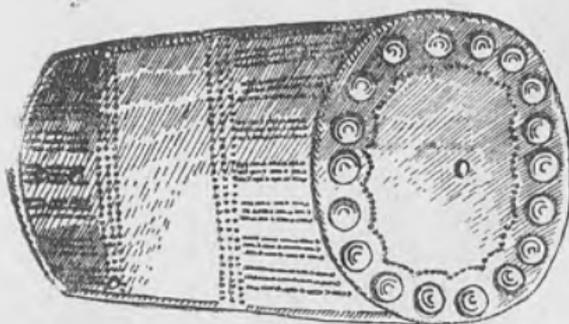
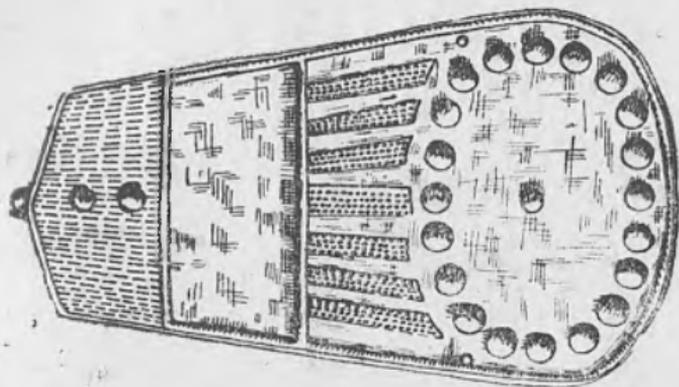

Рис. 26. Эполетообразные застёжки из медных пластин.
Азелинский могильник.

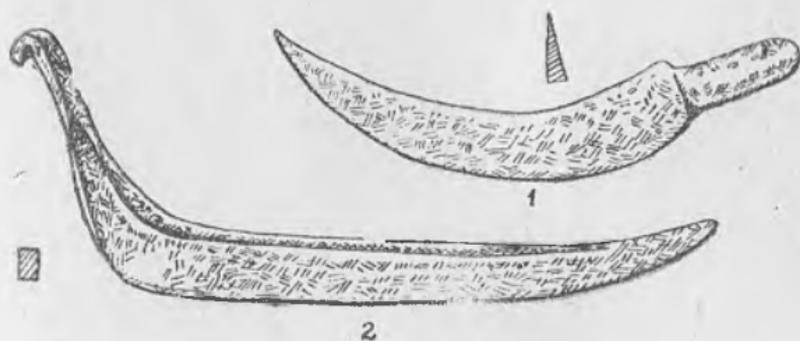

Рис. 27. Железный серп и коса.

Рис. 28. Реконструкция женского наряда из погребения 5 Суворовского могильника (по В. Ф. Генингу).

Рис. 29. Булгарская керамика.

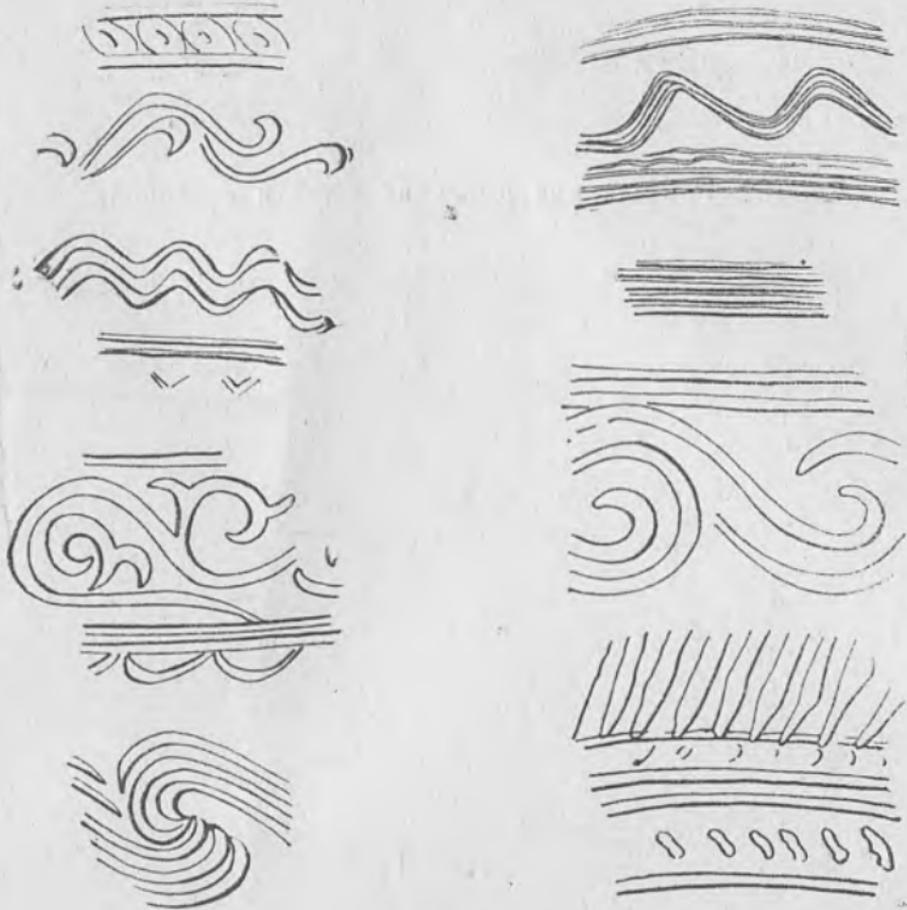

Рис. 30. Образцы орнаментов на болгарской посуде
(по А. П. Смирнову).

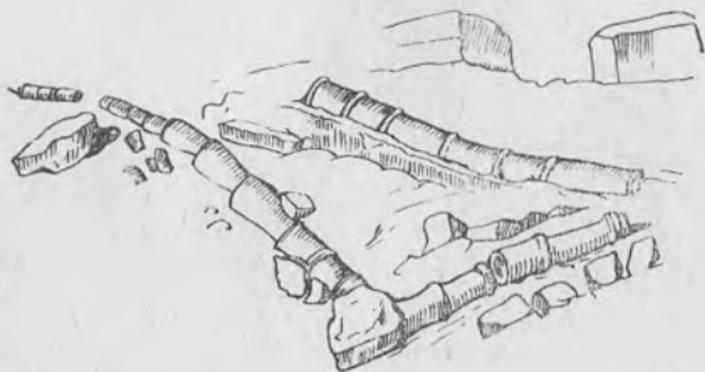

Рис. 31. Остатки водопровода из гончарных труб в Болгарах.

Рис. 32. Грузила для рыбацких сетей и пряслица.

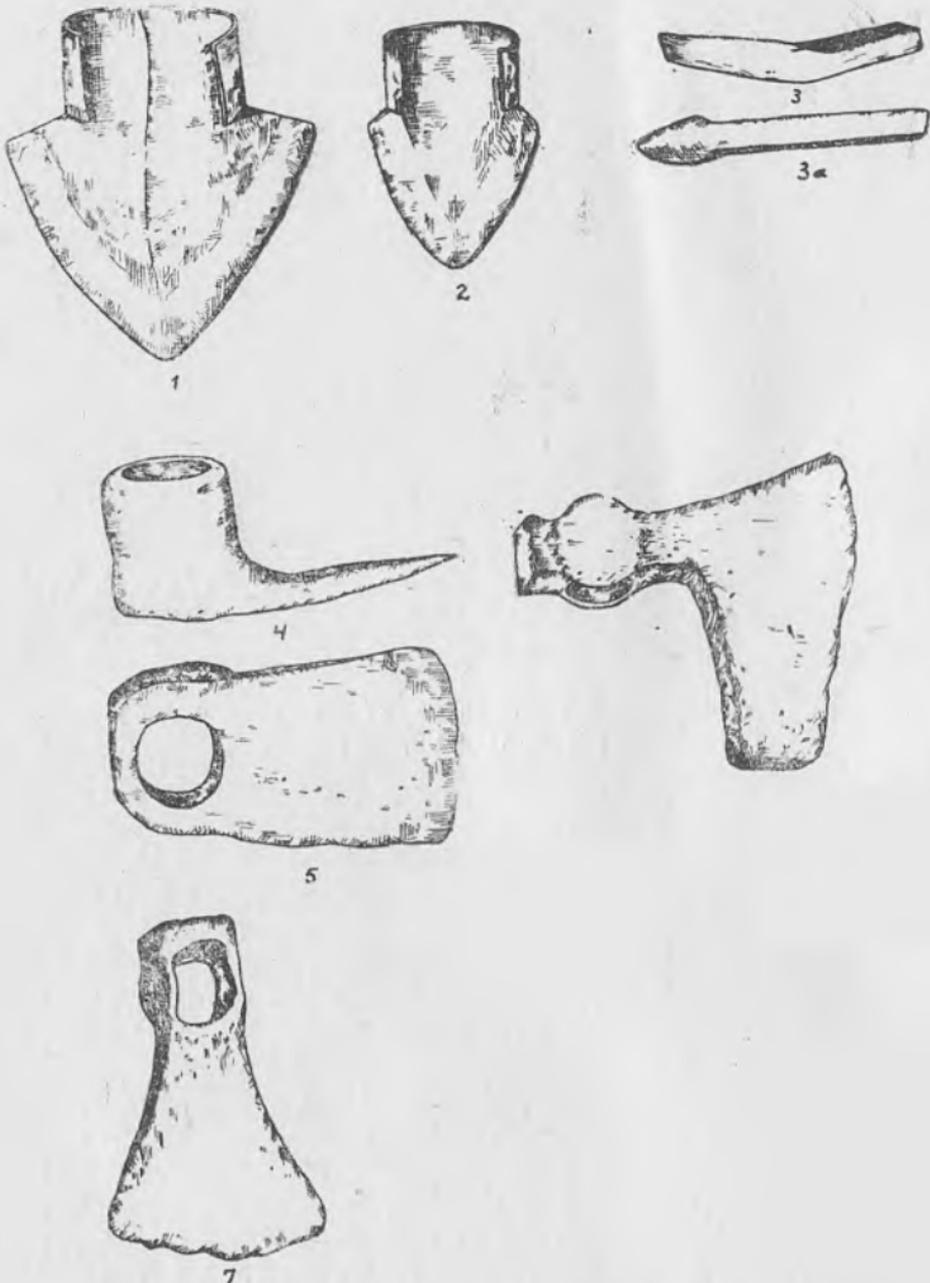

Рис. 33. Металлические изделия: сошники (1, 2), плужные лемехи (3, 4), ручная мотыга (4, 5), топор (6) и плотничное тесло (7).

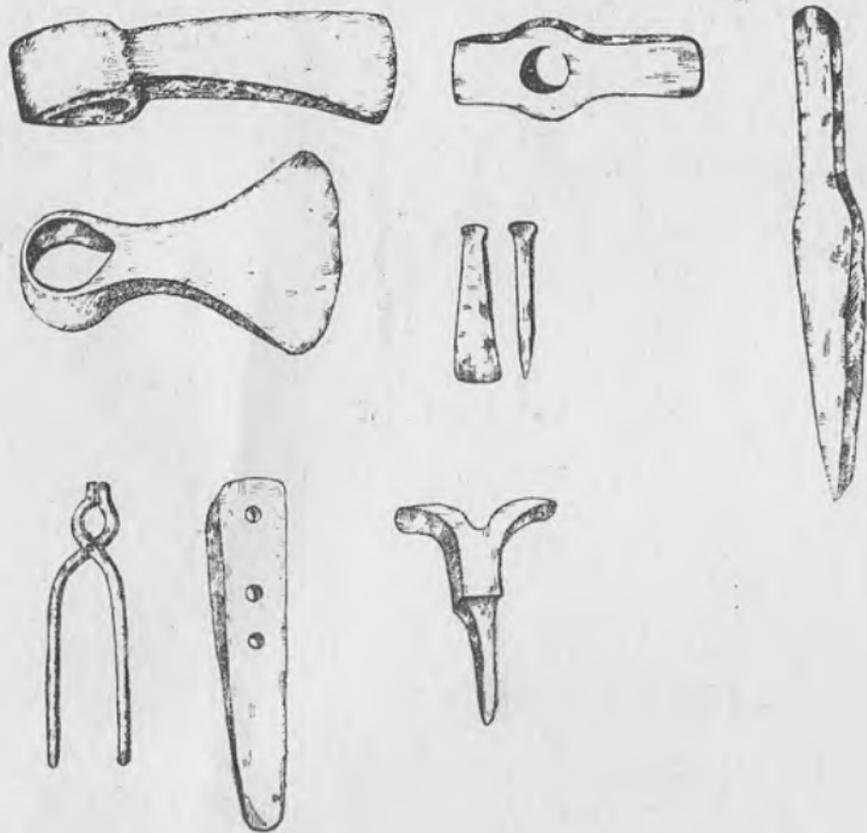

Рис. 34. Кузнечные орудия.

Рис. 35. Булгарский серп.

Рис. 36. Замок.

Рис. 37. Железные изделия. Хулаш.

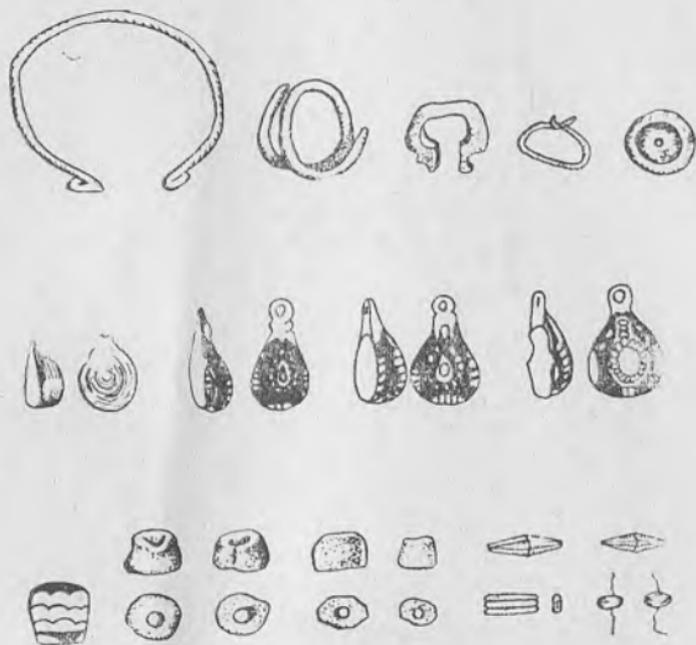

Рис. 38. Предметы украшения. Хулаш.

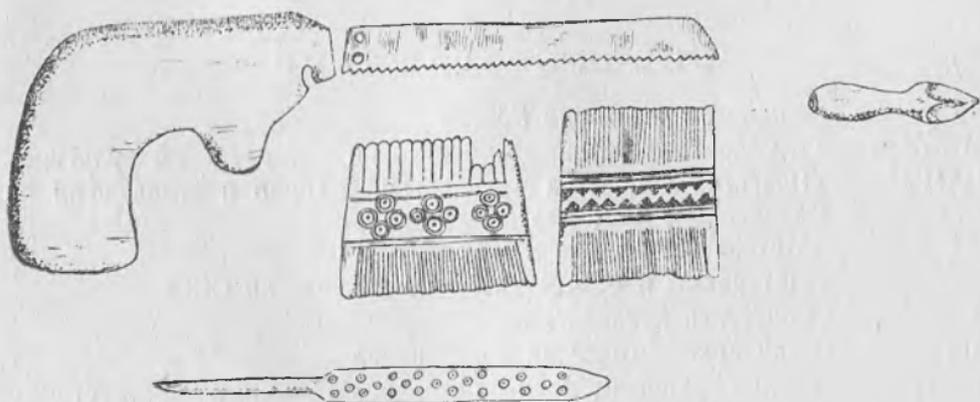

Рис. 39. Пилка для распиловки кости и костяные изделия болгарских ремесленников.

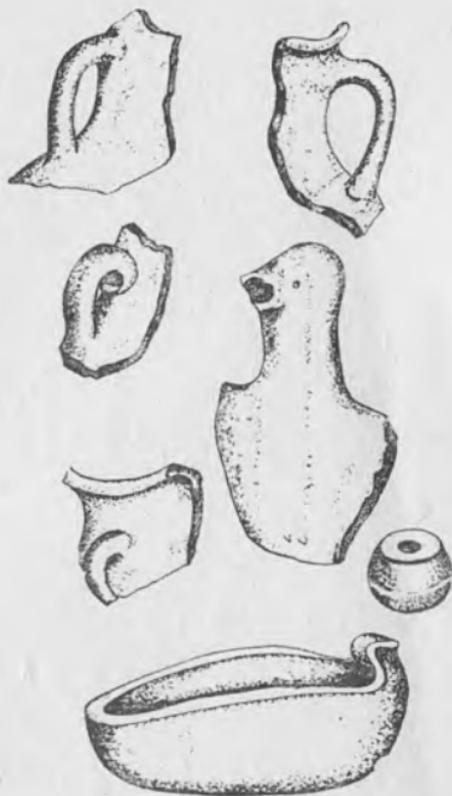

Рис. 40. Глиняные сосуды, пряслице и светильник. Тигашево.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВАУ — «Вопросы археологии Урала»
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 ИОАИЭ — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете»
 МАР — «Материалы по археологии России»
 МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР»
 СА — «Советская археология»
 САИ — «Свод археологических источников»
 УЗ ЧНИИ — «Ученые записки» Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР

ЛИТЕРАТУРА

- Абашевская культура в Среднем Поволжье. М., МИА, 1961, № 97.
- Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах — УЗ ЧНИИ, вып. XXV, Чебоксары, 1964.
- Археология, этнография Башкирии. Вып. 4. Уфа, 1971.
- Архипов Г. А. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола, 1976.
- Бадер О. Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.
- Бадер О. Н. Капова пещера. М., 1965.
- Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. М.-Л., 1960, № 81.
- Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.
- Генинг В. Ф. Азелинская культура III—IV вв. ВАУ. Вып. 5. Свердловск, 1963.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Большетарханский могильник). М., 1964.
- Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972.
- Городцев В. А. Бытовая археология. М., 1910.
- Дьяковская культура. М., 1974.
- Жиганов М. Ф. Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. Саранск, 1976.
- Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., МИА, 1952, № 30.
- Каховский В. Ф. Памятники истории и культуры. Чебоксары, 1969.
- Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе восточной Европы. М., МИА, 1971, № 174.
- Мажитов Н. А. Тайны древнего Урала. Уфа, 1973.
- Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-Маяцкая культура. МИА, М., 1967, № 142.
- Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.
- Смирнов А. П. Древняя история чувашского народа. Чебоксары, 1948.

Смирнов А. П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск, 1949.

Смирнов А. П. Волжские Булгары. М., 1951.

Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., МИА, 1952, № 28.

Смирнов А. П. Железный век Башкирии. М., МИА, 1957, № 58.

Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья. М., МИА, 1961, 95.

Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура. САИ, вып. Д-1-14. М., 1965.

Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб, 1906.

Старостин П. Н. Памятники Именьковской культуры САИ, вып. Д-1-52. М., 1967.

Степанов П. Д. Ош Пандо. Саранск, 1967.

Третьяков П. Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948.

Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966.

Труды Горьковской археологической экспедиции. МИА, 110. М.-Л., 1963.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Шпилевский С. М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Каменный век	12
Палеолит	12
Мезолит	14
Неолит	18
Энеолит	25
Бронзовый век	30
Балановская культура	31
Абашевская культура	43
Железный век	49
Городецкая культура	50
Ананьинская культура	56
Именьковская культура	60
Волжская Булгария.	67
Расселение болгарских и суварских племен	71
Булгарские памятники на территории современной Чувашии	79
Иллюстрации	89
Список сокращений	108
Литература	109

Василий Филиппович Каховский

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Учебное пособие

Тематический план 1977 г. п. 1138

Редактор Поздеева С. В.

Корректоры Евстифеева В. Н., Локтева З. И.

Обложка и рисунки Каховского Б. В.

Подписано к печати 22/XII-1977 г. Формат 60×90/16. Бумага газетная.
Усл. п. л. 7. Уч.-изд. л. 5. Заказ № 835. Тираж 1000 экз. Цена 30 коп.

Типография Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Московский пр., 15.